Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Keywords: Early Russian Culture, Scandinavians, smithcraft, jewelry, female jewelry, male subculture, weapons, funerary rite.

Cuvinte cheie: cultura rusă veche, scandinavi, fierărie, articole de giuvaergerie, port feminin, subcultură bărbătească, armament, rit funerar.

Ключевые слова: древнерусская культура, скандинавы, кузнечное дело, ювелирные украшения, женский убор, мужская субкультура, оружие, погребальный обряд.

Yu. M. Lesman

Scandinavian Component in the Early Russian Culture

This article is a post-mortem publication of Yu. M. Lesman's paper, in the version it had acquired by 2010. It is an analytical overview of originally Scandinavian elements in the Early Russian culture. The author identifies specificity and dynamics of penetration of Scandinavian components into the Early Russian culture, focusing, particularly, on Scandinavian elements in development of smithcraft ("pack" technology, bundles, etc.) and jewelry, Scandinavian prototypes in the Early Russian female jewelry set and Scandinavian features of the funerary rite.

Yu. M. Lesman

Componentul scandinav al culturii ruse vechi

Prezentul articol reprezintă publicația postumă a lucrării lui Yu. M. Lesman în stadiul la care ea se afla în 2010. Studiul reprezintă o trecere analitică în revistă a elementelor de origine scandinavă în cultura rusă veche. Autorul caracterizează specificul și dinamica pătrunderii acestor elemente. Sunt analizate componentele scandinave din tradiția meșteșugărească de prelucrare a fierului (tehnologie „de lot", noduri, etc.) și confecționare a podoabelor, prototipurile scandinave în giuvaergeria portului feminin, trăsăturile de origine scandinavă ale ritului funerar.

Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Данная статья является посмертной публикацией работы Ю. М. Лесмана в том виде, какой она приняла к 2010 г. Статья посвящена аналитическому обзору скандинавских по происхождению элементов древнерусской культуры. Автор прослеживает специфику и динамику вхождения скандинавских компонентов в древнерусскую культуру. Рассматриваются скандинавские компоненты в формировании ремесленной традиции в кузнечном деле (пакетная технология, узлы и др.) и ювелирном ремесле, скандинавские прототипы в древнерусском женском ювелирном уборе, скандинавские по происхождению черты погребального обряда.

От редакции

Статью «Скандинавский компонент древнерусской культуры» Ю. М. Лесман готовил к печати на основе доклада, прочитанного на конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света». Конференция проходила с 14 по 18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. Материалы конференции в 2009 г. были изданы, однако статьи Ю. М. в этом издании нет — автор продолжал дорабатывать текст и, как это с ним часто бывало, в срок статью в издательство не сдал.

В компьютере Ю. М. сохранились, по крайней мере, шесть вариантов текста статьи, при этом от варианта к варианту название статьи уточнялось, а объем разрастался. Если в начале марта 2008 г. статья называлась «Скандинавский компонент древнерусской культуры: предварительный эскиз», а объем текста едва достигал 3 п. л., то уже через месяц рукопись увеличилась до 4 п. л., еще через три с половиной месяца она превысила 5,5 п. л., а название приобрело свой окончательный облик. К весне 2009 г. объем достиг 6 п. л. В дальнейшем работа над рукописью свелась к стилистической правке.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© Ю. М. Лесман, 2014.

Публикация подготовлена на основе последнего из сохранившихся вариантов статьи, датированного июлем 2010 г. Вмешательством в авторский текст явились исправление явных опечаток, мелкая стилистическая правка и унификация ссылок. Публикацию статьи предваряют тезисы доклада 2007 г., сохранившиеся в компьютере Ю. М. Дискуссия по докладу была опубликована в материалах конференции (Сложение... 2009: 569—571, 587—588).

С. В. Белецкий

Тезисы доклада

1. Материальная культура древней Руси как древнерусская археологическая культура. Территориально-хронологические рамки.

2. Этап формирования древнерусской культуры — середина X—XI вв.; центры кристаллизации.

3. Скандинавский компонент в формировании ремесленной традиции. Кузнечное дело (пакетная технология, узлы и др.). Ювелирное ремесло (сложные чеканы-штемпели, завязанноконечные изделия и др.). Способы крепления изделий (железные гвозди, заклепки, обмотки рукоятей и др.).

4. Скандинавский компонент в сложении древнерусского женского убора и, в частности, его локальных «племенных» особенностей. Усвоение и переработка скандинавских прототипов украшений (браслеты, височные кольца, подвески, фибулы и др.).

5. Скандинавский компонент в сложении древнерусской погребальной обрядности. Камерные погребения и их традиция. Жальничные и каменные могильники, их скандинавские прототипы и аналоги. Роль камня в погребальных конструкциях. Погребения в сидячем положении.

6. Русско-скандинавский культурный пласт в археологических проявлениях (типологические особенности вещей и особенности иконографии изображений).

7. Регионально-хронологические различия в восприятии скандинавских компонентов местной культурой. Модель механизмов взаимодействия (усвоения и отторжения скандинавских компонентов).

8. Судьба скандинавского компонента в древнерусской культуре.

* * *

Древнерусская культура формируется на протяжении середины X—XI вв., объединяя огромные пространства лесной и лесостепной (а в какой-то мере и степной) зоны Восточной Европы, занятые ранее мозаикой различных, в той или иной степени различающихся археологических культур, памятники которых иногда соседствуют друг с другом, иногда располагаются чересполосно. Основные из этих культур (памятники которых датируются теми или иными интервалами в промежутке между VI и XI вв.): Луки Райковецкой, роменско-боршевская (с определенными различиями между роменской и боршевской группами, Верхним Поочьем и Подмосковьем), салтово-маяцкая, смоленских длинных курганов, северных (псковско-боровичских) длинных курганов, сопок, курганов юго-восточного Приладожья, мерянская (при всей условности использования этнического наименования), хотя этот список можно расширять, как за счет пограничных территорий, так и за счет более дробной культурной дифференциации. Говоря об этих культурах и об их соотношении с древнерусской, следует учитывать хронологические различия, так как некоторые из них возникли существенно раньше древнерусской, и большинство их памятников предшествуют наиболее ранним древнерусским, а некоторые — лишь ненамного опередили древнерусскую (наиболее поздние — культуры сопок и приладожских курганов), и значительная часть относящихся к этим культурам памятников синхронна ранним древнерусским.

Начиная со второй половины X в. явственно фиксируется процесс распространения новой культурной общности, причем распространение происходит неравномерно и первоначально охватывает не столько обширные территории, сколько отдельные узловые точки: в первую очередь возникающие города, но также и ряд поселений (и связанных с ними могильников) в сельской местности. Как правило, они играли роль своего рода центров кристаллизации новой культурной общности: здесь формировались новые культурные стереотипы, или сюда они раньше проникали и в дальнейшем отсюда транслировались далее. Следует учитывать, что древнерусская культура в X в. представляла собой только зарождающееся явление и еще не выработала устойчивых форм. Как сравнительно однородное (при всех межрегиональных и иерархических различиях: между городами разного статуса и сельскими районами, между субкультурами разных социальных групп) и относительно стабильное явление (обладающее своей динамикой развития) древнерусская культура становится осязаемой реальностью лишь в XI в., а ряд инокультурных групп поглощается ею лишь в первой половине следующего столетия. В целом территориальные границы новой культурной общности соответствуют территориальным границам Древнерусского государственного образования.

При всех успехах археологического изучения древнерусской культуры, основное внимание исследователей было традиционно сосредоточено преимущественно на ее характеристике. Культуры, возникшие раньше и существовавшие на той же территории или на соседних территориях, изучались, в первую очередь, либо сами по себе, либо в рамках ретроспективного метода, нацеленного на поиск корней тех или иных особенностей древнерусской культуры (здесь, не останавливаясь на огромной библиографии, следует назвать в пер-

вую очередь работы В. В. Седова и, применительно к культурам, входящим в культурный круг, традиционно интерпретируемый как оставленный носителями финно-угорских языков, Е. А. Рябинина).

Как представляется, нерешенность, а нередко и непоставленность многих проблем сложения древнерусской культуры связана с двумя основными причинами (не считая очевидной и вечной нехватки фактических материалов и их недостаточной обработанности). Одна из них носит методологический характер и непосредственно связана с многолетним господством ретроспективного метода, нацеленного на поиск корней (которых нередко оказывается много, а часть на поверку оказывается фиктивными), а не на реконструкцию, изучение и, по возможности, объяснение протекавших культурных процессов.

Вторая носит, скорее, источниковедческо-методический характер — недостаточное внимание к разработке хронологии. С одной стороны, в рамках статично-внутрикультурных или ретроспективных межкультурных исследований надежная и детальная хронология не так и важна. С другой стороны, отсутствие достаточно надежной и детальной хронологии (при всей недостаточности любых результатов), особенно хронологии абсолютной, оперирующей датами, сопоставимыми с реальной динамикой культурных и, шире, реальной динамикой исторических процессов и событий, делало невозможными сколь-нибудь надежные реконструкции процесса становления древнерусской культуры. В последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Во-первых, во многих случаях удалось уточнить датировки вещей, комплексов, памятников (Лесман 1996а и др.) и, следовательно, появилась возможность более адекватной характеристики культурного процесса. Во-вторых, появляются исследования, анализирующие сам процесс если не становления, то, по крайней мере, распространения древнерусской культуры (в первую очередь следует назвать монографию А. В. Григорьева, см.: Григорьев 2000). В то же время постепенно все более очевидной становится недостаточность (если не ошибочность) прямых ретроспективно-генетических реконструкций, связывающих древнерусскую культуру с ее непосредственными предшественниками, хотя столь же недостаточно (и ошибочно) полное отрицание связей. Сейчас очевидно, что процесс не был ни плавным, ни линейным. Реконструкция процесса формирования древнерусской культуры — непростая задача, к разрешению которой современная археология только приступает. Настоящая статья — лишь попытка представить предварительный набросок одного из фрагментов этой пока еще в полной мере даже не намеченной картины. Ее задача — выявить основные тенденции вхождения в древнерусскую культуру одного из компонентов ее генезиса — скандинавской культуры эпохи викингов; попытаться реконструировать динамику процессов, локальные особенности, механизмы, определявшие отбор древнерусским обществом тех компонентов культуры, которые усваивались, и тех, которые отвергались. В силу отсутствия пока общей картины генезиса древнерусской культуры, предлагаемые решения носят во многом предварительный характер и будут неизбежно корректироваться в дальнейшем. Недостаточно проработаны пока и многие частные (но далеко не второстепенные) вопросы. Огромные объем материала и территория заставляют в рамках статьи ограничиться лишь самой обобщенной характеристикой сюжетов, сколь бы важны и показательны для общей картины они ни были. Несомненно, ряд скандинавских компонентов древнерусской культуры остался вне поля зрения автора, который надеется, что его работа стимулирует коллег на их выявление и анализ. С другой стороны, автор тешит себя надеждой, что анализ участия скандинавского компонента в генезисе древнерусской культуры стимулирует исследование места и роли других культурных составляющих этого процесса, а также разработку общей модели культурогенеза древнерусской культуры.

При выявлении инокультурных компонентов, вошедших в древнерусскую культуру на этапе ее формирования, речь должна идти в первую очередь не об импортных изделиях, или памятниках (комплексах), оставленных на территории Древней Руси носителями иных культурных традиций, даже не о предметах, несомненно изготовленных на месте, но вне древнерусских культурных норм (насколько мы можем их реконструировать). Наиболее значимы те явления, которые вошли в древнерусскую культуру, а также принципы их отбора культурой: что воспринималось, а что нет; как модифицировались воспринятые явления в процессе аккультурации, насколько широко и быстро они распространились; какова была динамика их распространения в рамках разных субкультур, и насколько устойчиво эти инновации закрепились в культуре. Полный анализ в этом ракурсе всех аспектов древнерусской культуры выходит за границы моих возможностей, поэтому я ограничусь теми явлениями, которые удалось в той или иной степени исследовать, прекрасно понимая, что их круг может (и должен) быть расширен. Речь пойдет о: 1) производственных традициях в кузнечном и ювелирном деле, способах крепежа деревянных изделий и конструкций; 2) сложении типологического состава металлической части женского убора; 3) сложение ряда компонентов мужской субкультуры — в первую очередь комплекса вооружения и миниатюрного оружия; 4) древнерусской погребальной обрядности. За рамками настоящей статьи остается домостроительство, кораблестроение, агротехника, техника обработки кости (в, частности, изготовления гребней), дерева (в том числе с использованием токарного станка), проявляющиеся в наборе находок нормы бытового поведения и поддержания личной гигиены (в том числе использование гребней для расчесывания волос), использование тех или иных мотивов и композиций декора, а также другие аспекты древнерусской культуры.

1. Производственные традиции: кузнечное дело, ювелирное ремесло, крепеж

1.1. Сварной трехслойный пакет в технологии изготовления железных ножей

Ножи, изготовленные в соответствии с этой технологической схемой (стальная пластина по оси лезвия и железные по краям, что обеспечивало самозатачивание ножа в процессе эксплуатации) и отличающиеся от прочих также морфологически, были выделены среди древнерусских кузнечных изделий Б.А. Колчиным в 1950-е гг. (Колчин 1953; 1959), который отметил их типичность для Новгорода X—XI и отчасти XII вв. В 1980 г. Р.К. Минасян выделил среди восточноевропейских ножей группу (которая получила номер IV), отличающуюся определенной формой и конструкцией: лезвие с толстым обушком, незначительными уступами при переходе к черенку и, что важно для понимания конструкции ножа в целом, длинным загнутым на конце черенком, на конце которого могла быть железная шайба (Минасян 1980). Подобная конструкция предполагала, что черенок проходил сквозь деревянную или костяную рукоять насквозь и жестко закреплял ее загибом на конце и/или шайбой. Технологически ножи IV группы относятся к классу изделий из трехслойного сварного пакета. Р.С. Минасян отметил их связь со скандинавской культурной традицией. Сейчас происхождение на Руси как пакетной технологии, так и формы/конструкции ножей IV группы ни у кого уже не вызывает сомнения (см.: Терехова и др. 1997). Следует отметить лишь несколько существенных аспектов. В Скандинавии подобные ножи появляются лишь с началом эпохи викингов, то есть синхронно со Старой Ладогой (что не выделяет их из контекста скандинавской культуры, учитывая появление скандинавов в Ладоге еще в эпоху Венделя). Далеко не все ножи, изготовленные в пакетной технологии, имели столь длинный черенок, чтобы его можно было загибать на конце рукояти. У подавляющего большинства ножей эпохи викингов, как в Скандинавии, так и на Руси черенок был несколько более коротким (хотя и длиннее, чем у большинства ножей иных разновидностей) и лишь втыкался в рукоять[1]. На территории Новгородской земли в конце X — начале XII вв. ножи, изготовленные в пакетной технологии, стали фактически единственным использовавшимся здесь типом. Число находок подобных ножей исчисляется тысячами, что, несомненно, говорит о местном производстве большинства из них. В течении XII в. как технология, так и форма таких ножей выходят из употребления[2] (известны ножи-подражания, изготовленные в более простой технологии, но воспроизводящие форму пакетных), вытесняясь ножами со стальным наваренным лезвием, по форме относящимися к I группе по классификации Р.С. Минасяна. В более южных районах Руси пакетные ножи в X—XII вв. сосуществуют с технологически более примитивными изделиями, лезвие которых лишь цементировалось, а форма характерна для I группы ножей по Р.С. Минасяну (см.: Лесман 1989), в более восточных — с цементированными или цельножелезными ножами с прямой спинкой (Леонтьев 1976: 33—45; 1996: 103—110). К сожалению, при рассмотрении технологии ножей X—XIII вв. центральных и, особенно, южных районов Древней Руси, они характеризуются исследователями суммарно, без должной хронологической дифференциации. В результате делаются выводы о решительном преобладании на подавляющем большинстве памятников (кроме Гнездова и Шестовиц) на протяжении всего этого периода ножей с цельножелезным, цементированным или (в XII—XIII вв.) наварным стальным лезвием (морфологически I группа по Р.С. Минасяну). Между тем, в подавляющем большинстве подвергнутых серийным металлографическим исследованиям коллекциях большинство находок относится к предмонгольскому времени (конец XII в. — 1240 г.), когда пакетная технология и в Новгороде ушла в прошлое. Анализ материалов памятников, на которых доля находок конца X—XI вв. более высока, дал радикально иную картину (Вознесенська, Паньков 2004). Показательно, что все типологически определимые ножи из датирующегося XII в. самого исследованного курганного некрополя

[1] Для части ножей рассматриваемого типа характерен специфический способ дополнительного крепежа: проволочная обмотка деревянной (реже костяной) рукояти, укреплявшая ее и обеспечивающая более надежное соединение с черенком. Проволока может быть бронзовой или, реже, серебряной, она располагалась на конце рукояти, примыкавшем к клинку. В большинстве случаев, когда обмотка сохранилась хорошо, фиксируется устойчивая система намотки, при которой выпущенные концы свивались и пропускались под обмоткой по линии верха черенка, а самые кончики втыкались в рукоять; реже встречаются модификации этой намотки, имеющие декоративные промежутки или охватывающие всю длину рукояти; иногда обмотка могла выполняться из витой проволоки. Такие ножи хорошо известны в Скандинавии эпохи викингов и перехода к средневековью (см., напр.: Arbman 1940: Taf. 177: 1a; 178: 2, 3; 179: 1, 3, 4, 6—12; Thunmark-Nylén 1995: 141: 8; 154b: 1; 214b: 9; 220b: 9; 236: 10; 245b: 17; 1998: 181: 6, 7; Lyngstrøm 1995: 81—82). Необходимость дополнительного укрепления рукояти была обусловлена типичным для подобных ножей широким основанием черенка (лишь ненамного уже ширины лезвия) и значительной его толщиной. Такие обмотки известны не только в Скандинавии, но, в немалом количестве, и на Руси, причем в комплексах как X в., так и более поздних (вплоть до XII в. — см., напр.: Рябинин 2001: 256, табл. XL: 5, 6), но они не столь многочисленны, чтобы уверенно говорить о местном изготовлении. Нельзя исключить того, что эти ножи вместе с рукоятями привозились из Скандинавии.

[2] На Карельском перешейке, где в XIII в., несмотря на политическую ассоциированность с Новгородом, сохраняется специфичная культура корелы, изготовленные в технологии трехслойного пакета и сохранявшие обычную для этой технологии морфологию ножи продолжают бытовать и в XIII в. (Хомутова 1982: 188—194, 197—201; Лесман 1989).

в Переяславле Русском («За тюрьмой»), относятся к морфологической группе, которой свойственна пакетная технология (Лесман 2008а). Следует отметить, что ножи рассматриваемой группы характерны на территории Восточной Европы не только для собственно древнерусской культуры, но и еще для двух культурных общностей отчасти ей предшествующих и отчасти синхронных: для культуры сопок (по всей ее территории) и для культуры курганов юго-восточного Приладожья. Эти археологические культуры на северо-западе Восточной Европы не только территориально ближе всего к Скандинавии, но и испытали на себе наиболее мощное скандинавское влияние. В материалах других предшествующих древнерусской восточноевропейских культур подобные ножи встречаются спорадически на заключительном этапе их существования (например, в поздних погребениях длинных курганов, как смоленских, в первую очередь в западной части региона, так и северных, то есть в комплексах, которые могут относиться к X или к первой половине XI в.)[3]. Таким образом, можно говорить о широком распространении в X—XII вв. принесенной из Скандинавии технологии изготовления самозатачивающихся ножей (технологии трехслойного пакета), причем на территории Новгородской земли эта технология в конце X — начале XII в. господствует, в других же регионах является по меньшей мере широко распространенной.

1.2. Железные гвозди

Железные гвозди — изделия столь обычны для человека нового времени, особенно для горожанина, что редко привлекают внимание археологов (более внимательно относятся к заклепкам, но это связано с их традиционной атрибуцией в качестве ладейных). Поэтому анализ распространения этих предметов весьма затруднен и пока можно наметить лишь самые предварительные общие контуры ситуации (анализ затрудняет тот факт, что нет способов хронологически атрибутировать вырванные из контекста железные кованые гвозди, которые фактически не менялись вплоть до кустарных изделий XX в.). Прежде всего следует отметить отсутствие (полное или, как минимум, почти полное) находок гвоздей на памятниках VI—VIII вв. лесной и лесостепной зоны Восточной Европы в границах будущего Древнерусского государства и древнерусской культуры (единичные находки связаны с привозными предметами)[4]. У южных границ древнерусской территории в VIII — начале X в. находки железных гвоздей известны на памятниках салтово-маяцкой культуры, оставленной населением Хазарского каганата (Ляпушкин 1958: 131; Раппопорт 1959: 26—27; Сорокин 1959: 151), но жившие несколько севернее носители роменско-боршевской культуры гвоздями, судя по материалам, которые я смог проверить, не пользовались. Севернее памятников салтово-маяцкой культуры гвозди, датирующиеся второй половины VIII — IX вв., известны лишь в культурном слое Старой Ладоги: ранние находки сравнительно небольшие — длиной около 2—3 см (см. напр. Рябинин 1985: 62, 63, рис. 24: 5), но несколько позже фиксируются и более крупные, несомненно, строительно-крепежные. Возможно, гвоздильня (или волочило?) входила в набор инструментов из производственного комплекса 760-х гг. на Староладожском городище (Рябинин 1985: 57, 59, рис. 21: 3; Старая Ладога 2003: 70, 71, №106). В X в. железные гвозди, помимо Ладоги, известны среди находок на Новгородском Рюриковом городище, на городище Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 60), в Гнездово, Шестовицах, в погребениях псковского курганного некрополя (не позже середины XI в.). В культурном слое Новгорода, в частности — Неревского раскопа, гвозди, в том числе строительно-крепежные, представлены, начиная с древнейших ярусов, то есть с середины X в. (Колчин 1959: 110, 112—113). В древнерусских слоях как городских, так и сельских поселений гвозди известны (в числе относительно ранних назову находки гвоздей на древнерусском Екимауцком городище и Алчедарском селище в Молдавии[5], см.: Федоров 1953: 118), но их массовость из-за отсутствия внимания к ним исследователей оценить по большей части пока трудно. Фиксируется использование железных гвоздей в погребениях — ими нередко сколачивали гробовища. Следует, однако, учитывать, что в культуре русской деревни эпохи позднего средневековья и начала нового времени гвозди в строительстве обычно не использовались: согласно старой характеристике, которая отражает специфику традиционной строительной техники, русский мужик избу одним топором без единого гвоздя поставит. Ситуация в Скандинавии совершенно иная: железные гвозди — обычная находка в комплексах эпохи викингов, не говоря о средневековье. Показательно, что наиболее ранние восточноевропейские находки фиксируются на тех памятниках, где наличие скандинавского культурного компонента в это время не вызывает сомнения. Затем — с XI в. (в Новгороде уже со второй половины X в.) — они входят в круг предметов достаточно

[3] Специального рассмотрения заслуживает распространение пакетной технологии в Прикамье (см.: Терехова и др. 1997), где прослеживаются и другие схождения с культурой Скандинавии эпохи викингов и вендельского периода (наиболее заметное — гривны пермского (глазовского) типа, основная концентрация находок которых связана с северо-востоком Восточной Европы, при том, что свойственные большинству из них граненые головки характерны для скандинавской культуры).

[4] Могу, в качестве характерного примера, назвать умбон щита из кургана в Доложском, на котором сохранились остатки небольших гвоздей (Спицын 1896: табл. 16).

[5] Относительно этого пограничного древнерусского региона трудно уверенно сказать, каков был источник распространения традиции использования железных гвоздей: северный или южный — юго-западный.

обычных для древнерусской культуры (по крайней мере, в ее городском варианте). Как и в случае с ножами, гвозди представлены в памятниках культур приладожских курганов и сопок, однако если в первой из них в сравнительно поздних погребениях по обряду ингумации, то во второй — в классических кремациях, захороненных в сопочных насыпях, причем не только в Поволховье (где их наличие, учитывая соседство с Ладогой, вполне ожидаемо), но и в других регионах (см., напр., Платонова 2002: 188, 190, 191). Известны находки гвоздей и в смоленских длинных курганах, относящихся к финалу этой культуры (напр., в кургане 7 могильника у д. Рудня Полоцкого р-на вместе с железными заклепками найден и гвоздь, см.: Ляўданскі 1930: 185, 188, табл. V: 3).

Скандинавское происхождение традиции изготовления и использования в Древней Руси железных заклепок (ладейных, а также, возможно, и иного назначения), древнейшие восточноевропейские находки которых происходят из слоев VIII в. Старой Ладоги (Рябинин 1985: 62, 63, рис. 24: 1—4), ни у кого из исследователей сомнений не вызывает.

1.3. Чеканы (штампы) для декорирования ювелирных изделий с рабочей частью в форме треугольника с вписанным в него одним, тремя или шестью кружками

Поверхность многих древнерусских ювелирных изделий XI—XIII вв. декорирована с помощью чеканов (если декор наносился на металлическую заготовку, что более вероятно) или штампов (если декор наносился на восковую модель). Ответ на вопрос, чеканы это или штампы, требует специальных широких технико-технологических исследований, но в любом случае уже сейчас поддается анализу форма рабочих частей самих штампов/чеканов. Композиции декора были разнообразны, обычно представляя собой организованный на основе повторяемости и симметрии орнамент, но набор разновидностей форм самих штампов ограничен: отрезки прямой, пунктирные линии из нескольких более коротких отрезков, кружки, окружности (одинарные, реже двойные концентрические), простые треугольники, а также наиболее сложные и визуально эффектные — треугольники с вписанными в них кружками (одним, тремя или шестью), которые нередко именуют «волчьим зубом» (по широко распространенной композиции, когда два ряда таких треугольников расположены параллельно, углы треугольников каждого ряда направлены навстречу друг другу, причем, как правило, острие одного ряда направлено на промежуток в другом). Как показал анализ надежно датированных новгородских находок (Лесман 1989а), подтверждаемый анализом находок из погребальных комплексов, на собственно древнерусских изделиях подобный прием декорирования распространяется лишь во второй половине XI в. (в Новгороде — начиная со слоев 26 яруса Неревского раскопа, датирующегося 1055—1076 гг.)[6]. Единичные ювелирные изделия более раннего времени в Восточной Европе известны (начиная с IX в.), но все они представлены исключительно типами, характерными для Скандинавии (в первую очередь фибулами, а также щитообразными, кресаловидными подвесками, вырезанными из серебряной пластинки подвесками-крестиками, браслетами и др.). При этом в самой Скандинавии изделия, декорированные подобным образом, хорошо известны на протяжении всей эпохи викингов (Arbman 1940: Taf. 46: 1, 2; 49: 2, 5; 55: 1a, 2a, 4a; 65: 3; 72: 5; 97: 13; 99: 8; 108: 7; 109: 3; 111: 4, 6—9, 11; 125: 3; 127: 2; 215: 3; 216: 13). Следует отметить, что скандинавские штампы в целом были существенно более разнообразны, чем древнерусские (Stenberger 1958: 287—296). Наряду с теми же, что известны и на Руси, в Скандинавии, широко представлены разнообразные геометрические фигуры с вписанными в них кружками: треугольники (с числом вписанных кружков от одного до по крайней мере девяти), ромбы (в небольшом количестве известные и на северо-западе Руси, но пока трудно сказать, имеем ли мы дело с собственно древнерусскими изделиями или прибалтийско-финскими), дуги, шестиугольники, трапеции и другие более сложные геометрические фигуры. Некоторые достаточно сложные разновидности штампов фиксируются еще в вендельское время, например, дуги, используемые впоследствии для изготовления ладьевидных браслетов, орнаментированных вертикальной змейкой (Ørsnes 1969: 87—93, Typentaf. 8). На Руси получают распространение лишь наиболее простые из форм штампов, предполагающие относительно простую форму и конструкцию самих чеканов, причем происходит это на полтора-два столетия позже появления здесь скандинавских ювелирных изделий, декорированных подобными (и более сложными) чеканами.

1.4. Волочение проволоки из цветных (сплавы меди) и благородных (серебро, золото и их сплавы) металлов

Известные сейчас древнерусские проволочные изделия XI—XIII вв. исчисляются тысячами, многочисленны находки самой проволоки — отходы производства и заготовки. В подавляющем большинстве случаев это волоченая проволока, изготовленная путем протягивания (волочения) заготовки через железную пластину с небольшими отверстиями (волочило). Другие технологические варианты изготовления проволоки (литье, ков-

[6] Изделия, декорированные подобными штампами, выходят в Новгороде из употребления во второй половине XIII в. — наиболее поздние находки происходят из слоев 13 яруса Неревского раскопа, датирующегося 1268—1281 гг.

ка, сворачивание тонкой раскованной пластинки) на древнерусских памятниках встречаются реже. Иной была ситуация в предшествующий период. В третьей четверти I тыс. изделия из волоченой проволоки в лесной и лесостепной зоне не известны. Первые находки связаны со Старой Ладогой, причем здесь в составе комплекса разнообразных ювелирных инструментов, датирующегося 760-ми гг., мы имеем не только проволоку, но и волочила (Рябинин 1985: 54, 55, 57, 59—62, рис. 21: 4; 23: 13, 15, 16)[7]. Несколько более позднее (но в пределах IX в.) волочило найдено в горизонте E_1 (Давидан 1980: 62, 63, табл. 2: 12). Вплоть до первой половины X в. находки изделий из волоченой проволоки демонстрируют корреляцию с хорошо атрибутируемыми скандинавскими находками (Старая Ладога, городище Крутик, Рюриково городище, Новоселки, Гнездово, Тимерево, Сарское городище, Шестовицы, Киев и др.). Однако, достаточно рано появляются ювелирные изделия не характерных для Скандинавии типов, изготовленные из волоченой проволоки. Так, в Старой Ладоге найдены изготовленные из волоченой проволоки колечки с загнутым в спираль кольцом (близкие достаточно типичным для XI—XIII вв. спиралеконечным серьгам/височным кольцам), причем происходят они из слоев, датирующихся временем начиная с IX в. С середины X в. число находок изделий из волоченой проволоки резко возрастает, а с рубежа X—XI вв. они становятся массовыми. Следует отметить, что изделия из волоченой проволоки серийно представлены в культурах Северо-Запада: в сопках и приладожских курганах, а в других восточноевропейских культурах малочисленны и известны лишь на завершающей их стадии. С другой стороны, на крайнем юго-западе Древнерусского государства волочило X — первой половины XI в.[8] обнаружено на Екимауцком городище в Молдавии (Федоров 1953: 119, 120, 122, рис. 51: 7), куда традиция волочения могла прийти как с севера — северо-востока, так и, что не менее, а может быть, и более вероятно, с юга — юго-запада, однако этот вопрос требует специального исследования. К вопросу о технологии изготовления проволоки в Древней Руси обращался Б. А. Рыбаков, который считал, что «изделия из кованой проволоки доходят до XI в., но едва ли переходят в следующее столетие, когда появляется новая техника изготовления проволоки — волочение, и в курганах XII—XIV вв. все возрастает количество проволочных украшений» (Рыбаков 1948: 161). В этом заключении много ошибочного, но есть и верные наблюдения. В самом деле, количество проволочных изделий среди древнерусской ювелирной продукции с XII в. возрастает, технология ковки (и литья) в производстве проволоки теснится волочением, но внедрение технологической инновации происходит не на рубеже XI и XII вв. в рамках прогрессивного развития древнерусской культуры, а существенно раньше — на этапе ее формирования. Уже в комплексах XI в. (причем его первой половины) значительная часть проволочных колец (традиционно именуемых височными) изготовлена из волоченой проволоки. Динамика распространения изделий из волоченой проволоки и технологии волочения по обширной территории Восточной Европы еще требует изучения, однако широкое использование таких изделий в XI в., несомненно, уже охватило Северо-Запад, Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье и Верхнее Поволжье. В Новгороде Н. В. Рындина фиксирует наличие волоченой проволоки начиная с 27 яруса Неревского раскопа, отложения которого датируются 972—989 гг., причем еще и в XIV в. кованая и волоченая проволока сосуществуют (Рындина 1963: 209—212). В Скандинавии изделия из волоченой проволоки широко распространены на протяжении всей эпохи викингов (с конца VIII в. или с рубежа VIII—IX в.), а для предшествующего вендельского времени не характерны.

1.5. Завязывание узлом концов металлических изделий

Такой прием соединения концов металлических изделий с целью получения замкнутой конструкции фиксируется еще с эпохи бронзы (Herzfeld 1941: 147—148, fig. 264). Однако бытование этого приема не демонстрирует непрерывной традиции. Для древнерусских памятников XI—XII вв. наиболее характерны узлы, полученные следующим образом: проволочные или дротовые концы складывались во встречном направлении, а затем самые кончики спирально закручивались в несколько оборотов или хотя бы загибались. Другой вариант узла, при котором концы сцеплялись петлями, образованными загибом проволоки или дрота, причем каждая из петель скреплялась путем обматывания кончика вокруг основы в основании петли, несколько более редок и представлен почти исключительно декоративно услож-

[7] Один из входящих в комплекс и упомянутых выше инструментов мог быть как гвоздильней, так и волочилом.

[8] Вопрос о датировке Екимауцкого городища остается дискуссионным. Г. Б. Федоров датировал его IX — первой половиной XI в. (Федоров 1953: 110, 112, 114). Рассматривая датировку городища Алчедар, Т. В. Равдина считает необходимым сузить дату его существования: вместо предлагавшейся Г. Б. Федоровым даты (конец IX—XII вв.) дает чрезвычайно узкую: «несколько десятилетий до середины 70-х гг. X в.», считая, что и городище Екимауцы тоже существовало только в этот короткий период (Равдина 1988: 66—67). Не рассматривая детально вопрос о хронологии этих памятников (что и невозможно без привлечения по большей части не опубликованных находок), отмечу лишь, что одним из важнейших аргументов Т. В. Равдиной является нумизматический — находки серии саманидских монет с датами чеканки в рамках первой половины X в. (от 291 до 336 г. х.), однако, во-первых, из 21 монеты (19 на Екимауцком городище, 2 на Алчедарском) 12 — подражания и, главное, во-вторых, 16 из них использовались в качестве подвесок (Нудельман 1967: 89—90; 1985: 85—88), то есть отражают не только (и не столько) в той или иной степени динамичное денежное обращение, сколько долговременную традицию ношения изготовленных из монет круглых подвесок.

ненной его разновидностью, дававшей эффектный спиральный щиток. Для получения такого щитка концы проволоки сначала загибаются в простые петли, которые цепляются друг за друга; затем концы проволок соединяются и формируется плоская спираль; на последнем этапе окончания обматываются вокруг основы по обе стороны спирального щитка. Обычно такой щиток разворачивался в плоскости, перпендикулярной плоскости самого кольца, но, начиная с XI в., известны и немногочисленные кольца, щиток которых развернут в плоскости самого кольца. Находки последней четверти I тыс. не столь распространены, а открывает их колечко с подвешенным на него пинцетом из нижнего горизонта слоя Е3 Староладожского городища[9] (Davidan 1992; Старая Ладога 2003: 82, 83, №172). Более ранние изделия подобной конструкции происходят из степной, лесостепной и самого юга лесной зоны Восточной Европы, но относятся ко времени не позже начала — первой половины V в. (наиболее поздние в комплексах черняховской культуры). Лишь на некоторых памятниках Крыма и черноморского побережья Кавказа они доживают до VII в. — могильники Скалистинский в горном Крыму (Веймарн, Айбабин 1993: 100—102, рис. 72: 29) и Дюрсо под Новороссийском (Дмитриев 1982: 85, 88, 89, 91, 92, 94, 95, рис. 6: 63; 8: 4, 9, 11—12; 10: 1—2). В памятниках византийского культурного круга завязанноконечные изделия после V в. неизвестны[10]. Следует отметить, что непрерывно с римского времени вплоть, по крайней мере, до VIII в. традиция завязывать концы металлических изделий бытует лишь у ряда групп германцев в Западной Европе (франков, баваров, алеманов, фризов и саксов, а у готов и вандалов вплоть до краха их политической и культурной самостоятельности) и в Британии. В Скандинавии завязанноконечные изделия представлены в римское время, но затем почти не известны в эпоху переселения народов и в вендельский период, то есть вплоть до середины — третьей четверти VIII в. Наиболее ранний комплекс — урновое трупосожжение в кургане 35 культурно смешанного могильника Амрум на датско-фризском пограничье (Olshausen 1920; 243—248, Abb. 164—168; см. также: Arbman 1937: 135—138, Abb. 26), где в одном комплексе встречены типы, характерные как для вендельского времени, так и для начала эпохи викингов (бронзовая булавка, диск которой декорирован зооморфными изображениями, на завязанном простым двойным узлом колечке[11], см.: Olshausen 1920: 244—246, Abb. 165; Arbman 1937: 136—138, Abb. 26), что позволяет датировать его временем между серединой и концом VIII в. (в зависимости от того, как датировать конец вендальского периода и начало эпохи викингов). К IX—X вв. в Скандинавии относятся уже тысячи завязанноконечных изделий. В IX в. это, как правило, небольшие колечки[12] (из железа, сплавов меди, серебра, золота), затем к ним добавляются браслеты, перстни, разнообразные подвески и пр. В Восточной Европе за единственной староладожской находкой VIII в. следуют в IX в. по крайней мере семь или восемь, в том числе три или четыре из горизонта Е1 Старой Ладоги (латунное кольцо с коническим игольником на цепочках из S-видных звеньев, см.: Давидан 1976: 115, рис. 8—9; Davidan 1992: Abb. 10: 27; Старая Ладога 2003: 78, 79, №144[13]; бронзовые кольцо с аналогичной цепочкой, см.: Davidan 1992: Abb. 10: 30; Старая Ладога 2003: 78, 79, №145[14]; бронзовая кресаловидная подвеска, см.: Davidan 1992: Abb. 8: 4; Старая Ладога 2003: 78, 79, №150[15]; возможно, к этому же времени[16] относится бронзовое кольцо с булавкой, см.: Старая Ладога 2003: 70, 72, №113), одна из кургана 4 Староладожского могильника Плакун (колечко с цепочкой[17], см.: Корзухина 1971: 60, рис. 17: 17; Назаренко 1985: 166, 168, рис. 6: 15). Бронзовое завязанное кольцо найдено в яме комплекса 17 Рюрикова городища под Новгородом, причем в заполнении той же постройки находился небольшой монетный кладик с младшей монетой, чеканенной в 820 г. (Носов 1990: 93, 100). На два узла завязаны концы колечек, на которые подвешен пинцет из кургана 5 в Новоселках (Шмидт 1963). Рубчатое серебряное кольцо с цепочкой из с. Мишнево Калужской губ. найдено в составе

[9] Хр.: ОАВЕС ГЭ, инв. №ЛДГ-541. Найден в обводной канавке постройки первого строительного горизонта Староладожского городища. Пользуюсь случаем выразить благодарность С.Л. Кузьмину за детальную стратиграфическую атрибуцию находки.

[10] Существовавшая долгое время недостаточная хронологическая дифференцированность памятников как в Средиземноморье, так и на юге Восточной Европы, а также серийность завязанноконечных изделий в первой половине I тыс., привели в свое время А. Тальгрена (Tallgren 1925: 146), а затем Т. Арне (Arne 1911: 39—40) (с некоторым расширением истоков и на арабский восток) и М. Стенбергера (Stenberger 1958: 99—100) к выводу о заимствовании варягами традиции завязывать концы металлических изделий на юге Восточной Европы. Этот же вывод о происхождении указанной конструкции от сохранившейся в византийском ювелирном искусстве античной традиции, а затем, о распространении ее около X в. с берегов Черного моря через Русь до Скандинавии, повторяет и В.П. Левашова (Левашова 1967а: 213).

[11] На еще одном завязанном простым двойным узлом железном колечке была подвеска-молот с длинной рукоятью.

[12] В том числе и набранные из таких колечек (предварительно сжатых и согнутых) цепочки.

[13] Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. 70, инв. №ЛД/453.

[14] Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. 84, инв. №ЛДГ/118.

[15] Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. 8/941. Эта же подвеска (под полевым номером СЛ-241) в публикации 1980 г. отнесена к горизонту Д (Давидан 1980: 65), что предполагает несколько более позднюю датировку.

[16] Найдено в раскопе Староладожской археологической экспедиции (рук. А.Н. Кирпичников), заложенном в 1997 г. на краю Земляного городища у берега р. Ладожки. Местоположение раскопа делает стратиграфию его напластований менее надежной, чем для раскопов в центральной части городища.

[17] Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. хр. 65.

денежно-вещевого клада с младшей монетой, чеканенной в 867 или 869 г., причем рубчатая проволока справедливо определена Г.Ф. Корзухиной как «западная работа» (Корзухина 1954: 60).

В X в. номенклатура найденных в Восточной Европе (как и в Скандинавии) изделий с завязанными на два узла концами резко расширяется. Браслеты, перстни, гривны, кресаловидные подвески, наиболее массовы небольшие колечки, концы которых завязаны на два узла, они представлены большой серией находок как из культурного слоя поселений, так и из погребений и кладов. На колечки часто подвешивались различные предметы, а иногда на них напущена стеклянная бусина. По крайней мере часть колечек с бусами использовались, как следует из расположения инвентаря в погребениях, в составе ожерелий (в соответствии со скандинавской, а в предшествующий период общегерманской традицией). Кольца с завязанными на два узла концами найдены, помимо уже упоминавшихся Ладоги и Рюрикова городища, в курганах Юго-Восточного Приладожья, в Новгороде, Псковском некрополе, на городище Крутик под Белоозером (где они могут относиться и к IX в.), на Сарском городище, в Михайловском и Тимеревском могильниках и Тимеревском поселении под Ярославлем, во Владимирских курганах (Городище, Весь, Васильково), Витебске, в Гнездове (на поселении, в том числе в составе кладов, и в курганах), на городище Супруты, в Черниговских и Шестовицких курганах, в Киеве (в погребениях и кладах), в нескольких южнорусских кладах (Корзухина 1954: №16, 17, 20) и др. Ко второй половине — концу X в. относятся первые находки проволочных браслетообразных серег/височных колец, концы которых завязывались простым двойным узлом. Такие кольца в XI — начале XII вв. становятся массовым украшением на обширных пространствах центральных регионов Восточной Европы (о них см. ниже, а также: Лесман 1996). С X в. параллельно с простым двойным узлом получает распространение (хотя и не столь массовое) спиральный узел (им завязывались концы перстней, браслетов, реже кольцевидных фибул и небольших колечек для подвешивания других изделий). Различные завязанноконечные изделия встречаются на памятниках фактически всех регионов древнерусской культуры, но их массовость и типологический состав различны. На Северо-Западе и Севере это разнообразный набор изделий, среди которых количественно наиболее заметную роль (как и в Скандинавии) играют проволочные или дротовые колечки небольшого диаметра, изготовленные из всего набора пригодных к завязыванию и известных на Руси металлов (сплавы меди, железо, серебро, золото). В бассейне верхних течений Днепра, Двины, Волги это преимущественно проволочные браслетообразные завязанные на простой двойной (реже одинарный) узел кольца (височные или серьги). На территории Белоруссии несколько выше, чем в других регионах, доля витых завязанноконечных браслетов. В Южной Руси относящиеся к XI—XII вв. находки завязанноконечных изделий менее многочисленны, хотя и не редки. Например, в датируемом XII в. наиболее исследованном курганном могильнике Переяславля Русского «За тюрьмой» найдены пять завязанноконечных колец: три кольца с бусиной (скорее всего, от ожерелья), один перстень и одно кольцо неизвестного назначения, возможно, перстень (Лесман 2008а). В Новгороде завязанноконечные изделия представлены достаточно большой серией, что позволяет уверенно говорить о хронологии их бытования: до времени функционирования 18 яруса Неревского раскопа (условно — до 1177 г.)[18]. Тем же временем датируются аналогичные кольца из сельских могильников, поселений, а также из кладов. Следует отметить логическую связь между распространением технологии волочения и приема завязывать концы металлических изделий: именно волоченая проволока легче всего поддается деформации на изгиб и, соответственно, именно ее легче всего завязывать. Завязывать можно и достаточно тонкие кованые части изделий, а труднее всего завязывать литые заготовки. С этим, в комплексе с культурными традициями и модой, связано широкое распространение приема завязывания концов металлических изделий вслед за внедрением технологии волочения.

2. Типологический состав женского убора

2.1. Завязанноконечные «кривичские височные[19] кольца»

После известной статьи А.А. Спицына (Спицын 1899) за височными кольцами в славяно-русской археологии закрепилась репутация «этноопределяющих», при этом многочисленные браслетообразные кольца с завязанными на два узла концами получили этническую атрибуцию «кривичских». Этот тип колец обычно датируют XI —

[18] В раскопах, стратиграфия и хронология которых уже разработаны, найдено 23 различных кольца (височные кольца/браслеты, перстни, небольшие колечки) с завязанными концами: ниже 28-1943; 27-31-22 (?), 205, 240; 27/26-28-939; 26-26-1789; 25-28-939; 25-25-1829; 24-29-789; 24-28-3; 24-27-355, 868; 23-24-906; 23-22-1106; 22-24-375; 21/20-28-763; 18-24-1858; 18-23-1196; Ильинский раск. 26-115; Буяный раск. 16-17-17; а также изолированные, по-видимому, случайные находки 15/14-21-820; 9-15-2057). Наиболее ранняя находка (ниже 28-1943) происходит из доярусного слоя, датирующегося серединой X в., наиболее поздние из надежных находок (18-24-1858; 18-23-1196) датируются (с известной долей условности) 1161—1177 гг.

[19] Атрибуция колец в качестве «височных» (то есть украшений, крепившихся к волосам или головному убору, а не серег — подвесок, крепившихся непосредственно к отверстиям в ушах) во многих (если не в большинстве) случаях не верна, однако с точки зрения рассматриваемых в статье проблем это не важно. Поэтому термины «височные кольца» и «серьги» будут далее использоваться параллельно без уточнения.

началом XII вв. (Шмидт 1957: 205—206). Однако из поля зрения исследователей выпал вопрос об их происхождении, в лучшем случае дело ограничивается констатацией наличия нескольких экземпляров в погребениях по обряду кремации (Седов 1970: 114) или не опирающимся на археологические материалы предположением о распространении на проволочные кольца существовавшей якобы традиции завязывать «еще чем-то» концы серповидных (проволочно-пластинчатых) височных колец (Седов 1994: 98; 1995: 238)[20].

В X в. получают распространение завязанные на два узла кольца диаметром 5—10 см. Первоначально это браслеты (из дрота или витые, утончающиеся к завязке), однако для второй половины столетия известны и кольца (из Новгорода, из погребений по обряду кремации Тимеревского и Михайловского могильников), относительно которых невозможно с определенностью сказать: браслеты это или височные кольца. Это кольца из тонкого дрота или проволоки, реже витые, но тоже достаточно тонкие и сохраняющие примерно одинаковое сечение по всей окружности. Иногда в камерных погребениях по обряду ингумации такие кольца находят на руках (камерное погребение кургана Ц-198 раск. 1976 г. из Гнездова[21]; погребения в курганах 459 Тимеревского мог. раск. 1977 г. и 17 Михайловского мог. раск. 1961 г.[22]), но в то же время появляются и первые кольца, использовавшиеся в качестве височных (т.е. в прическе, головном уборе или в качестве серег). Наиболее ранние находки, относящиеся ко второй половине — концу X в.: серебряное кольцо диаметром 7 см из камерного погребения в кургане 100 Тимеревского могильника[23], датирующегося концом X в., судя по находке в нем трехбусинного височного кольца и семи дирхемов, младший из которых чеканен в 976 г. (Фехнер, Недошивина 1987: 76, рис. 5; Пушкина 1997: 124, 129, 130, рис. 2: 5;)[24], а также, скорее всего, два серебряных кольца с нанизанными на них стеклянными бусинами (по 2 шт.) диаметром 7,5 и 8 см из Гнездовского клада 1868 г.[25] (Гущин 1936: 56, табл. III: 17, 20; Корзухина 1954: 87, №23: 8). Интерпретировать их (хотя и предположительно), вслед за Г.Ф. Корзухиной, в качестве именно височных колец/серег позволяют нетипичные для браслетов бусы и значительный диаметр — слишком большой для колечек с бусами из состава ожерелья (как полагал А.С. Гущин, см.: Гущин 1936: 56).

XI — начало XII вв. — время массового распространения завязанных на два узла браслетообразных височных колец (серег), которые на значительной части древнерусской территории занимают ведущее место среди других завязанных на двойной узел изделий. Браслетообразные кольца найдены почти на двух сотнях памятников (Седов 1982: стр. 160—161)[26], счет же самих колец идет на тысячи. Находки их в погребениях по обряду кремации (с учетом условности атрибуции в качестве именно височных колец, а не браслетов) немногочисленны, и большинство из них, скорее всего, относится к рубежу X—XI — первой половине XI вв., хотя для некоторых не исключена и более поздняя датировка. Это три комплекса из Верхнего Поднепровья[27], четыре ком-

[20] «Браслетообразные височные кольца с завязанными концами... восходят... несомненно к аналогичным, но не завязанным кольцам, ... постепенно вытеснили проволочно-пластинчатые, восприняв обычай завязывания на концах (проволочно-пластинчатые кольца завершались крючкообразными завитками, которые, вероятно еще чем-то завязывались)» (Седов 1995: 238).

[21] Благодарю Т.А. Пушкину за предоставленные неопубликованные сведения.

[22] Благодарю за сведения Н.Г. Недошивину.

[23] Раскопки 1974 г. Материалы хранятся в ГИМ (оп. 2129/108, инв. №103390). Благодарю за сведения Н.Г. Недошивину.

[24] Атрибуция этого кольца как височного не однозначна. Т.А. Пушкина (Пушкина 1997: 129), опираясь на публикации и Отчет о раскопках, определяет его как височное кольцо (как и Н.Г. Недошивина в адресованном мне письме), однако в совместной статье М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивина опубликовали это кольцо как браслет. Имеются расхождения и в составе находок, в частности, в перечне Т.А. Пушкиной отсутствует опубликованное авторами раскопок трехбусинное кольцо (Фехнер, Недошивина 1987: 76, 80, 82, рис. 5). Следует отметить, что в статье М.В. Фехнер и С.А. Яниной (Фехнер, Янина 1978: 189) комплекс на основе дат чеканки монет был датирован временем чуть более ранним (70—80-е гг. X в.), чем это представляется верным мне. Насколько можно судить по известным мне материалам, трехбусинные кольца с полыми тиснеными бусами и одним спирально закрученным кольцом ранее конца (последнего десятилетия) X в. на территории Древней Руси не известны.

[25] Хранится в ОАВЕС ГЭ, колл. 994/9, 10.

[26] Некоторые из вошедших в список В.В. Седова памятники (всего в списке 181 пункт) дали находки не височных колец, а колец иного назначения (например, два колечка из бронзовой проволоки с завязанными на двойной узел концами раскопанного 1956 г. кургана 1 в могильнике Городиловка I под Новогрудком, см.: Гуревич 1962: 186, рис. 90: 7, 8). Список может быть расширен (в частности, за счет материалов раскопок последних десятилетий), но это не меняет общей картины. Опубликованная В.В. Седовым через 13 лет карта (Седов 1995: 295, рис. 69) содержит лишь 166 пунктов (без названий памятников), критерии исключения (при том, что некоторые памятники на карту добавлены), к сожалению, автором не указаны.

[27] Курган 17 у д. Березовка под Дорогобужем (Спицын 1892: 39), курган 2 в «нагорной» и единственный раскопанный курган в «луговой» группах у д. Копенево на р. Вязьме (Клетнова 1912: л.105—108). В кургане №2 «нагорной» группы «вместе с сильно пережженными остатками костей были сметены в кучу довольно многочисленные предметы женских украшений, и даже удалось собрать остатки шерсти» (то есть находки не побывали в огне), в том числе найдены «два тонких серебряных височных кольца с характерной узловой вязкой», а также, среди прочих украшений, бубенчики «с насечками на четырех подогнутых лопастях» (датируются, судя по новгородским находкам, временем, условно синхронизируемым с периодом не позднее функционирования 19 яруса Неревского раскопа, т.е. до 1161 г.) и лунницы «с остатками эмалевых украшений» (изделия с эмалью датируются, судя по новгородским находкам, временем, условно синхронизуемым

плекса из Верхнего Подвинья[28] и два из бассейна Верхней Волги[29]. Рубежом X—XI вв. датируются височные кольца из камерного погребения кургана 26 могильника Избище в верховьях Вилии (Штыхаў 1992: 9, 81, 84)[30]. Следует отметить, что концы сохранившихся колец из кремаций (с оговоркой на возможную деформацию), как и колец из Избищ, завязаны не на аккуратный двойной узел, а небрежно обвиты друг относительно друга, то есть, скорее всего, представляют собой неумелые подражания, проволока у концов колец (в зоне узла) может утончаться, но остается круглой. По-видимому, характерная для классических завязанноконечных браслетообразных колец традиция предварительно расклепывать обматываемые концы проволок распространяется в сельских могильниках не сразу. Уже к началу XI в. браслетообразные завязанноконечные кольца на юге достигают Белой Вежи[31].

Для большинства древнерусских браслетообразных завязанноконечных колец XI—XII вв. характерны раскованные концы проволок, которые обвивают основу. В Скандинавии такой прием предварительной обработки заготовки известен уже с третьей четверти X в., причем наиболее ранние находки — это колечки из кладов, найденных на территории средневековой Дании (включая Борнхольм): Filborna (младшая монета чеканена в 953/954 гг., №7)[32], Skjeppingegaard (младшая монета чеканена в 962—973 гг., №2)[33], Smedby gård (младшая монета чеканена в 964/965 гг., №24)[34], из Kongens Udmark (младшая чеканена в 967/968 гг., №3)[35]. В Швеции (включая Оланд и Готланд) он получает распространение несколько позже — в последней четверти — конце X в., около рубежа X—XI вв. появляется и на Руси.

Браслетообразные завязанные на простой двойной узел височные кольца бытовали сравнительно недолго — менее 150 лет. Предложенная Е. А. Шмидтом верхняя дата — начало XII вв. (Шмидт 1957: 205—206) — в целом подтверждается дендродатированными новгородскими материалами, но может быть несколько расширена до всей первой трети XII в., исходя из того, как представлены в Новгороде находки проволочных колец достаточно большого диаметра (начиная с 48 мм)[36]. Хотя находки из культурного слоя не удается надежно дифференцировать на височные кольца и браслеты, этой дате не противоречит и совстречаемость колец в одних комплексах с другими датированными типами вещей. Тем более массовой представляется мода на них в средней полосе древней Руси (на территории Смоленской, Полоцкой и Ростово-Суздальской

с периодом после начала отложения 21 яруса Неревского раскопа, т. е. после 1096 г.), что позволяет условно синхронизировать комплекс с 21—19 ярусами и датировать его 1096—1161 гг. С учетом датировки в Новгороде самих браслетообразных колец (не позднее функционирования 20 яруса Неревского раскопа, т. е. до 1134 г. — см. ниже) дата сужается до 1096—1134 гг. При этом нельзя исключить, что Е. Н. Клетнова не смогла расчленить найденные в одной насыпи остатки кремации и более поздний комплекс (Клетнова 1912: 107—108). Что касается кургана в «луговой» группе, нет уверенности в том, что в кургане найдено именно браслетообразное кольцо, т. к. сама находка не сохранилась, а в отчете Е. Н. Клетновой оно описано как «небольшой кусок бронзовой проволоки в 3 см» (Клетнова 1912: 106). И. В. Белоцерковская называет еще один курган с кремацией, содержавший «бронзовое височное браслетообразное кольцо с правильной завязкой» (Белоцерковская 1975: 60), однако А. Н. Лявданский, на которого она ссылается, писал, что найдено «маленькое бронзовое височное кольцо» (Ляўданскі 1932: 24); при этом следует учитывать, что атрибуция найденного в погребении по обряду трупосожжения кольца в качестве височного является лишь предположением.

[28] Курган 23 могильника Вышедки на водоразделе Ловати и Западной Двины (Штыхаў 1992: 140—141), курган 39 могильника у д. Черневичи II в бассейне Дисны (Енуков 1990: 54), курган 3 у д. Селище в том же районе (Дучыц 1994: 123—125), а также, возможно, учитывая фрагментарность кольца, курган 19 могильника Глинище под Полоцком (Штыхаў 1992: 50, рис. 33: 18). К сожалению, и сами находки, и отчетные материалы (за исключением обзорной публикации — Голубович, Голубович 1945: 126—137) остались мне недоступными.

[29] Курган 19 Березовецкого могильника на оз. Селигер (Успенская 1993: 89, 126) и погребение 2 в кургане 12 могильника Телешово I на р. Согоже, левом притоке Шексны (Кудряшов 2003: 155—156, рис. 5а: 4).

[30] В том же комплексе найдена скандинавская подвеска (Лесман 2003: 72—73; Дернович 2006: 39, 62, рис. 26).

[31] «Слой второй беловежской застройки», конец X — начало XI в. (Артамонова, Плетнева 1998: 575, рис. 18: 1084).

[32] Filborna, Helsinborg, Skone, монетно-вещевой клад (Hård 1976: 49—52, Taf. 35: 4, 23; №66): 2 колечка на браслете и фрагмент браслета (?), широко (до 5 мм) расклепанные концы которого завязаны, точнее, обмотаны вокруг утончающегося к ним круглого дрота. Младшая монета (из 131, в том числе 96 фрагмент) — дирхем 953/954 гг.

[33] Skjeppingegaard, Rø S., Bornholm, монетно-вещевой клад (Skovmand 1942: 117—121, №55, Fig. 26): три колечка на концах соединенных кольцом цепочек. Младшая монета (из 36) — денарий Оттона I, тип 962—973 гг. (Р. Сковманд в качестве младшей монеты указывает дирхем 954 г., датируя клад около 970—80 гг., но Й. Стекер, описывая входящий в состав клада крест типа I.2.2, приводит уточненное определение монеты Оттона I, см.: Staecker 1999: 436, №42).

[34] Smedby gård, Tingstads sn., Östergötland, монетно-вещевой клад (Duczko 1985: 652, 654, 655, fig. 12): проволочное колечко. Младшая (из 55 целых и 497 фрагментов) монета — дирхем 964/965 гг.

[35] Kongens Udmark, Vester Marie S., Bornholm, монетно-вещевой клад (Skovmand 1942: 127—130, №61, Fig. 28): одно из пяти колечек на конце цепочки. Младшая монета (из 124) — дирхем 967/968 гг.; Р. Сковманд датировал клад около 980 г.

[36] Таких колец (как однопроволочных, так и свитых из 2—3 тонких (до 1 мм в диаметре), не утолщающихся в средней части, что свойственно браслетам, завязанных с разной степенью аккуратности, в Новгороде найдено восемь (27-31-22, 205; 26-26-1789; 25-25-1882; 24-29-784; 23-25-1829; 23-22-1106; 21/20-28-763). Вместе с двумя витыми кольцами, петлевидные концы которых связаны друг с другом (ниже 28-33-166; 24-27-868), они образуют группу проволочных завязанноконечных колец, не очень многочисленную (10 экз.), но все же позволяющую получить хотя бы предположительную дату: до 1134 г. (не позже времени функционирования 20 яруса Неревского раскопа).

земель), где височные кольца являются в XI — начале XII в. не только основной разновидностью изделий с завязанными на двойной узел концами, но и основной разновидностью височных колец как категории. Е. А. Шмидт обратил внимание на хронологические изменения, которые претерпевает характер узла. Дату «полузавязанных» колец («завязка состоит из одного короткого утонченного кольца, правильно и плотно закрученного в несколько витков, второй конец утонченный, длинный и образует только один неправильный виток» или вообще остается свободным) он определяет концом XII — первой половиной XIII в. (Шмидт 1957: 206). В целом, зафиксированное Е. А. Шмидтом на основе материалов Харлаповского курганного могильника более позднее бытование полузавязанных браслетообразных колец не вызывает возражений — их, несомненно, носили, по крайней мере, до рубежа XII—XIII вв.[37] Однако вопрос о нижней дате подобных колец (конец XII в.) представляется не столь простым. Во-первых, при такой датировке между исчезновением завязанных на двойной узел височных колец (по Шмидту, начало XII в.) и появлением полузавязанных (конец XII в.) образуется странный хиатус. Но еще существенней, что височные кольца этого варианта известны (хотя и не в Харлапово, но в границах основного ареала распространения), начиная с рубежа X—XI вв. (например, часть колец из кургана 26 могильника Избище, см.: Штыхаў 1992: 9, мал. 2). В XI в. кольца с такой завязкой известны и севернее основной зоны их распространения (например, в могильнике Нефедьево[38] на Вологодчине). Впрочем, находки завязанноконечных колец (как с двойным, так и с одинарным узлом, то есть полузавязанных, пользуясь терминологией Е. А. Шмидта) на Вологодчине столь многочисленны, что этот регион есть все основания включать в основную зону массового распространения браслетообразных завязанноконечных височных колец (хотя здесь их и не больше, чем простых незамкнутых). В эту же зону есть все основания включить и Мещерскую низменность к востоку от Москвы (Рябинин 1995: 86—102).

Рассмотренный материал позволяет в общих чертах реконструировать процесс появления и распространения в Восточной Европе браслетообразных проволочных завязанноконечных колец (височных или серег) — так называемых «височных колец кривичского типа». Скорее всего, на начальном этапе (во второй половине или, скорее, в последней четверти X в.) имело место использование в головном уборе, в соответствии с местной восточноевропейской традицией, проволочных (дротовых) завязанноконечных браслетов, распространенных в скандинавской и русско-скандинавской среде. Височные украшения должны были быть достаточно легкими, что диктовало использование относительно тонких колец, вследствие чего их стали делать из достаточно тонкой проволоки, тем более, что около рубежа X—XI вв. происходит широкое внедрение технологии волочения. Наиболее ранние находки (до рубежа X—XI вв.) связаны с крупными городскими/протогородскими центрами (Гнездово, Тимерево, Новгород). Лишь условно реконструируемая зона распространения несколько более поздних находок, в той или иной степени предположительно (кроме кургана 26 в Избищах) датирующихся временем около рубежа X—XI — первой половины XI вв. (из погребений по обряду кремации), в самом деле соответствуют летописной локализации кривичей: «сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра» (ПВЛ 1950: 13). Однако распространение «кривичских височных колец», как отмечал еще в 1937 г. П. Н. Третьяков, относится к тому времени (XI, XII вв.), когда кривичи как субъекты описываемых в летописи событий уже сходят с исторической сцены (Третьяков 1937: 43—43)[39]. При этом территория, на которой уже с первой половины XI в. (то есть примерно через полстолетия после их появления) известны серийные находки проволочных завязанноконечных височных колец, включает не только верх Волги, Западной Двины и Днепра, но и Волго-Окское междуречье (где они еще в X в. известны в Тимереве), в частности, Владимирские курганы, Белозерье. Типичны такие кольца также для грунтовых и курганных могильников Мещерской низменности (в междуречье рек Ока и Клязьма к востоку от Коломны и к северу и северо-западу от Касимова, преимущественно, в бывшем Касимовском уезда Рязанской губ.), связываемых с мещерой (Рябинин 1995: 86—102). География и хронология распространения проволочных завязанноконечных височных колец соответствует в первую очередь не какому бы то ни было летописному «племени», а территории и времени становления двух соседних древнерусских земель — Смоленской и Ростово-Суздальской (на территории Полоцкой земли такие кольца тоже известны, но находки их менее массовые).

[37] Из поздних комплексов с подобными кольцами в Харлаповском могильнике можно назвать, например, курган 28, где в состав инвентаря входит витой из шести проволок (2×3) петлеконечный браслет, дата которого на основе новгородских находок (и подтвержденная комплексами сельских могильников) определяется временем, начиная с рубежа XII—XIII вв. и условно синхронизуется с временем после строительства 16 яруса Неревского раскопа, т. е. после 1197 г. (Лесман 1990: 20).

[38] В частности, в погребениях 20, 31 и 41 в комплексах с односторонними наборными гребнями (Макаров 1997: 176—180, 320, 324, 326, 341—342, 346—347, 350—351, табл. 129, 130, 134, 135, 138, 139).

[39] Хотя последнее летописное упоминание кривичей относится к 1127 г.

2.2. Подвески шейные

2.2.1 Монетовидные подвески, орнаментированные волютами

В среде скандинавов IX—X вв. весьма популярна группа круглых плоских подвесок с орнаментом на лицевой стороне, образованным тремя или четырьмя волютами. Подвески обычно серебряные (редко золотые), декор филигранный[40] с волютами, раскрывающимися вовне, в местах соприкосновения волюты обычно соединены филигранными же перехватами или, реже, зернами крупной зерни (Arbman 1940: Taf. 97: 21, 22; 98: 1—6; 119: f; Stenberger 1958: 154—158; Duczko 1985: 32—47; Eilbracht 1999: 179—187, 193—194, Taf. 2—4, 8, №1—69, 107—119 и др.), встречаются также литые, обычно бронзовые, подвески (Arbman 1940: Taf. 96: 13; 98: 10, 17, 18, 21). Орнамент восходит к каролингским прототипам (Arbman 1937: 192—208), а на наиболее ранних подвесках-брактеатах представляет собой розетку, образованную четырьмя овами (а не волютами); такая композиция, в которую входят и маленькие стилизованные фигуры, ассоциируется с косым крестом. Эти золотые брактеаты рассматриваются как материализация первого (кон. VIII в.) христианского импульса в Скандинавию (Stenberger 1947: 16—18). С другой стороны, сканый декор, в том числе и сканый декор с волютами, связан с каролингским (а возможно, и с англо-саксонским) ювелирным делом, где волюты не играют самостоятельной роли, а являются частью сложного мотива, состоящего из самой волюты и заключенного в нее крина (бутона), у которого боковые лепестки образованы спиралями волюты (Graham-Campbell 1980: 40, 41, 223, №140—142; Armbruster 2002: 208—209, Abb. 8 и др.).

На классических подвесках эпохи викингов представлены волюты, которых может быть как четыре (Eilbracht 1999: 182—186, Taf. 3, 4, №31—63), что в какой-то мере соответствует форме креста, так и три[41] (Eilbracht 1999: 179—182, 193—194, Taf. 2, 3, 8, №1—30, 107—119), что, скорее, могло ассоциироваться с молотом Тора, хотя и то и другое в раннюю и среднюю эпоху викингов (до последней четверти — конца X в.) — лишь достаточно вольные современные трактовки. Менее многочисленны подвески с пятью или пятью с половиной (иногда в круговую композицию входит одна неполная волюта) волютами (Eilbracht 1999: 186—187, Taf. 4, №64—69). Некоторые подвески декорированы двумя рядами волют: в центральной зоне три, иногда две волюты; ближе к краям круга пять, иногда четыре волюты (Eilbracht 1999: Taf. 4, №39, 64, 66, 67). Близкий к подвескам сканый декор из трех волют в центральной зоне круга известен также на круглой накладке из Бирки (Arbman 1940: Taf. 96: 13; 97: 21, 22; 98: 1—6, 12, 17, 18, 21; Duczko 1985: 32—48, 55, 98—99). Аналогичный подвескам декор из трех или четырех волют представлен и на малых круглых фибулах (типы IVA1 и IVB[42] по И. Янсону, см.: Jansson 1984: 61, 64, 65).

Сканые подвески с волютами встречаются в Скандинавии, по крайней мере, до последней четверти XI в., на что указывает, например, комплекс из Kommumalhuset, Stavby sn., Uppland, Sveden[43], где подвеска, декорированная тремя сканными волютами, найдена вместе с ложнозолотостеклянными бусами древнерусского производства, датировка которых, судя по новгородским находкам, может быть синхронизована с временем функционирования 22—7 ярусов Неревского раскопа (1076—1396 гг.)[44]. М. Стенбергер датировал этот комплекс X в. (Stenberger 1958: 162, прим. 2 к стр. 161). В Сигтуне найдены две отлитые в одной форме (или в формах по оттиску с одного образца) небольшие литые подвески с четырьмя волютами[45], они лишены стратиграфической датировки, но, скорее всего, относятся к XI в. Подобная композиция декора встречается на металлических изделиях и позже (см., напр.: Lindh, Brendalsmo 1982: 26). Аналогичная подвескам композиция декора круглых фибул с четырьмя волютами продолжает развиваться в XI в., но волюты в них играют

[40] Филигрань (скань) предполагает использование проволоки. Как уже указывалось, технология изготовления проволоки может быть различной, но наиболее совершенная (и с точки зрения качества проволоки, и с точки зрения производительности труда) — волочение. В силу одной из основ популярности скани является освоение технологии волочения.

[41] Похожие подвески как с тремя, так и с четырьмя волютами были известны материковым германцам в более раннее время — в V—VII вв.

[42] Фибула этого типа найдена в Киеве в камерном погребении 49, раскопанном в 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря (Івакин, Козюба 2003: 41—43, 49, 50, рис. 6.Б.5).

[43] Хранятся в Гос. Историческом музее в Стокгольме, №24988. Фотографии находок были опубликованы в работе М. Стенбергера (Stenberger 1958: Abb. 42).

[44] В Новгороде найдены 24 экз. подобных бус: 26-28-1007; 22-27-137; 22-25-1023; 22/21-23-1032; 21-25-250; 20-22-1060; 19/18-19-1761; 18-23-1213 (?); 18/17-15-664 (?); 16/15-23-762; 16/15-20-1180; 15-14-980?; 14-21-1302; 13-20-811; 13-20-1365?; 11-11-984; 10/9-12-909; 7-7-525; Нер. 1951 г. б/п/; Ил21-57 (?); Ил19-28; К33-55; Нут25-31-67; Нут22-28-63. Наиболее ранняя бусина (26-28-1007) происходит из слоя, датирующегося 989—1006 гг., но она была найдена в примыкающем к краю раскопа квадрате (в силу этого ее связь с определенным ярусом ненадежна), оторвана от основной серии находок, в силу чего, скорее всего, случайна. Основную серию открывают бусины (22-27-137 и 22-25-1023), датирующиеся 1076—1096 гг. Наиболее поздняя бусина (7-7-525), датируется 1382—1396 гг., и, хотя столь поздняя датировка непривычна и не находит подтверждения в материалах погребальных памятников Новгородской земли (где, по крайней мере мне, не известны подобные бусы в комплексах XIV в.), оснований для сужения общей датировки пока нет, так как среди новгородских находок бусине из 7 яруса предшествует хронологически почти непрерывная (учитывая отсутствие находок в 8 ярусе) серия бус.

[45] Они близки подвеске из Старой Ладоги (см. ниже).

роль лишь элементов овала, в который вписан крин (Holmqvist 1963: 100, 117—119, fig. 72, 87, 88)[46].

На Русь подвески, декорированные волютами, попадают в X в. Основная серия находок этого времени происходит из Гнездова[47] и Владимирских курганов[48], на памятниках других регионов они единичны[49]. Однако в XI—XII вв. зона распространения подвесок, декорированных волютами, резко расширяется, включая почти всю древнерусскую территорию: Волынь (Луцк), Среднее Поднепровье[50] и, возможно, украинское Полесье[51], Верхний Псел и Верхний Сейм[52], Белоруссия[53], восточная Смоленщина в бассейне, как Днепра, так и Оки[54], окрестности Ярославля[55] и Твери[56], Подмосковье и владимирские курганы (но, по-видимому, лишь в XI в.)[57], Белозерье[58]. На Северо-Западе они тоже известны, но лишь в трех экземплярах: в северо-восточном Причудье[59], в бассейне Верхней Плюссы[60] и в Старой Ладоге[61]. Подвески эти нигде не становятся массовыми, хотя и встречаются подчас по пять-шесть экземпляров в одном ожерелье. После XI в. в декоре подвесок настоящая зернь и скань обычно уже не используется, они литые, перехваты между волютами исчезают, шарики ложной зерни в местах соприкосновения волют встречаются реже, чем в предшествующее время.

Оторванная от скандинавских корней, первоначальная форма претерпевает на Руси эволюцию. С орнаментом из четырех волют происходит то, что можно назвать ресемантизацией — он видоизменяется, все больше приближаясь к изображению креста. С XI в. волюты в композиции орнамента занимают стабильное место (в секторах между вертикальной и горизонтальной осями симметрии), так что образуемая ими фигура все больше сближается с равноконечным крестом. Наиболее поздняя (XI в.) известная мне подвеска с иным расположением волют, то есть внизу, наверху, справа и слева — из кургана 1991 близ д. Городище на Плещеевом оз.[62], но она представляет собой отремонтированный в древности экземпляр (Спицын 1905б: 141, рис. 167). С XII в. в орнаменте этой группы подвесок волюты перестают играть самостоятельную роль, становясь способом передачи креста. Некачественные отливки[63] указывают путь повышения декоративного эффекта при переходе к прорезным украшениям. При этом эволюция композиции протекает в двух направлениях. С одной стороны, волюты превращаются в дуги[64],

[46] История бытования мотива крина в овале (волюте) в ювелирном деле Германии и Скандинавии коренным образом отличается от истории аналогичного мотива на Руси, где он получает распространение не ранее второй трети XII в. В Новгороде крин или росток, вписанный в сердце, круг или волюту представлен в декоре 16 ювелирных изделий (считая изделия, входящие в один набор и части одного предмета за один экз.): 19-23-307; 19-22-1569 и 19-21-1570 (один набор); 19-23-279 и 18-19-457 (один набор); 19/18-28-1336; 19/18 яр.; 17-19-1072, 1080; 17-17-1089; 16-25-1391 (?); 16-20-294; 15-16-1990; 14 — раскоп XIV; 13-16-1838; 13/12-12-1922; Ил12-21-275; К24-16. Наиболее ранние находки (браслет 19-23-307 и ременные накладки от одного набора 19-22-1569: 19-21-1570) датируются 1134—1161 гг., наиболее поздняя (накладка К24-16) — 1299—1311 гг. Дата типа в целом: 1134—1313 гг. (время функционирования 19—11 ярусов Неревского раскопа). При этом ранние экземпляры декорированы мотивом крина не в овале или волюте, а в сердцевидном обрамлении.

[47] Клады и, возможно, могильник (Путь 1996: 37, 61, №334—336, 387; Ениосова 2007: 311, 4: 1—3; Гущин 1936: 56, табл. IV: 19—23).

[48] Новоселки, Васильки, Гнездилово, могильники близ д. Городище (Спицын 1905б: 141, рис. 167, 172, 174, 175, 177, 179; Комаров 1995: 138—140, 143, рис. 2: 7, 10, 12, 18, 26, 27; Седова 2001: 26—27, рис. 2: 12, 13, 16). Подвески (Комаров 1995: 143, рис. 2: 7, 27), возможно, датируются XI в.

[49] Рюриково городище, Тимерево, Шестовицы, Седнев, Киев (Носов 1990: 125, 126, рис. 48: 14; Фехнер, Недошивина 1987: 80—81, рис. 7: 1; Бліфельд 1977: 222, табл. XXII; Івакин, Козюба 2003: 40—41, 48, рис. 4Б: 4, 5). Не исключено, что X в. датируется также подвеска из городища на р. Менке (Штыхов 1978: 70, рис. 38: 6).

[50] Переяславль Русский (Лесман 2008а), Грушево Каневского у. (хранится в Национальном музее истории Украины, В1584 ст. №33090); Воинь (хранится в Археологическом музее Института археологии НАНУ).

[51] В вышедшем в 2000 г. в Киеве каталоге опубликованы четыре подвески из частных коллекций, в том числе две из Житомирской обл. и одна из Киевской. Последняя с подлинными сканью и зернью, но перехваты, соединяющие волюты, уже заменены зернами зерни (Нечитайло 2000: 53, №500—503).

[52] Гочево — могильник и поселение, поселение Липино (Атлас 1915: Табл. XXXI: 6; XLIII: 3; Шпилев 2008: 280, 292, рис. 54: 4; 59: 2).

[53] Заславль, Слободка Скрыгаловская, Навры, Гродно, Новый Кривск, Нисимковичи и др. (Штыхаў 1992: 180, 169, рис. 53: 15; Заяц 1995: 182, рис. 46: 11; Лысенко 1991: 143, рис. 24: 44; Гуревич 1962: 109, 116, 198, рис. 98: 7; Воронин 1954: 67, 68, рис. 31: 13; Соловьева 1971: 66—67, рис. 19: 3 и др.).

[54] Мутышино (Савін 1930: 232, 234, табл. II: 11), Коханы, Ступенки II, Бочарово (Булычев 1899: 70, табл. XXX: 4; 1913: 62, 71—75, табл. IV: 21; VI: 12, 18; VIII: 9), Старая Рязань (Монгайт 1955: 179, рис. 138: 3).

[55] Заморино (Комаров 2003: 511, 515, рис. 1: 18).

[56] Дуденево (Спицын 1904: 9, табл. I: 20).

[57] В могильнике у д. Городище курганы 1991, 1995 (Спицын 1905а: 141, рис. 167; Комаров 1995: 143, 158, рис. 2: 1, 2).

[58] Нефедьево (Макаров 1997: 176, 339, табл. 127: 19).

[59] Верхоляны, жальничная могила 4, скорее всего, во вторичном использовании (Спицын 1903: 25, 49, 110, табл. XXII: 7).

[60] Могильник Которск IX, курган 27 (Кузьмин и др. 2007: 91—92).

[61] В Старой Ладоге, впрочем, не исключена и более ранняя датировка (Старая Ладога 2003: 78, 79, №154; Davidan 1992: Abb. 9: 22).

[62] Комплекс атрибутирован В.А. Лапшиным, которого благодарю за консультацию.

[63] Напр.: подвеска из кург. 1 могильника Ступенки II (Булычев 1913: таб. IV: 21).

[64] Напр.: Гочево, кург. LX (Атлас 1915: табл. XXXI: 6; Шпилев 2008: 284, рис. 56: 5).

что в контаминации с крестами, имеющими процветшие криновидные лопасти, дает большую серию крестовключенных прорезных подвесок с изображением такого креста (Спицын 1896: табл. XII: 34; 1905: 142, рис. 199; Булычев 1913: табл. VI: 12; Розенфельдт 1967: 107, рис. 37: 2; Алексеев 1995: 132, рис. 7: 3, 4 и др.). С другой стороны, завершающие волюты полушария ложной зерни вместе с полушариями между волютами принимают вид, почти неотличимый от завершений лопастей крестиков с тремя шариками на концах и соответствующих им прорезных крестовключенных подвесок[65].

Следует отметить, что после начала XI в. на северо-западе и северо-востоке Руси основной формой являются подвески одной композиционной схемы — с четырьмя волютами, причем все они сплошные. В XIII в. появляется еще одна немногочисленная группа подвесок, восходящая все к тем же прототипам эпохи викингов. Это две крупные (диаметром около 5 см) привески, изготовленные из тонкой круглой пластины, орнаментированной четырьмя волютами[66]. Рельефный декор нанесен с обратной стороны. У костромских подвесок есть серия аналогов в могильниках и кладах Эстонии (см., напр.: Eesti 1982: 360), где, как и в Финляндии и в Карелии, традиция декорированных волютами подвесок развивается отличным от Руси путем.

На основе композиции с тремя волютами в XI—XII в. возникают две группы подвесок, бытовавшие и в XIII в. С одной стороны, это сплошные подвески с розеткой из трех волют в центре и концентрическим бордюром из семи-восьми волют по краю (Гочево, Бочарово, Нефедьево и др.), что вполне соответствует хорошо фиксируемой в новгородских материалах тенденции усложнения композиции декора. С XII в. (с 20 яруса, датирующегося 1116—1134 гг.) входят в моду круглые подвески с двумя концентрическими орнаментальными зонами (Лесман 1996). Немногочисленные подвески, декорированные двумя кольцами волют, известны, как уже указывалось, и в Скандинавии, но их датировка не выходит за рамки X — начала XI в., в силу чего маловероятно, чтобы они являлись прототипами восточноевропейских подвесок. С другой стороны, появляются прорезные подвески[67] из трех волют в кольце[68]. Все эти украшения менее многочисленны, чем развивающие композицию из четырех волют, и зона их распространения более локальна — все находки происходят с территорий к востоку от Днепра[69], и лишь одна севернее Смоленского Поднепровья (могильник Нефедьево в Белозерье).

Еще одно направление развития подвесок, декорированных волютами, представлено подвесками с бордюром из шести волют по краю и крупного зерна ложной зерни в центре. В процессе развития (к XII в.) волюты превращаются в составленный из вогнутых дуг правильный шестиугольник (углы шестиугольника иногда скруглены), отделившиеся спирали заменяются 12 зернами ложной зерни — по два у каждого угла шестиугольника, а на следующем этапе число сторон многоугольника и число зерен крупной зерни теряют стабильность. Известны подвески этой серии преимущественно в южной части лесной и в лесостепной зоне (Волынь, южная Белоруссия, Среднее Поднепровье, Верхняя и Средняя Ока), их нет ни на Северо-Востоке, ни на Северо-Западе. Наиболее вероятным прототипом для них могли быть скандинавские подвески с пятью или пятью с половиной волютами. Однако процесс возникновения и развития подвесок этого типа еще ждет детального анализа.

Вернемся к этапу первичного (X в.) распространения на Руси подвесок, орнаментированных волютами. Находки демонстрирует связь с достаточно узким кругом памятников (и комплексов), в которых несомненны скандинавские черты. Однако, за исключением одного экземпляра с Рюрикова городища (и, маловероятно, но возможно, из Старой Ладоги), они не известны в таком насыщенном скандинавскими находками регионе как Северо-Запад. Почти не известны они здесь и впоследствии. В Новгороде даже мотив спирали (являющейся элементом волюты) в декоре ювелирных изделий появляется лишь в XII в.[70] Дело, по-видимому, как в специфике местных вкусов, так и в несколько различном характере контактов с местным населением, в особенности с его женской частью.

2.2.2. Круглые подвески, орнаментированные вихревой или лучевой розеткой

Среди круглых скандинавских подвесок эпохи викингов заметную группу образуют щитообразные, выделяющиеся формой, конструкцией ушка

[65] Ср. напр.: подвески из Кислово-I (кург. 4) и Конищево (кург. 1) в Костромском Поволжье; (схематичный рис. см.: Рябинин 1986: 134, табл. IV: 10) и подвески типа (Спицын 1896: табл. V: 2; Алексеев 1995: 132, рис. 7: 5—7).

[66] Никульцево (кург. 2) и Погост (кург. 6) в Костромском Поволжье (Рябинин 1986: 134, табл. IV: 19).

[67] По-видимому, в русле той же тенденции развития, что и у части подвесок с четырьмя волютами.

[68] Крымское, Бочарово и др. (Булычев ...); Липино (Шпилев 2008: 292, рис. 59: 2); Мутышино (Савін 1930: 232, 234, табл. II: 11), Мокрая Юхновского у. (хранится в ГИМ, оп. 949).

[69] С. И. Пеняк опубликовал небрежный рисунок и лапидарное описание подвески с тремя волютами из г. Берегове в Закарпатье (Пеняк 1980: 129, 143, рис. 50: 6). К сожалению, не опубликованы (или отсутствуют) данные о точном месте и обстоятельствах находки, не ясны конструкции и технологии ее изготовления (сплошная или прорезная, литая или сканая). В Берегове С. И. Пеняк описывает памятники, датируемые им VIII—IX и XI—XIII или XII—XIII вв. (Пеняк 1980: 45, 49, 69—70, 158, №8, 24), при их характеристике подвеска не упомянута. Не исключено, что она относится к эпохе переселения народов.

[70] Начиная с 20 яруса, датирующегося 1116—1134 гг. (Лесман 1989а: 83).

и декором. Они круглые уплощенные, но с выпуклостью в центре, ушко часто сделано из пластинчатой ленты, проходившей сзади по всему диаметру. Композиция орнамента — розетка, чаще всего вихревая (Arbman 1940: Taf. 97: 1—12, 14, 15, 17, 18; Stenberger 1958: 159—161; Duczko 1985: 50 и др.), в единичных случаях лучевая (Arbman 1940: Taf. 97: 16, 20). Большинство подобных подвесок изготовлены из декорированной чеканом пластины, существенно реже встречаются экземпляры со сканью, еще реже литые, а в более позднее время и тисненые (напр.: Wikström 2008: 159, Fnr. 1566). Находки подобных подвесок на территории древней Руси в сопоставлении со скандинавскими прототипами были собраны и проанализированы Г.Л. Новиковой (Новикова 1991; 1998). В Скандинавии известны менее многочисленные, близкие по форме украшения без умбоновидной выпуклости в центре, декорированные лучевой розеткой (Arbman 1940; Stenberger 1947: Abb. 156: 3; 184: 2; 251: 2, и др.). Составленная Г.Л. Новиковой сводка восточноевропейских находок подвесок, декорированных вихревой розеткой, может быть дополнена[71], что несколько корректирует, но не меняет общей картины. Более существенных дополнений требует список аналогичных по форме подвесок, декорированных лучевой розеткой. Г.Л. Новикова учла всего 8 экз.[72] (Новикова 1998: 171, 172, рис. 3: 9—15). Однако только в одном камерном погребении кургана 124 Березовецкого могильника на Селигере найдены 5 таких подвесок (Успенская 1993: 100, 134, рис. 10). Список можно существенно расширить, включив, например, подвески из погребения на городище Петровское в верхнем течении Ворсклы (Третьяков 1947: 132, 133, рис. 5), из курганов 26 и 52 у д. Калихновщина в северо-восточном Причудье[73] (Спицын 1903: 99, 102), с возвышенности Дзерба (точнее, из озера под нею) близ городища Масковичи (Дучыц 1991: 33, рис. 19: 1), из кургана у д. Дымово под Оршей (Алексеев 1966: 47, рис. 8: 4), из курганов Восточной Белоруссии (Рыбакоў 1932: 92, табл. VI: 1) и др. В ту же сводку Г.Л. Новикова включила лишь одну подвеску без выпуклости в центре (из Максимовского могильника), но на самом деле такие подвески на восточноевропейских памятниках наиболее массовы: курганные могильники Бельчицы под Полоцком (Ляўданскі 1930: 159, 162, табл. I: 4), Кастрица в белорусском Подвинье (Штыхаў 1992: 91, 151—152, мал. 59: 5), Мутышино на Смоленщине (Савін 1930: 232, 234, табл. II: 13), Избрижье близ Твери (раск. Ф.Х. Арслановой), из погребения, впущенного в полуземлянку 30 Новотроицкого городища (Ляпушкин 1958: 104, 105, рис. 69: 1), Гонголово, Вопша на Ижорском плато (Спицын 1896: 18, табл. II: 5; XII: 19) литейная формочка из Белозера (Голубева 1973: 67, рис. 12: 9) и др.

Таким образом, большинство декорированных вихревой розеткой подвесок датируются X в. (как и в Скандинавии), происходят из памятников, насыщенных скандинавскими элементами культуры, многие из них сами должны рассматриваться в качестве скандинавских элементов, хотя среди восточноевропейских находок, как справедливо отмечает Г.Л. Новикова (Новикова 1998: 172—174), значительная часть обладает некоторыми отличиями от скандинавских прототипов и изготовлена на месте. Более поздние экземпляры подвесок с вихревой розеткой на Руси единичны, к тому же часть из них (крупные подвески XII—XIII вв.[74] с выпуклыми прочеканенными с оборота линиями[75]) входят в группу, основной регион распространения которой охватывает Эстонию, Финляндию и Карельский перешеек. Следует отметить, что в целом мотив вихревой розетки (как с криволинейными, так и с ломанными лучами) в древнерусской культуре не приживается (подробнее см.: Лесман 1999).

По-иному обстоит дело с круглыми подвесками, декорированными лучевой розеткой. Детальный анализ их хронологии, типологии и географии распространения требует специального рассмотрения, однако уже сейчас очевидно, что на древнерусской территории в XI—XIII вв. они решительно преобладают над подвесками с вихревой розеткой, при этом у большинства выпуклость в центре отсутствует или мала[76]. Следует также отметить, что большинство подвесок орнаментировано розетками всего из четырех лучей, обычно расположенных вертикально и горизонтально (как, впрочем, и часть скандинавских аналогов), то есть, фактически, несут изображения креста, что соответствует основной линии развития рассмотренных выше подвесок с четырьмя волютами. Однако декорирование круглых подвесок лучевой розеткой в Восточной Европе фактически вытесняется другой разновидностью — лепестковой розеткой, представленной наиболее массово и соответствующей схематическому изображению цветка (лепестки могут чередоваться с линиями-

[71] Напр.: литая подвеска из Федовского могильника в Тверской губ. (Спицын 1905: 3, рис. 3: 8)

[72] Из них, по крайней мере, одна (Новикова 1998: 171, рис. 3: 16) — единственная гнездовская — сохранилась фрагментарно, но декорирована была, судя по сохранившемуся фрагменту, как и все остальные гнездовские экземпляры, вихревой розеткой.

[73] Хранятся в ОАВЕС ГЭ. Оп. 856/95, 155.

[74] Привески круглые сплошные большие (диаметром не менее 33 мм) представлены в Новгороде (28 экз.) в слоях, датирующихся временем после 1116 г. (синхронных 20 ярусу Неревского раскопа и более поздних).

[75] Приводимый Г.Л. Новиковой список (Владимирское и Жуково в Ярославском Поволжье, Ново-Сиверская на Ижорском плато) можно дополнить серебряной подвеской из клада, найденного на Ижорском плато близ Елизаветино (больше известен как клад из прихода Спанка), не имеющей выпуклости в центре (Корзухина 1954: 101, табл. XXVII: 13).

[76] На меньшие размеры центрального выступа у восточноевропейских находок подвесок с вихревой розеткой, в сравнении со скандинавскими, обратила внимание и Г.Л. Новикова.

тычинками, нередко завершающимися маленькими кружками или точками).

2.2.3. Некоторые иные типы подвесок

Рассмотренные выше группы подвесок представлены в Восточной Европе достаточно большими сериями, однако известны и более редкие разновидности, восходящие к скандинавским прототипам. Речь идет о нескольких типах круглых монетовидных подвесок (декорированных изображением зверя в профиль с обращенной назад головой, с орнаментом, напоминающим куст, и некоторых других, в частности, декорированных выпуклостями — зернами крупной ложной зерни), кресаловидных подвесках, а также, возможно, и о некоторых других. Следует отметить, что в X в. на территории Древней Руси известны различные круглые подвески, декорированные в скандинавском зверином стиле (почти все типы, распространенные в самой Скандинавии), но далеко не все из них получают местное развитие. Часть подвесок, бытовавших в XI — начале XII вв., изготовлены как отливки по оттиску, выполненному с типично скандинавских изделий, часть развивает локальный восточноевропейский вариант собственно скандинавской культурной традиции (Лесман 2006). В круг же собственно древнерусских изделий входят лишь подвески с композиционно самым простым изображением зверя в профиль с обращенной назад головой. Их прототипы выполнены в стиле Борре, и зверь обычно кусает спускающуюся с ушка ленту[77]. На древнерусских изделиях лента исчезает, в XI—XII вв. они обычно прорезные, ближе к концу XI в. или, скорее, в XII в. получают распространение сплошные подвески (литые и штампованные, известна также матрица для штамповки), они отличаются большим диаметром (что, как уже отмечалось, характерно для подвесок начиная с XII в.) и специфичной иконографией — изображение крина под брюхом животного (Сарачева 2003). Иногда животное кусает свой хвост. Относительно этой группы пока трудно сказать, продолжает ли она линию развития скандинавских подвесок или имеет особые прототипы.

Как в Скандинавии эпохи викингов, так и на некоторых восточноевропейских памятниках X в., где, несомненно, присутствует скандинавский культурный компонент (в первую очередь это Гнездово и Владимирские курганы), известны круглые сплошные подвески, декор которых образован несколькими спиралями и напоминает куст, причем он может «расти» как снизу вверх, так и (реже) сверху вниз[78]. Подвески могут быть как филигранными, так и литыми. На древнерусских памятниках XI—XII вв. (в Поволжском регионе) известны немногочисленные находки небольших литых сплошных и прорезных подвесок, схематично воспроизводящих ту же композицию декора (Спицын 1905; Рябинин 1986: 134, табл. IV: 14).

Специфическую для Скандинавии эпохи викингов группу образуют подвески (обычно кованые) кресаловидной формы[79] — их форма близка калачевидным кресалам (Stenberger 1958: 161—165). Находки аналогичных скандинавским кресаловидных подвесок известны и на Руси: в Ладоге, возможно, уже с конца IX в., в X в. они распространяются шире (помимо Старой Ладоги, Рюриково городище, Гнездово, Сарское городище, возможно, тем же временем, но, может быть и несколько более поздним датируется подвеска из Владимирских курганов), продолжают бытовать и в XI в. (клад Скадино, могильник Струйское в Ржевском р-не). Эти подвески были специально проанализированы Г.Л. Новиковой (Новикова 1991: 182—186). Однако, на Руси известна и немногочисленная группа более поздних литых подвесок[80]: 7 экземпляров из междуречья Днепра и Десны учтены В.В. Богомольниковым (Богомольников 2004: 72, 211, рис. 10: 20—22), к ним можно добавить подвеску из курганного могильника Переяславля Русского (Лесман 2008а: 128), воспроизводящих форму более ранних кованых скандинавских. Возможно, к кресаловидным восходит также литая подвеска из погребения 1 кургана 9 в могильнике Никольское III в Белозерье (Макаров 1990: 71, 151, 202, табл. XVII: 5). Следует отметить, что все восточноевропейские находки ранней (собственно скандинавской) группы локализуются севернее основной зоны распространения их древнерусских дериватов.

2.3. Браслеты и перстни

Происхождение большинства типов древнерусских металлических браслетов и перстней остается пока слабо разработанной темой. Тем не менее, уже сейчас можно указать на ряд типов (групп типов) древнерусских украшений, развивающих традиции, заимствованные из культуры Скандинавии. В первую очередь это браслеты и перстни с завязанными концами. Скандинавский источник попадания и распространения на Руси самой традиции такого конструктивного решения рассмотрен

[77] По Й. Кальмеру, группа A вариант 3 типы Kållestad, Tuna, Träslöv, без ленты — тип Kiplingeberg (Callmer 1989: 23, 26, 27, Abb. 3: 6—8, 19—21).

[78] По Й. Кальмеру, группа A вариант 1 типы Söderby, Birka Grab 523, Birka Grab 967 (Callmer 1989: 22, 26, 27, Abb. 3: 2, 17).

[79] Литые кресаловидные подвески, иногда дополнительно декорированные рельефными фигурками птиц во внутреннем прорезном поле, известны в Скандинавии с вендельского времени и доживают до ранней эпохи викингов.

[80] Эти подвески из «радимичских» курганов Б.А. Рыбаков называет луннично-прорезными, хотя и указывает на параллели им в Гнездово, Владимирских курганах и Скандинавии (Рыбакоў 1932: 92); то же название принимает В.В. Богомольников (Богомольников 2004: 72), выделяя их в тип луннично-прорезных, входящий в отдел круглых прорезных подвесок.

выше, поэтому отмечу лишь, что усвоение этой традиции происходило через местное изготовление изделий, в том числе перстней и браслетов, аналогичных скандинавским прототипам, причем уже во второй половине X в. эти изделия выходят за пределы круга памятников, на которых зафиксированы и иные скандинавские черты, а на протяжении XI в. такие изделия становятся массовыми. Речь идет в первую очередь о пластинчатых, дротовых и витых браслетах (витые браслеты, не сужающиеся к узлу, который образован одинарными проволоками, входят в употребление как в Скандинавии, так и на Руси лишь с XI в.), а также о пластинчатых, дротовых, однопроволочных и витых из нескольких проволок перстнях. Бытуют завязанноконечные браслеты и перстни на древнерусской территории до третьей четверти XII в. (см. выше).

В.П. Левашова, систематизировавшая находки браслетов из сельских могильников и поселений древней Руси[81], отмечает их многочисленность (Левашова 1967а: 211—213, 217—219, 225—228, 232, 233, рис. 28: 2; 29: 1, 7; 30: 2). Исследовательница учла 180 находок, что составляет около 5% всех проанализированных браслетов. Однако значительная часть находок происходит из комплексов более поздних, чем время бытования завязанноконечных изделий. Так, в частности, на Ижорском плато и в северо-восточном Причудье (около 28% всех анализируемых В.П. Левашовой находок) браслеты как категория встречаются в погребениях вплоть до XIV в., а в Костромском Поволжье, Подмосковье и на Ижорском плато (около 39% всех находок) первые древнерусские могильники появляются лишь около рубежа XI—XII вв., то есть — относятся к тому времени, когда популярность большинства разновидностей завязанноконечных браслетов была на спаде, а некоторые уже вышли из употребления. В силу этого, оценить долю завязанноконечных браслетов, а равно и перстней, во всем массиве древнерусских украшений этих категорий можно будет лишь после хронологического расчленения комплексов каждого региона. Подводя итоги анализу древнерусских браслетов, В.П. Левашова отмечает: «именно на территории Руси завязанные браслеты стали излюбленной локальной формой не только как драгоценности, но и как общедоступные бронзовые украшения» (Левашова 1967а: 246). Завязанноконечные браслеты известны и на территории Белоруссии, и на древнерусской части территории Украины, причем на территории Белоруссии они более многочисленны, чем на юге.

Еще одна серия древнерусских браслетов и перстней связана своим происхождением со скандинавскими ладьевидными браслетами, точнее, с одной их группой — орнаментированными так называемыми «вертикальными змейками»[82]. Скандинавские массивные литые ладьевидные браслеты с таким орнаментом оказались, по-видимому, столь популярны на востоке, что появились разнообразные им подражания. На территории Финляндии (Korkeakoski-Väisänen 1981: T. XI), Эстонии (Mägi-Lõugas 1995: 300—302), Руси (Спицын 1896: табл. IV: 20; Хвощинская 2004: табл. CXVIII: 6—7; CXXII: 8, 10, 14; Седова 1981: рис. 37: 19; 38: 4 и др.) представлен их местный[83] относительно поздний (появляющийся около начала XI в.) вариант — браслеты со слегка расширяющимися концами (форма концов обычно близка к трапеции, а с учетом рельефа и орнамента приближается к треугольной, как у некоторых щитковоконечных браслетов). Судя по территории распространения, эта модификация, скорее всего, возникла в Эстонии или Финляндии, а уже оттуда попала на Русь. На части таких браслетов, а также на некоторых экземплярах с сужающимися концами (напр.: Бранденбург 1895: табл. IV: 3; Кочкуркина, Линевский 1985: рис. 27: 10) криволинейная «змейка» заменяется более простым ломаным зигзагом, переданным врезной линией. Такое упрощение орнамента могло появиться и в Приладожье, где оно представлено на ладьевидных браслетах традиционной для Скандинавии формы. Другие, собственно древнерусские, модификации тех же прототипов более экономны с точки зрения затрат металла — они пластинчатые, их концы сужаются, иногда до дрота, и тогда завязаны узлом. Связь подобных браслетов с их скандинавскими прототипами отмечала В.П. Левашова (Левашова 1967: 235, 243—245, рис. 30: 2, 5). Такой же орнамент наносился и на некоторые широкосрединные пластинчатые перстни, как незамкнутые, так и завязанноконечные (см. напр.: Спицын 1905а; Ляўданскі 1932: 35, табл. IX: 15; Недошивина 1967: 257, рис. 31: 2; Боровський, Архипова 1993: 207, 208, рис. 1; Нефедов 2007: 282, рис. 164 и др.). Следует отметить, что в Скандинавии перстни никогда подобным образом не декорировались. Пластинчатые браслеты и перстни, орнаментированные «поперечной змейкой», представляют собой относительно немногочисленную, но весьма характерную группу, фиксирующую заимствование мотива декора при изменении конструкции, технологии и даже категории украшения[84].

[81] Без западных и южных регионов, преимущественно по коллекция ГИМа, но с привлечением собраний Эрмитажа и некоторых других музеев, а также основных публикаций.

[82] Тип Ab 3 по Stenberger (Stenberger 1958: 109—112, Textabb. 14), а также более узкие и более ранние варианты.

[83] Браслет этого (?) типа, но уже не как местный тип, а в качестве восточного импорта, найден в Шведской Лапландии (Serning 1956: Pl. 16: 3).

[84] В Латвии, в первую очередь на памятниках, связываемых с латгалами, в инвентаре, преимущественно связанном с мужскими погребениями, представлены иные варианты адаптации скандинавского мотива вертикальной змейки: на местных ленточных или чуть расширяющихся к концам браслетах сегментовидного сечения (Спицын 1893: 39, рис. 23; Мугуревич 1965: 83, табл. XXIV: 3; Радиньш 2001: 86, рис. 13: 14; Ciglis, Radiņš 2002: 67, 70, 91, 98, 175, 23. att. 1: 24, 31; 5: 34; 6; 10: 54), а также на дугах подковообразных фибул (Радиньш 2001: 84, рис. 12, 10, 12;

Появились такие украшения около первой половины XI в. Территориально эта группа локализуется в Верхнем течении Днепра, Западной Двины и Волги, а также в бассейне Волги ниже по течению — до р. Мологи и в Волго-Окском междуречье, то есть — в целом, в зоне основной концентрации браслетообразных завязанноконечных колец.

2.4. Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси

Находки женских украшений X в., относящихся к характерным для Скандинавии типам, достаточно многочисленны и разнообразны (фибулы, браслеты, перстни, подвески и пр.). Среди них есть и импорты, и вещи, изготовленные на месте. На протяжении XI в. число таких находок существенно сокращается (хотя они известны и для XI, и для XII, и даже для XIII вв.), ведущее место занимают местные типы украшений. Анализ восточноевропейских украшений позволяет наметить перечень тех групп, которые, будучи характерны для местных культур XI—XIII вв., восходят к скандинавским прототипам X в. В рассматриваемом аспекте наиболее интересен процесс адаптации скандинавских прототипов на восточноевропейский почве, который в разных регионах протекал по-разному. В самом общем виде можно выделить четыре основных региона.

Приладожье (юго-восточное и западное), Финляндия. В местную культуру входят и получают дальнейшее развитие ряд типов фибул (скорлупообразных и подковообразных), браслеты (с завязанными концами и ладьевидные), некоторые типы подвесок (круглые и секировидные) и некоторые другие украшения. Существенно, что украшения усваиваются целыми комплектами, предполагающими восприятие убора в целом.

Новгородская земля (с известными оговорками включая и Псковскую). Несмотря на восприятие целого ряда технологических приемов (самый заметный — завязывание концов металлических украшений), скандинавские типы X в. не получают заметного развития. Отличные от скандинавских варианты ладьевидных браслетов, декорированных поперечными змейками, имеют аналоги на территории Финляндии, Эстонии и Приладожья, где они и сформировались. Со скандинавской традицией могут быть связаны некоторые типы подковообразных фибул, но они типологически близки к украшениям, характерным в X—XII вв. для Прибалтики (включая Финляндию), и их распространение могло носить опосредованный характер. Подвески, восходящие к скандинавским прототипам, немногочисленны, появление части из них на северо-западе Руси, скорее всего, вторично по отношению к более южным регионам Руси или к Прибалтике. Некоторые разновидности (в частности, круглые пластинчатые подвески большого диаметра, декорированные композицией розетки с ромбами и углами) известны в XI—XII вв. на широкой территории, включающей северо-западную Русь (с единичными находками восточнее и южнее), Прибалтику и Скандинавию; относительно них пока трудно определить, где формировались их типологически характерные особенности, но не исключено, что зона формирования окажется шире, чем какая-то одна из его частей, то есть, что сложения типа (типов) происходило в ходе продолжавшегося в XI и, отчасти, XII в. тесного культурного взаимодействия нескольких регионов (например, Швеции и Руси).

Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье, Верхнее Подесенье, Верхнее Поволжье, Волго-Окское междуречье, бассейны Немана и Березины — огромное пространство между Новгородской землей и Средним Поднепровьем. В конце X — начале XI вв. в местную культуру входит, приобретая подчас широкую популярность, целый ряд типов украшений, восходящих к скандинавским прототипам: височные кольца с завязанными концами (так называемые «кривичские»), ряд типов подвесок (с декором из волют, с «кустом», часто «растущим» сверху вниз, с декором в виде лучевой розетки, с изображением изогнувшегося зверя с открытой пастью), разнообразные браслеты, перстни, колечки с завязанными концами, пластинчатые подражания ладьевидным браслетам, а также браслеты и перстни, декорированные поперечными змейками в подражание ладьевидным браслетам. Иногда встречаются и некоторые иные украшения, восходящие к скандинавским прототипам.

Наиболее ранние завязанные на два узла браслетообразные височные кольца представляют собой проволочные браслеты, характерные для скандинавских и в узком смысле «русских» (в понимании Ибн-Фадлана, Константина Багрянородного и других авторов X в.) древностей, превращенные в популярные в Восточной Европе серьги (или височные украшения). Из подвесок не находят развития семантически сложные — с изображением сплетенных фигур, молоточки Тора, сравнительно быстро выходят из обихода подвески с чуждой солярной символикой: вихревая розетка исчезает, а из лучевых наиболее распространенной становится четырехлучевая, то есть фактически крест, точно так же превращаются в крест четыре волюты. В целом можно говорить о включении украшений в местный убор, при этом происходит и смена функции, и переосмысление семантики. В рамках обширной территории фиксируется, с одной стороны, близость (в самом обобщенном виде) процессов включения скандинавских украшений в местную культуру, с другой, — выделяются регионы преимущественного распространения тех или иных типов (по большей части охватывающие территории нескольких смежных древнерусских земель).

Ciglis, Radiņš 2002: 91, 98, 174, 31. att.: 6: 34; 7; 10: 53). Предложение считать такой мотив заимствованным скандинавами из Прибалтики (Žulkus 1997: 169, 173, Abb. 4) не выдерживает критики хотя бы по причинам существенно более позднего его там появления.

Среднее Поднепровье. Скандинавские женские украшения почти не получают дальнейшего развития в древнерусской культуре XI—XIII вв. Немногочисленные вещи, найденные здесь, являются, скорее всего, привозными с севера (хотя и не далекого — из центральной зоны) или свидетельствуют об их распространении из той же центральной зоны уже в качестве локальных древнерусских типов (таковы некоторые разновидности подвесок). Единственная в той или иной мере воспринятая особенность — завязанноконечные украшения (кольца, в том числе серьги/височные кольца, и перстни), но они говорят об усвоении технологического приема, хотя и не столь широком, как на севере.

Как могла сложиться такая картина? Наиболее вероятным представляется объяснение, базирующееся на представлении о важной (часто ведущей) роли фактора социального престижа в формировании популярного женского убора. Особенно велика роль заимствований и подражаний престижным вещам в неустойчивый период формирования культурной общности, когда старые нормы расшатаны, а новым явлениям еще только предстоит стать или не стать традициями. В Приладожье и Финляндии местные женщины восприняли скандинавский убор комплектно, в целом, что, скорее всего, говорит об их вхождении в состав смешанных семей. Усвоение конструктивных деталей убора связано с возможностью его использования в костюме, что может свидетельствовать о скандинавском влиянии на костюм в целом (нет никаких данных о наличии двух- или трехфибульного убора у местного населения Приладожья или у культурно близких ему соседей до распространения здесь скандинавского влияния). Статус таких женщин в семье нам не известен, но определенно, он был престижен в глазах остального местного населения, так как убор (костюм) служил образцом для подражания. В Верхнем Подвинье, Верхнем Поднепровье, Верхнем Подесенье, Верхнем Поволжье, Волго-Окском междуречье, бассейнах Немана и Березины заимствовались лишь отдельные типы (а не комплекты), причем они входили в состав местного убора (и костюма), подчас, будучи переосмыслены. Скорее всего, посредниками в распространении новых украшений были своего рода местные дамы полусвета, обслуживавшие сборщиков дани, участников полюдья, новую русскую (в том же узком смысле) администрацию. Стремительный рост популярности некоторых типов (наиболее ярко проявляющийся в распространении завязанноконечных височных колец/серег) свидетельствует, в таком случае, о чрезвычайно высоком престиже подобных девиц, об их высоком социальном статусе среди местного населения и о массовом стремлении подражать их облику[85]. Ситуации в столичных регионах (северном и южном) близки. По-видимому, и новгородская, и киевская верхушки (независимо от своего происхождения) достаточно быстро перешли на более роскошные привозные украшения (роль здесь Византии и непосредственно связанного с ней балканского региона, мусульманского мира и других культурных центров еще требует уточнения), которые и стали основными объектами подражания. На Северо-Западе эту картину усложняет влияние прибалтийско-финских и балтских культурных общностей, ставших вторичным передатчиком скандинавских традиций, а также продолжающееся в XII—XIII вв. древнерусско-скандинавское взаимодействие.

Следует отметить, что в используемых преимущественно или исключительно женщинами орудиях труда следы скандинавского влияния пока почти неразличимы. Единственное, что я могу отметить — это использование на ряде поселений вертикального ткацкого станка с глиняными дисковидными грузиками, но подобные грузики после X в. уже фактически выходят из употребления. Возможно, дальнейшие исследования позволят выявить и иные восходящие к скандинавским черты в женской субкультуре Древней Руси, но уже сейчас не вызывает сомнения, что скандинавский вклад в ее производственно-хозяйственные компоненты несопоставимо ниже вклада в женский убор.

3. Мужская субкультура

Выделение мужской субкультуры в отдельности от технологии производства, в особенности от технологии изготовления железных изделий, а также от таких процессов, как требующее значительных физических усилий волочение, во многом условно. Да и украшения, детали убора далеко не всегда четко связаны с полом: серьги, браслеты, перстни носили не только женщины, но и мужчины, пояса с пряжками, разделителями и накладками, и, тем более, ледоходные шипы — не только мужчины, но и женщины. В качестве элементов мужской субкультуры с известной долей условности будут рассмотрены находки оружия (не всегда поддающегося четкому разграничению с орудиями труда), его миниатюрных воспроизведений, а также (с еще большей условностью) ледоходные шипы. Пахотные орудия (точнее, их железные наконечники), с точки зрения оценки соотношения восточноевропейских и скандинавских типов, требуют специального рассмотрения, которое пока никем не предпринималось.

Древнерусские находки оружия и вооружения были систематически рассмотрены в ряде монографий А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966; 1966а; 1971; 1973), что позволяет ограничиться,

[85] Современная параллель — кратковременный взлет социального статуса валютных проституток — «интердевочек» в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Их карьера (особенно если она завершалась удачным браком с влюбчивым иностранным клиентом) была в эти годы мечтой не только многих советских (и постсоветских) девушек, но подчас и их родителей.

в данном случае, самым общим обзором, несмотря на то, что с момента выхода последнего из томов прошло уже 35 лет. За эти годы подверглась существенной корректировке хронология древностей (что выразилось, в первую очередь, в омоложении значительной части комплексов, ранее датировавшихся X—XI вв.), накоплен значительный новый материал. Еще одно ограничение на использование сводов А.Н. Кирпичникова накладывает то, что он включал в них лишь несомненные находки оружия, меньше внимания уделяя рабочим и универсальным топорам, охотничьим и универсальным копьям. Свод стрел, изданный А.Ф. Медведевым (Медведев 1966), носит обзорно-обобщенный характер и, в силу этого, менее информативен. Однако единственная выделяемая в Восточной Европе группа наконечников стрел, связанная со скандинавским кругом древностей — ланцетовидные — была специально рассмотрена С.Ю. Каиновым (Каинов 1999), хотя, к сожалению, будучи специально посвящена стрелам Гнездова, она почти не включает новых находок из других мест.

Древнерусские находки мечей были систематизированы А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников 1966). Среди этих находок есть мечи, типологически датирующиеся IX в., но датировка этим же временем момента их археологизации пока, в подавляющем большинстве случаев, недостаточно обоснована. Самая ранняя надежно датированная находка — меч из монетно-вещевого клада, сокрытого близ д. Брили (Брилевское поле) в верховьях Березины в 890-х гг. с младшей монетой — дирхамом, чеканенным в 890/91 гг. (Иов, Рябцевич 2002: 164—175; Плавінскі 2006: 8—9, 67, мал. 3, №1). Однако, анализируя даты бытования мечей в Восточной Европе, следует учитывать, что среди староладожских находок представлены деревянные игрушечные мечи, которые и типологически, и стратиграфически относятся ко времени, начиная с третьей четверти VIII в. (Давидан 1976: 113, 115, рис. 7: 7—9; Рябинин 1999: 188—189, рис. 4: 1—12). Древнерусские находки мечей X—XI вв. фиксируют, как было установлено А.Н. Кирпичниковым, скандинавский путь поступления и имперский (с территории империи Каролингов, а затем империи Салической династии) источник производства (о чем свидетельствуют клейма) подавляющего большинства из них. Местное производство и клинков, и рукоятей развивалось на их основе, но было, скорее всего, малочисленным (Кирпичников 1966: 43).

3.1. Топоры

Иначе обстояло дело с топорами. В восточноевропейских комплексах, начиная с X в. (а в Старой Ладоге — начиная с VIII в., см.: Давидан 1976: 113, рис. 7: 11; Старая Ладога 2003: 66, 67, №69), представлен целый ряд характерных для Скандинавии типов. Местное производство, по крайней мере, значительной части топоров этих типов (а скорее, большинства, возможно, подавляющего) следует как из многочисленности находок, так и из наличия у многих топоров ряда особенностей, не характерных для Скандинавии (скругленный обух, дырочка на лезвии). Широкое распространение получают и в целом гибридные типы.

Тип V (топоры с опущенным лезвием и прямой верхней гранью) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 37—38) соответствует типу C по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 71, 72, рис. 32). На Руси, наряду с многочисленными (73 экз.) универсальными (Кирпичников 1966а: 37, 41—43, 108—111, 118—121) известны еще более многочисленные (170 экз.) топоры этого же типа, атрибутируемые в качестве рабочих. Тип V составляет около 19% среди типологически атрибутированных боевых и универсальных топоров, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к раннему (X — начало XI в.) периоду. В XI—XII вв. их доля падает до, примерно, 14%; после XII в. они уже не встречаются[86]. Наиболее массовы топоры типа V на севере Руси (не южнее Ярославской и Владимирской областей).

Тип VI (топоры с опущенным лезвием и двумя парами боковых щековиц) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 38—39) соответствует типам B и D по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 70—73, рис. 29—31, 33), и является немногим менее массовым на Руси, чем топоры типа V. В каталоге А.Н. Кирпичникова учтены 28 экз. универсальных топоров, а число рабочих определено в 155 экз. (Кирпичников 1966а: 37, 41—43, 110—111, 120—123). Общая датировка их бытования на Руси не выходит за рамки X—XII вв. Применительно к новгородским находкам они относятся к тому же типу топоров с опущенным лезвием, однако доля ранних экземпляров ниже[87]. География распространения на древнерусских памятниках шире, чем у типа V, но для южной Руси, в частности, для Среднего Поднепровья они не характерны.

Тип VII (топоры с широким, близким к симметричному расходящимся лезвием и двумя парами боковых щековиц) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 39) соответствует типу M по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 78, рис. 44, 45). А.Н. Кирпичников учел 48 экземпляров (Кирпичников 1966а: 39, 41—44, 110—111, 122—125, 126—127), определенных им как универсальные, причем в его хронологическом определении лишь 2 (около 1%) относятся к X — началу XI в. Среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. доля типа VII составляет 15%, среди топоров XII—XIII вв. — около 16%. Еще 29 топоров, отнесенных к XII—XIII вв., опреде-

[86] Топоры типа V относятся к группе топоров с опущенным лезвием, серийно представленных в культурном слое Новгорода в слоях, синхронных 17 ярусу Неревского раскопа и более ранних, т.е. датирующихся временем до 1197 г.

[87] Среди находок, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к X — началу XI вв., их около 5%, а среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. — около 7%).

лены в качестве рабочих. Относительно происхождения типа А.Н. Кирпичников (Кирпичников 1966а: 39) констатирует, что «все исследователи единодушно признали скандинавское происхождение широколезвийных секир, распространившихся около 1000 г. на всем севере Европы». Однако, как показывают новгородские находки и подтверждают материалы могильников Новгородской земли, на Руси этот тип получает распространение существенно позже — лишь со второй половины XII в.[88] Основная территория распространения топоров типа VII в Восточной Европе — северная часть Древней Руси: «чем южнее, тем меньше этих форм. Так, в Ярославской, Владимирской и Смоленской областях найдены только 4 секиры типа VII» (Кирпичников 1966а: 39).

Тип IV (топоры с опущенным лезвием, двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 36—37) соединяет в себе черты преимущественно североевропейского по происхождению типа VI (B-D по Я. Петерсену) и преимущественно восточноевропейского типа III[89]. На Руси это самый массовый тип (А.Н. Кирпичниковым учтены 144 универсальных и 112 рабочих топоров, см.: Кирпичников 1966а: 36, 41—43, 106—109, 114—118), бытует он также не позже XII в. Доля универсальных топоров IV типа среди находок, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к X — началу XI вв. — 20%, а среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. возрастает до 41%. Зона их распространения охватывает всю древнерусскую территорию, менее многочисленные образцы попадают и в соседние регионы.

Тип IA (топоры с опущенным лезвием и обухом-молоточком, имеющим грибовидную шляпку), по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 35), соединяют в себе черты воспринятых из культурной традиции степей топоров-чеканов (тип I) и связанное происхождением с Северной Европой широкое опущенное лезвие (свойственное типам IV, V и VI). Группа немногочисленна: А.Н. Кирпичниковым на Руси учтены лишь 7 боевых топоров, датированных им XI в. и найденных исключительно в восточных древнерусских землях: от Углеча Поля на севере до Гочевского могильника в верхнем течении Псла на юге (Кирпичников 1966а: 212—213).

Суммарная статистика топоров, систематизированных А.Н. Кирпичниковым, с учетом принятых им датировок (Кирпичников 1966а: 43, 44, табл. 11, 12), которые нуждаются в существенной корректировке (большинство в сторону омоложения, но некоторые, в частности, верхняя дата бытования рабочих топоров VI типа — в сторону удревнения), в целом отражает общие тенденции. Для оценки роли скандинавской традиции в древнерусском арсенале топоров целесообразно сгруппировать топоры (табл. 1) по происхождению типов: 1) типы V, VI и VII, непосредственно связанные со скандинавской традицией и в целом соответствующие скандинавской типологии; 2) типы I, II, III, VIII, IVA, VA, A[90] и Б, определенно не связанные со скандинавской традицией (степные, центральноевропейские или местные восточноевропейские), либо тип, скандинавские соответствия которому достаточно близки иным региональным разновидностям и на сегодняшнем уровне исследования собственно скандинавская традиция вычленению не поддается[91]; 3) гибридные типы IV и IA, объединяющие как скандинавские, так и местные или степные черты.

Можно видеть, что в XI—XII вв. достигают максимумов как доля собственно скандинавских (53%), так и гибридных со скандинавскими типов (34%), так что в сумме они дают 87% всех топоров этого времени. В предмонгольское время (это топоры, датированные у А.Н. Кирпичникова XII—XIII вв.) доля топоров, типологически связанных со скандинавской традицией, падает до 28%.

В связи с анализом механизмов вхождения новых типов топоров в древнерусскую культуру важно отметить (табл. 2), что скандинавские по происхождению типы (V, VI и VII) на начальных этапах своего распространения (в X — начале XI в. для типов V, VI и в XI—XII вв. для типа VII) представлены преимущественно боевыми (универсальными) образцами, рабочие же топоры (об условности разграничения — см. ниже) соответствующих форм становятся более массовыми позже (в XI—XII вв. для типов V, VI и в XII—XIII вв. для типа VII).[92] Аналогичным образом обстоит дело и с гибридными типами IV и IA (последний представлен только боевыми образцами)[93].

---

[88] После 1161 г., если принять условную синхронизацию с ярусами Неревского раскопа в Новгороде.

[89] Узколезвийные топоры с двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом (Кирпичников 1966а: 35—36).

[90] Тип А по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 40) является наиболее массовым в Финляндии, немногочисленные находки происходят из Юго-Восточного Приладожья.

[91] Речь идет о топорах типа VIII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 39—40). Немногочисленные боевые топоры ранней разновидности происходят преимущественно из Юго-Восточного Приладожья, где они встречаются вплоть до XII в.: топор из кургана 2 могильника Карлуха I, раскопки А.М. Линевского 1947 г. (у А.Н. Кирпичникова он значится под №446 Хвалевщина кург. 1, см.: Кирпичников 1966а: 124—124), найденный в мужском погребении вместе с овальным кресалом, датирующимся на основе Новгородских находок не ранее времени функционирования 20 яруса Неревского раскопа, т.е. не ранее 1116 г. (Кочкуркина, Линевский 1985: 27; хр. в Институте истории, языка и литературы в Петрозаводске). Рабочие их аналоги на Руси существенно более массовы. Эти топоры соответствуют (без детализации) типам G, H, I, K, L, по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 74—78, рис. 38—43).

[92] Степные по происхождению топоры-чеканы типов I и II представлены исключительно боевыми экземплярами (Кирпичников 1966а: 44, табл. 12).

[93] Некоторые типы немногочисленны в отдельные периоды или в целом, это делает подсчет процентов сугубо оценочным, но от этого он не перестает быть показательным.

Таблица 1.

Типы	X — начало XI вв.	XI—XII вв.	XII—XIII вв.
I, II, III, VIII, IVA, VA, A, Б	174 (58%)	82 (13%)	293 (72%)
V, VI, VII	73 (25%)	337 (53%)	93 (28%)
IV, IA	49 (17%)	214 (34%)	—
Всего	296 (100%)	626 (100%)	332 (100%)

Таблица 2.

Типы	X — начало XI вв		XI—XII вв.		XII—XIII вв.	
	боевые	рабочие	боевые	рабочие	боевые	рабочие
V	36 (77%)	24 (23%)	37 (20%)	146 (80%)	—	—
VI	10 (91%)	1 (9%)	18 (16%)	97 (84%)	—	57[1] (100%)
VII	2	—	39 (100%)	—	7 (14%)	29 (86%)
IA	—	—	7 (100%)	—	—	—
IV	38 (78%)	11 (22%)	106 (51%)	101 (49%)	—	—

[1] Только XII в.

Отмеченное А.Н. Кирпичниковым более раннее распространение такой характерной для типов VI, VII и VIII особенности, как «укрепление их проуха только боковыми щекавицами» (Кирпичников 1966а: 44) преимущественно среди рабочих топоров обусловлено наличием этой особенности у архаичного типа VIII, на долю которого в X — начале XI в. приходится 62% всех рабочих топоров.

Показательно, что находки топоров типов V и VI на поздних роменских памятниках маркируют нарастающее влияние древнерусской культуры (Григорьев 2000: 141, 142, рис. 47: 3, 4).

Широколезвийные топоры (как с опущенным лезвием, так и симметричные) предъявляют более высокие требования к технологии изготовления (и к качеству железа-стали, и к качеству сварки), чем известные в Восточной Европе до X в. (и продолжавшие использоваться, хотя и не составлявшие впоследствии большинства узколезвийные — типы I[94], III, VIII[95] и A по А.Н. Кирпичникову). Не случайно именно угловые части лезвий чаще всего находят отломанными в культурных слоях поселений (разрушение проуха — общая проблема для топоров всех типов). Широкое распространение на территории Древней Руси топоров с широкими лезвиями (типов V—VII, по А.Н. Кирпичникову) следует рассматривать в контексте принесенной из Скандинавии более совершенной технологии кузнечного дела. К сожалению, пока не подвергнут систематическому статистическому анализу такой важный для культурной атрибуции топоров признак, как форма обуха. Обухи скандинавских топоров всегда прямые, в то время как восточноевропейские топоры могли иметь различные обухи: прямые, скругленные, снабженные молотками-чеканами (типы I и II по А.Н. Кирпичникову).

[94] Без подтипа IA.

[95] Без подтипа VIIIA.

3.2. Копья

Роль скандинавских прототипов в сложении древнерусского набора наконечников копий пока труднее поддается анализу и, возможно, более ограниченна в сравнении с топорами. Уверенно можно говорить о ланцетовидных наконечниках — тип I по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 9, 11), по большей части соответствующий типу E по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 59—61, рис. 12—13). Древнейшей восточноевропейской находкой является деревянный игрушечный наконечник копья из Староладожского Земляного городища, найденный в слое, датирующемся на основе дендрохронологии 770-ми — 790-ми гг. (Рябинин 1999: 189—190, рис. 4: 13), следующая по времени деревянная модель происходит из горизонта E_1, относящегося ко второй половине IX — началу X (Давидан 1976: 114, 115, рис. 8: 15). А.Н. Кирпичников учел 83 наконечника (Кирпичников 1966а: 9, 12, 18—21, 68—71, 78—81), причем в его хронологическом определении среди всех копий X — начала XI вв. ланцетовидные составляют 24%, а среди копий XI—XII вв. их доля падает до 16%[96]. Время бытования ланцетовидных наконечников копий в Восточной Европе А.Н. Кирпичников ограничивает 900—1050 гг., при том, что в Скандинавии они появляются еще в вендельское время и бытуют на протяжении XI в. При этом фиксируется тот же процесс уменьшения доли длины пера в общей длине копья; такое копье, не включенное в тип E, Я. Петерсен датировал этапом, переходным от эпохи викингов к средневековью (Петерсен 2005: 58, 69, рис. 26). Л. Тунмарк-Нулен фиксиру-

[96] С учетом того, что А.Н. Кирпичников датировал их лишь до середины XI в., они могли быть представлены лишь в части хронологического интервала. Соответственно, доля ланцетовидных наконечников в XI в. должна быть выше, чем в предшествующий период.

ет доживание ланцетовидных наконечников копий на Готланде до XII в. (Thunmark-Nylén 2006: 305). Уточнение хронологии древнерусских памятников определяет расширение верхней даты бытования ланцетовидных наконечников до начала или всей первой трети XII в., но общая тенденция наибольшей популярности их на раннем этапе (X — первая половина XI в.) сохраняется. Некоторые экземпляры наконечников (с орнаментом и дамаскировкой), несомненно, импортные, вопрос о месте производства остальных остается открытым. По крайней мере, некоторые из них, скорее всего, были привезены на древнерусскую территорию, но, учитывая многочисленность находок, весьма вероятно и местное производство, хотя специфические особенности восточноевропейских находок не выявлены. Ланцетовидная форма на Руси, как и во всей Европе, не дает дальнейшего развития, будучи вытеснена новыми типами. А.Н. Кирпичников отмечает (не конкретизируя), что некоторые из наконечников ромбической формы (тип II) «по типологическим признакам сближаются с ланцетовидными и представляют для X — начала XI в., по-видимому, ответвления последних» (Кирпичников 1966а: 12). То есть, известны скандинавско-восточноевропейские гибридные формы, но они малочисленны (копий типа II, включая и близкие к ланцетовидным, учтено всего 11 экз.), находки их достаточно локальны (Владимирские курганы, район Мурома, Рязань, а также мордовские могильники), а хронологически они не переживают время бытования ланцетовидных.

Интересна география распространения ланцетовидных наконечников в Восточной Европе. Ранние находки особенно многочисленны в Юго-Восточном Приладожье, но, в целом, широко распространены по древнерусской территории, будучи представлены на памятниках, где надежно фиксируется присутствие и других скандинавских компонентов (Сарское городище, Гнездово, Чернигов и Шестовицы, деревянная модель в Ладоге), а также (но не столь серийно) на ряде других поселений и могильников. На заключительном этапе бытования в Приладожье их уже не так много (2 экз.), но зато уверенно прослеживается концентрация вдоль северо-западной и западной границы древней Руси. Опубликованная А.Н. Кирпичниковым сводная таблица (Кирпичников 1966а: 19, табл. 2) наглядно фиксирует, что на западнорусских территориях — от западной части Петербургской губ. на севере до Белоруссии на юге — найдены 19 (а если включить и пограничное Приладожье, то 21) из 25 экземпляров относительно поздних ланцетовидных наконечников.

Список ланцетовидных наконечников можно дополнить достаточно многочисленными новыми и, в меньшей мере, старыми, но не учтенными в своде находками: из могильника у д. Мучихино в междуречье Волхова и Тосны (1 экз.); в бассейне р. Лавы, впадающей в Ладожское оз. (Волковицкий, Григорьева, Селин 2008: 152, 153, рис. 2: 7); из каменной кучи близ южного берега Финского залива (1 экз.)[97]; из кладоискательских раскопок могильника близ д. Ополье (4 экз.) и близ бывшей мызы Малли (не менее 2 экз.) в бассейне р. Луги на западном склоне Ижорского плато[98]. Один экземпляр, числящийся как происходящий из могильника в д. Выра, на самом деле происходит из погребения по обряду кремации из раскопок Л.К. Ивановского[99]. Этот небольшой наконечник атрибутирован А.Н. Кирпичниковым как сулица III типа (Кирпичников 1966а: 100—101, №16), однако форма наконечника несомненно ланцетовидная с пропорциями, характерными для поздней группы. По одному экземпляру происходит из грунтовых (?) частей могильников близ деревень Скарятина гора и Ольгин Крест на восточном берегу р. Нарвы[100] (Ligi 1993: 133, 137, tahv. XI: 4, 6). Восемь экземпляров найдено в могильнике Залахтовье на восточном берегу Чудского оз. (Хвощинская 2004: 95), 6 экз.[101] — в Изборске (Артемьев 1982: 87, 88, 90, 91, рис. 1: 1, 4, 8; 2: 2, 3; 1991а: 183, 193, рис. 2; Седов 2002: 78, 79, рис. 41: 2; 3: 5; 2007: 107, 108, рис. 86: 2, 3, 5); 1 экз. — в кургане 12 могильника близ д. Малы под Изборском (Nerman 1926: 65—70, Fig. 50). По одному экземпляру происходят из кургана 1 могильника ур. Рацкий Бор I близ Браслава и из могильника Устье в Браславском районе Витебской области на северо-западе Белоруссии близ литовской границы; два экземпляра найдены на городи-

[97] Пользуюсь случаем выразить О.И. Коньковой благодарность за собранные и сообщенные сведения о находке.

[98] Пользуюсь случаем выразить благодарность И.В. Стасюку за собранные им и сообщенные мне сведения о находках из разграбленных могильников.

[99] Хранится в ГИМ, оп. 141/65. Сведения о нем в полевых дневниках Л.К. Ивановского отсутствуют, однако наконечник копья упомянут в Указателе РИМ (Указатель РИМ 1893: 170, №1303).

[100] Из могильника близ д. Кунигакюля, расположенного напротив, на западном берегу р. Нарвы, происходят еще 2 или 3 ланцетовидных наконечника (Ligi 1993: 132, tahv. XI: 3, 5, 6).

[101] А.Р. Артемьев (Артемьев 1982: 87, 88, 90, 91, рис. 1: 1, 4, 6, 8; 2: 2, 3) указывает на 7 ланцетовидных наконечников копий, среди которых 5 втульчатых и 2 черешковых. В.В. Седов определяет как ланцетовидные только втульчатые наконечники — четыре, относимые им к нижнему слою (Седов 2002: 78, 79, рис. 41: 2; 3: 5, 8; 2007: 107, 108, рис. 86: 2; 3: 5, 8), и один из вышележащих слоев (Седов 2007: 325, 326, рис. 330: 3). Однако один из них (Седов 2002: 79, рис. 41: 8; 2007: 108, рис. 86: 8) относится к более раннему типу А по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 56, рис. 7; см. о нем также: Артемьев 1982: 87, 88, рис. 2: 1; Белецкий, Лесман 2003—2004: 554, 560, табл. 20, №13, рис. 24: 13). Еще один наконечник копья (Артемьев 1982: 88, рис. 1: 6; более качественный рисунок, хотя и без сечения пера см.: Седов 2002: 79, рис. 41: 7; 2007: 108, рис. 86: 7) относится к более поздним рогатинам — типу IVA по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 15; см. о нем также: Белецкий, Лесман 2003—2004: 558, 563, табл. 20, №144, рис. 24, 144). Помимо них, корректировки требует атрибуция еще одного наконечника (Седов 2007: 325, 326, рис. 330: 3): он относится не к ланцетовидным, а к более позднему типу IIIБ по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 14).

ще у д. Кульбичино в Гродненской области, тоже близ литовской границы (Дернович 2006: 16—22, 56—57, рис. 9—11). Два экземпляра, дополнительно к шести, учтенным А. Н. Кирпичниковым, найдены в курганном могильнике Заславля[102] на западе Древней Руси (Заяц 1985: 183, 185, рис. 1: 2—4; 1995: 62—63, 185, рис. 39: 6—9). Уже эта далеко не полная подборка, включающая 30 наконечников, более чем на треть увеличивает список А. Н. Кирпичникова. Следует также учесть, что в подавляющем большинстве упомянутые наконечники относятся к заключительному этапу бытования типа — XI — началу XII вв., лишь некоторые из них, по-видимому, ранние (часть копий из Изборска, которые датируются, скорее всего, даже не X, а IX в.).

При всей условности и подвижности раннесредневековых пограничных линий в XI в., несомненно, фиксируется тяготение находок ланцетовидных наконечников к северо-западной границе Древней Руси (от Понеманья до Приладожья), причем как с древнерусской стороны границы, так и со стороны территорий, заселенных носителями прибалтийско-финских и балтских языков. На их территории ланцетовидные наконечники известны и в других районах, но преимущественно западных: вдоль побережья Балтийского моря[103] — основной зоны контактов со скандинавами. Весьма вероятно, что концентрация ланцетовидных наконечников копий в приграничной зоне отражает культурную специфику тех контингентов, которые обеспечивали контроль (может быть, точнее было бы написать «которые несли службу») на северо-западной границе Древнерусского государства[104]. Однако пока остается неясным, следует ли отмеченную концентрацию ланцетовидных наконечников копий связывать непосредственно со скандинавским культурным компонентом, считая их частью вооружения, полученного «по месту несения службы», или правильнее говорить об их распространении в качестве следов скандинавского влияния, воспринятого частью прибалтийско-финского и балтского населения независимо (еще до) привлечения к службе по охране древнерусского пограничья[105].

Требует специального анализа и зона северо-восточного — восточного пограничья древней Руси. Как уже упоминалось, именно там зафиксированы гибридные формы, включенные А. Н. Кирпичниковым в тип II и связанные с ланцетовидными (Кирпичников 1966а: 12). В этом регионе известны и собственно ланцетовидные наконечники, в том числе новые находки, не учтенные А. Н. Кирпичниковым (хотя, по-видимому, менее массовые, чем на западе). Об этом же пишет и А. Е. Леонтьев, выделяя в материалах Сарского городища две разновидности ланцетовидных наконечников, из которых одна соответствует скандинавским образцам, а другую «можно отнести к изделиям местных мастеров», причем указывает, что «подобные наконечники известны в небольшом количестве в погребениях мордвы VII—IX вв., мари и муромы IX — начала X в.» (Леонтьев 1996: 115). Однако исследователи соответствующих древностей не рассматривают такие копья специально: например, А. В. Циркин, анализируя оружие мордвы, лишь кратко характеризует выделенный им вариант «а» типа II-Г-1 по своей классификации (часть экземпляров могут рассматриваться как ланцетовидные и не имеющие характерного для многих местных наконечников копий манжета в основании втулки), но не указывает ни количества экземпляров, ни датировки (Циркин 1984: 126). Необходим целенаправленный анализа восточных находок ланцетовидных и близких им наконечников[106]. В силу этого открытым остается вопрос о наличии и характере (прямом или опосредованном) связи со скандинавскими прототипами.

А. Н. Кирпичников выделяет «копья с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы» в тип III с двумя подтипами IIIА и IIIБ. В совокупности они образуют самую многочисленную группу древнерусских наконечников копий — 43% от всех учтенных А. Н. Кирпичниковым типологически определимых наконечников (240 из 559 экземпляров). Собственно тип III соотносится с несколькими типами в типологии Я. Петерсена (типы F, G, H, K, см.: Петерсен 2005: 61—65, рис. 15—19, 21, 22), но А. Н. Кирпичников отказался от сопоставления большинства древнерусских находок со скандинавской типологией эпохи викингов, ограничившись более обобщенной картиной[107]. Хотя часть найденных на Руси копий этого типа несомненно изготовлены в Скандинавии, а часть восходит к скандинавским прототипам, но у части находок весьма вероятны и иные корни. Копья раннего варианта подтипа IIIА, то есть — датированные А. Н. Кирпичниковым периодом до начала XI в. включительно (Кирпичников 1966а: 13), морфологически почти не отличаются от ко-

[102] Из 16 наконечников копий, найденных в курганах Заславля, 8 — ланцетовидные (Заяц 1985: 183).

[103] В Литве серии находок ланцетовидных наконечников копий известны также из районов Вильнюса и Каунаса.

[104] О некоторых типах предметов женского убора преимущественно XI и, отчасти, X в., находки которых тоже концентрируются в зоне северо-западной, а, отчасти, северо-восточной и восточной границ см. (Лесман 2008: 45—50, 69—70, рис. 1: 5, 6; 3: 2, 3).

[105] Хочу выразить благодарность Н. А. Плавинскому, который своим вопросом, заданным в ходе происходившей на конференции дискуссии (см. Сложение ... 2009), привлек мое внимание к специфике распространения ланцетовидных наконечников копий в зоне, примыкающей к западным границам Древней Руси.

[106] Исследователи, рассматривавшие находки оружия на памятниках мордвы, мари, муромы, к сожалению, не уделяли внимание соотношению своих типологий с древнерусской или североевропейской.

[107] Так же поступила и Л. Тунмарк-Нулен при анализе находок с о. Готланд (Thunmark-Nylén 2006: 302—303).

пий местного типа II, распространены в том же регионе и синхронны им. В свою очередь, группа того же подтипа IIIA, датирующаяся XI—XIII вв., соответствует популярному в Скандинавии типу M по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 67, рис. 25). К. Кройц, рассматривая наконечники копий типа M из балтийского региона (Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, северо-западные районы России, включая часть находок из Восточного Причудья, Ижорского плато и Юго-Восточного Приладожья), выделяет внутри типа M восемь групп, из которых четыре представлены в Швеции единичными находками или вообще не известны (Creutz 2003: 37, 59, fig. 2: 8; 4: 6). На древнерусской территории среди двух десятков наконечников, проанализированных К. Кройц, представлены четыре группы, три из которых соответствуют шведским (группы M1, M2, M8), одна (M4), по ее данным, в Швеции не представлена, в Финляндии редка, но известна (хотя и в меньшей доле) в Эстонии и Латвии. С другой стороны, на Руси ею не указано ни одного наконечника группы M3, составляющей в Швеции 20% находок[108]. Некоторые вопросы возникают и со шведскими материалами, в частности, мне осталось непонятно, почему в работу не вошли, например, относящиеся к группе M4 наконечники копий с Готланда, опубликованные Л. Тунмарк-Нулен (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 248: 2—4). В силу этого я не вижу пока оснований рассматривать копья группы M3 в качестве прибалтийско-древнерусского варианта. С другой стороны, собранные и систематизированные К. Кройц материалы показывают, что с типом M по Я. Петерсену соотносятся не только поздняя (датируемая А.Н. Кирпичниковым XI—XIII вв.) группа копий типа IIIA, но и синхронная им поздняя группа копий типа IIIБ (она соответствует группе M3, по К. Кройц). Помимо этого, многочисленность копий типа M не только в Скандинавии, но и в Прибалтике делает последнюю также возможным посредником при их распространении на Руси. Таким образом, со скандинавским типом M могут оказаться связаны в общей сложности 66 наконечников копий этих типов — 22 экземпляра, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к XI—XII вв., и 44 — к XII—XIII вв. (Кирпичников 1966а: 21, табл. 4), — а также какая-то часть копий основного типа III[109]. Древнерусские находки копий, сопоставимых с типом M по Я. Петерсену (датированные XI—XIII вв. экземпляры типов IIIA и IIIБ по А.Н. Кирпичникову), известны почти по всей территории Древней Руси, но большинство находок — около 73% (48 из 66 учтенных А.Н. Кирпичниковым, см.: Кирпичников 1966а: 19, 20, табл. 2; 3) найдены в северо-западных и западных землях (Новгородской, включая Псковскую, Смоленской, Полоцкой и в Черной Руси), где они среди копий, датированных XI—XIII вв., составляют около 28%: среди датированных XI—XII вв. — около 13% (17 из 126 типологически определенных экз.), среди датированных XII—XIII вв. — около 69% (31 из 45 экз.). Все приведенные рассуждения, к сожалению, позволяют дать лишь нижнюю оценку доли среди древнерусских копий собственно скандинавских типов или типов, развивающих скандинавские традиции в XI—XIII вв.: для копий, включенных в свод (Кирпичников 1966а: 21, табл. 4), типологически атрибутированных и датированных А.Н. Кирпичниковым XI—XII вв., это более 31% (из 154 наконечников), для XII—XIII вв. — более 26% (из 168 наконечников). Наиболее высока эта доля для северо-западных и западных земель: около 39% для XI—XII вв. и около 69% для XII—XIII вв.

3.3. Стрелы

Ланцетовидные наконечники стрел, так же как и близкие им по форме наконечники копий, являются почти общепризнанно скандинавским по происхождению элементом материальной культуры Восточной Европы. Средневековые восточноевропейские наконечники стрел были систематизированы А.Ф. Медведевым, причем изделия ланцетовидной формы составили типы 10, 62, 75, 77, 78, 79 (без варианта 3), вариант 2 типа 29, а некоторое количество ланцетовидных наконечников входят в тип 63 и, возможно, в тип 90 (Медведев 1966: 58, 62, 73—74, 78—80, 83, табл. 12: 47; 13: 8; 14: 11, 32, 33; 15: 29, 30; 16: 20—23; 17: 16—21, 34—37; 18: 33, 34; 19: 26; 21: 16; 19: 1; 25: 5, 14; 28: 16, 18; 30: 8, 59, 71, 72, 73, 74). К сожалению, достаточно представительная сводка находок пока никем не составлена (или не опубликована). С.Ю. Каинов детально проанализировал ланцетовидные наконечники стрел из Гнездово, сопроводив свою статью обобщенным обзором остальных находок на древнерусской территории. Изданная им карта с 52 пунктами, где найдено свыше 360 ланцетовидных наконечников стрел (Каинов 1999: 60, рис. 7), опирается почти исключительно на опубликованные материалы и отражает лишь предварительный результат; она может (и должна) быть существенно дополнена, как за счет пропущенных ранее изданных находок, так и за счет новых[110]. Пока можно

[108] Следует, однако, учитывать, что К. Кройц смогла рассмотреть лишь часть древнерусских наконечников (не все копья даже в границах рассматриваемого ею района), в частности, ее варианту M3 соответствует часть поздних (не ранее XI—XII вв.) копий типа IIIБ по А.Н. Кирпичникову.

[109] Часть копий этого типа соответствует скандинавским типам (F, G, H и K, по Я. Петерсену), но для каких-либо количественных оценок необходим их индивидуальный анализ.

[110] В качестве примеров укажу на не учтенные 11 наконечников стрел с городища Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 61—62, рис. 29: 15—17). Существенно большее количество ланцетовидных наконечников стрел происходит из Изборска — не 6—10 экз., как на карте, а 14. Из Пскова (на карте Каинова значок неизвестного количества экземпляров), по сведениям А.Р. Артемьева (Артемьев 1991: 71), происходит не менее 10 экз., но, с учетом псковских коллекций Гос. Эрмитажа, их значительно больше. Перечень находок ланцетовидных наконечников стрел на тер-

констатировать, что ланцетовидные наконечники известны почти по всей территории, где исследовались древнерусские памятники X — первой половины XII в. (именно так, по меньшей мере, большинство из них здесь датируется), однако число самих памятников, на которых они найдены, по-видимому, относительно невелико.

В подавляющем большинстве случаев не велика и доля самих ланцетовидных наконечников среди прочих разновидностей. Лишь на нескольких памятниках ланцетовидных наконечников стрел относительно много и можно, хотя бы ориентировочно, оценить их долю. При рассмотрении и географии распространения, и, особенно, статистики стрел следует учитывать, что среди материалов с поселений часть стрел — следы разрушения поселений или, по крайней мере, попытки их разрушения чужаками. Впрочем, и некоторые наконечники в погребениях были не погребальным инвентарем, сопровождающим умершего, а причиной его смерти. Такая статистика имеет смысл, если она определяется в рамках коллекции стрел хотя бы приблизительно синхронных периоду бытования ланцетовидных наконечников: IX — середина XII в. Последнему требованию не отвечает, например, коллекция из Княжьей Горы в Среднем Поднепровье, охватывающая весь период до монгольского завоевания: в нее входят 467 наконечников, из которых не менее 6 ланцетовидных, но некоторые из наконечников, описанных как «массивные граненые бронебойные», скорее всего, являются ланцетовидными с квадратным сечением пера (Шендрік 1958: 163, 164, 167, 168, 173, 174, табл. III: 15, 16; V: 1, 11?, 12?, 13?), причем утверждение, что среди них «221 типологически могут принадлежать IX—X вв.» (Зоценко 2004: 92), можно принять лишь с упором на «могут», так как слишком мало типов наконечников стрел, которые удается типологически датировать в Восточной Европе так узко (пожалуй, это только ромбические гнездовского типа, но и для них нельзя полностью исключить доживание до XI в.), подавляющее же большинство типов (в том числе почти все находки с Княжьей Горы) либо датируются шире времени бытования ланцетовидных наконечников, либо входят в употребление позже, чем перестали использовать ланцетовидные. Статистика ланцетовидных наконечников стрел на фоне синхронной им коллекции опубликована С.Ю. Каиновым для Гнездова (Каинов 1999: 49, 50, табл. 1), откуда происходит самая большая коллекция: в целом 41% (152 из 371 типологически определенных), в том числе среди материалов могильника 34% (64 из 190), среди материалов городища 48% (62 из 130), селища — 28% (26 из 92).

Приведу еще несколько примеров. На основе опубликованных материалов можно оценить долю ланцетовидных наконечников стрел в Тимеревском комплексе: в целом 31% (17 из 55), в том числе на селище 36% (9 из 25, см.: Дубов 1982: рис. 13: 1, 2; 17: 13; 25: 5; 28: 9; 37: 8, 9; 43: 6; 45: 6 и рис. 13: 3—7; 25: 6, 7; 27: 6, 7; 28: 10; 36: 2; 38: 8; 40: 4; 43: 7; 44: 10; 45: 5), на могильнике 27% (8 из 30, см.: Недошивина 1991: 168). Еще для ряда памятников доля ланцетовидных наконечников стрел поддается оценке по материалам либо только могильников, либо только поселений. Ярославские могильники (Недошивина 1963: 57—58): у д. Михайловское — 54% (7 из 13), у д. Петровское — 12,5% (коллекция мала — 1 из 8). Эти небольшие коллекции можно охарактеризовать и суммарно вместе с близким к ним более исследованным Тимеревским комплексом — 31% (16 из 51), что соответствует картине для Тимерево в целом. Городище Крутик в Белозерье: 20% (11 из 54, см.: Голубева, Кочкуркина 1991: 60—62). На Сарском городище (включая его посад) ланцетовидные наконечники стрел составляют 38% коллекции (25 из 66, см.: Леонтьев 1996: 111, табл. 5). Несмотря на малый размер коллекции, обращает на себя внимание высокая доля ланцетовидных наконечников стрел с городища Вьижегша на р. Колокша, правом притоке Клязьмы к северо-западу от Владимира — более 62% (5 из 8, см.: Леонтьев 1966: 201, 203, рис. 86: 1—4). На городище Прудники на северо-западе Белоруссии 47% наконечников — ланцетовидные (18 из 38 наконечников стрел, происходящих из слоев, датированных периодом до XII в. включительно, всего на городище найдены 48 наконечников стрел, см.: Шадыро, Ласкавый 1994: 217—224). На городище Кульбичино в Понеманье на западе Белоруссии 41% наконечников стрел — ланцетовидные (14 из 34 экз.), однако следует учитывать, что 20 наконечников были найдены вместе и, скорее всего, находились в одном колчане (Пивоварчик 1994: 193—196, рис. 2: 2, 4; 3: 6). Белорусские находки показательны в связи с ситуацией на соседних с запада территориях — в Литве ланцетовидные наконечники стрел почти не известны. В Новгороде среди опубликованных материалов, полученных в ходе исследований Неревского раскопа в 1951—1956 гг., найдено в общей сложности 12 ланцетовидных наконечников стрел[111], из которых два, несомненно,

ритории Украины опубликован В.Н. Зоценко и включает девять памятников или комплексов памятников, в числе которых восемь древнерусских и Херсонес (Зоценко 2004: 90—93); из них С.Ю. Каиновым были учтены только четыре. Для территории Белоруссии аналогичную сводку составил С.Д. Дренович, который учел находки с 12 памятников (Дернович 2006: 27, 58—60, карта 6). Из них, в сравнении с картой С.Ю. Каинова, 5 новых, а один — городище Масковичи — отсутствует, хотя Л.В. Дучиц указывает на находку трех ланцетовидных наконечников стрел (Дучыц 1991: 40—41). Замечу, что список С.Д. Дерновича может быть расширен, один из примеров — наконечник из кургана 7 могильника между деревнями Баноньи Екимань под Полоцком (Штыхаў 1992: 120—121, мал. 67: 10). Работы В.П. Зоценко и С.Д. Дерновича посвящены собственно скандинавским артефактам, что автоматически выводило за рамки рассмотрения древнерусские изделия, даже если они восходят к скандинавским прототипам.

[111] Ниже 28-36-154; 27-30-298; 2 экз. разных вариантов 27-30-1250; 27-28-928; 26-29-373; 25-20-657; 24-27-342; 24/23-21-510; 18-23-272; 15-20-322; 0-5-58 (Медве-

переотложены, а из остальных наиболее поздний происходит из слоя 18 яруса (1161—1177 гг.), всего из слоев не выше 18 яруса происходят 63 железных наконечника стрел, соответственно ланцетовидные составляют 19%.

Большинство восточноевропейских находок ланцетовидных наконечников стрел типологически вполне соответствует скандинавским образцам (Каинов 1999: 56—59; Зоценко 2004: 90—93), однако с той или иной степенью вероятности можно предполагать их местное производство X в. в Гнездово (Каинов 1999: 59, 61).[112] Известны среди восточноевропейских находок и местные варианты ланцетовидных стрел, не характерные для Скандинавии. А.Ф. Медведев считал, что тип ланцетовидных плоских (ромбических в сечении) наконечников без упора (тип 62, вариант 1) «появляется на рубеже нашей эры в Прикамье и был распространен в северной полосе в IX — первой половине XI в.» (Медведев 1966: 73), однако ранние наконечники из Прикамья по форме отличаются от средневековых, и их объединение в один тип с ланцетовидными весьма условно. А.В. Крыганов считает, что восточноевропейские ланцетовидные трехгранные в сечении наконечники (тип 75 по А.Ф. Медведеву) «имеют явно азиатское происхождение» и появляются в VII—VIII вв. (Крыганов 1990: 72—73, 80, рис. 1, 15), однако в своей краткой статье полностью воздерживается от какой-либо аргументации, а в качестве иллюстрации приводит мелкий схематичный рисунок наконечника, отдаленно напоминающего по форме ланцетовидный, но, в отличие от собственно ланцетовидных трехгранных, лишенный упора. По-видимому, автора ввело в заблуждение трехгранное сечение пера, в самом деле популярное в степной зоне Евразии. С.Ю. Каинов рассматривает местные восточноевропейские разновидности ланцетовидных наконечников как результат адаптации скандинавских типов[113]. К сожалению, вопрос о местных восточноевропейских разновидностях ланцетовидных стрел лишь кратко затронут С.Ю. Каиновым, и пока не подвергнут специальному исследованию. Отсутствует даже предварительная сводка таких находок. Отмеченные С.Ю. Каиновым местные стрелы с длинным, обычно толстым черешком и коротким пером, нехарактерным для Скандинавии, известны не только в Гнездово и юго-восточном Приладожье, но и в других регионах. Они найдены, например, в упоминавшемся кургане между деревнями Банонь и Екимань под Полоцком (Штыхаў 1992: 120—121, мал. 67: 10), в культурном слое городища Масковичи, в Минске (Загорульский 1982: 219, 313, табл. IX: 15; Гурин 1987: 75, рис. 33: 1?, 14, 15, 18) и в Берестье (Лысенко 1985: 221, 222, рис. 150: 8). Последние три места находки интересны тем, что датируются относительно поздним временем: из Масковичей — в рамках XI—XIII вв., из Минска — не ранее 70-х гг. XI в., из Берестья — XII в. Наличие подобных наконечников в Гнездово указывает на то, что восточноевропейская разновидность появилась уже в X в. Весьма вероятно, что дальнейшим местным развитием скандинавской традиции являются также наконечники варианта 2 типа 78 и варианта 2 типа 79 (вариант 3 имеет форму пера, отличную от ланцетовидной, и требует отдельного рассмотрения), но их специальное исследование пока, насколько мне известно, никем не предпринималось. Однако, насколько можно судить по предварительным наблюдениям, количественно это относительно немногочисленные типы. В целом место скандинавской струи в формировании арсенала древнерусских наконечников стрел, несомненно, ниже, чем в формировании арсенала копий и, тем более, топоров.

На подавляющем большинстве памятников ланцетовидные наконечники стрел, если они там известны, найдены не более чем в нескольких экземплярах. Если речь идет о слоях поселений, такие находки могут характеризовать не столько особенности культуры жителей поселения, сколько вооружение нападающих, особенно если находки связаны со слоями разрушения. Это может относиться и к более массовым сериям, если они коррелируют со слоями пожаров или найдены на склонах укреплений: так, в частности, интерпретировал находки ланцетовидных наконечников стрел в Изборске А.Р. Артемьев (Артемьев 1991: 72), таков контекст по крайней мере одного из ланцетовидных наконечников, найденного в Лукомле (Штыхов 1978: 44). Весьма вероятно, что в ряде случаев единичные находки ланцетовидных наконечников стрел на памятниках в слоях, относящихся к заключительному этапу культур, предшествующих древнерусской (например, на позднероменском селище Горбово, см.: Григорьев 2000: 39, рис. 13: 20), маркируют этап вхождения соответствующих территорий в состав древнерусского государства (и следовавшим за этим распространением здесь древнерусской культуры), сопровождавшийся насильственной гибелью соответствующих культурных общностей в процессе подчинения власти древнерусских князей тех носителей местных культурных традиций, которые не успели бежать (как отступили на Оку и в Подмосковье часть носители роменской культуры).

дев 1959: 156, 158, 159, 164, 169, 170, табл. 9: №31—35, табл. 10: №99—103, 127, 128, рис. 13: 7—10, 37—40). Наконечник 15-20-322 найден в угловом квадрате раскопа и, весьма вероятно, был перемещен при копании водосборной траншеи, наконечник 0-5-58 найден в верхних нестратифицированных отложениях.

[112] С.Ю. Каинов (1999: 54, 61) предполагает наличие следов местного производства ланцетовидных наконечников стрел в Ладоге с середины VIII в., опираясь на находку наконечника стрелы среди вещей, связанных с производственным комплексом этого времени, однако, во-первых, указанный наконечник не относится к типу ланцетовидных (Рябинин 1995: 62, 63, рис. 24: 9), даже если наконечник стрелы (завершенное изделие, а не полуфабрикат) является продукцией, а не следом разгрома мастерской.

[113] Речь идет о варианте типа 62, отличающемся более длинным и толстым черешком, а также о варианте 1 типа 78 и варианте 1 типа 79 (Каинов 1999: 55, 61).

3.4. Ледоходные шипы

Ледоходные шипы получают широкое распространение в Скандинавии в вендельское время, причем и в варианте конских шипов (тип 1 по Г. Арвидсон, см.: Arwidsson 1986: 111—112, Abb. 12: 1; см. также: Petersen 1951: 62—64 и др.), и в варианте обувных[114]. Продолжали они широко использоваться как в эпоху викингов, так и в средневековье. Наиболее ранние восточноевропейские находки происходят из нижних горизонтов слоя Е3 Старой Ладоги (см., напр.: Рябинин 1985). В X в. их находки в Восточной Европе связаны, как правило, с памятниками, на которых фиксируется присутствие скандинавских культурных компонентов. В слоях Новгорода ледоходные шипы известны со второй половины X в. (Колчин 1959). На древнерусских памятниках XI—XIII вв. шипы наиболее простого 1 типа являются достаточно массовой находкой, причем долгое время их ошибочно интерпретировали как древолазные, считаясь свидетельствами бортного промысла. Эта ошибка была исправлена А.Н. Кирпичниковым, который совершенно справедливо определил их назначение, указав на скандинавские прототипы (Кирпичников 1973: 79—82).

Большинство древнерусских широких обувных шипов тоже соответствуют скандинавским аналогам. Это относится как к раннему типу треугольных, бытовавшему в Новгороде по крайней мере до середины XI в. (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 1)[115], так и к более поздним разновидностям (XII—XIV вв.), также развивающимся в общем со Скандинавией направлении. Единственное отличие Новгорода — в количественном соотношении типов: решительно преобладают технологически более простые, названные М.И. Петровым (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 3) трехлучевыми, а фактически имеющим форму галочки, технологически несколько более сложный вариант — треугольные с небольшим отверстием в центре[116], найден всего в одном экземпляре (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 2). Обе поздние разновидности достаточно массовы в средневековой Скандинавии[117]. Серийность находок в Новгороде обувных шипов (16 экземпляров) и серии находок в других древнерусских городах с высокой степенью вероятности говорит не только об их широком использовании, но и о местном производстве. На Руси известен, хотя и не массово (Кирпичников 1973: 81, рис. 47: 4)[118] еще один тип обувных ледоходных шипов, находки которых датируются не ранее XII в. параллели им мне в средневековых древностях Скандинавии не известны.

3.5. Миниатюрные топорики

Миниатюрные бронзовые топорики периодически привлекают внимание исследователей древнерусской и смежных культур, но систематически на современном уровне они были проанализированы Н.А. Макаровым (Макаров 1992). Он продемонстрировал, что в целом форма миниатюрных бронзовых топориков соответствует реальным железным, и в своей типологии опирался на типологию последних. Две основные разновидности, по его мнению, воспроизводят топоры типа IV и типа Б[119] в типологии А.Н. Кирпичникова, единичный топорик с о. Вайгач — топоры типа VII. Вслед за В.П. Даркевичем (Даркевич 1961), он подчеркнул наличие у целого ряда находок сохранившихся остатков миниатюрных деревянных топорищ, детализировал наблюдение о том, что бронзовые топорики не встречаются в женских погребениях, с одной стороны, указав на редкие исключения, с другой, уточнив, что при наличии возрастных определений топорики часто связаны с погребениями мальчиков, причем в могилах они находились у ноги, там, где в погребениях взрослых мог лежать настоящий топор. Н.А. Макаров проанализировал географию распространения и показал, что преобладают находки из поселений несельского типа: городов или приграничных крепостей; а среди находок из некрополей большинство связаны с могильниками, в которых погребения взрослых мужчин нередко сопровождались оружием, то есть они связаны с теми социальными группами, которые в письменных источниках именуются дружинниками. Все это позволило ему прийти к выводу, что миниатюрные топорики (которые раньше нередко некорректно рассматривались в качестве привесок-украшений) являлись своего рода знаками детей, которых готовили к тому, чтобы стать дружинниками. Н.А. Макаров обратил также внимание на железные миниатюрные топорики, указав на их преимущественное распространение в Скандинавии, но вопрос о взаимосвязи этих явлений оставил открытым, констатировав, что «миниатюрные топорики принадлежат к тому кругу вещей — бытовых

[114] Последние не совсем корректно связывать исключительно с мужской субкультурой. По крайней мере, в Скандинавии они нередко происходят из женских погребений, а треугольная разновидность (тип 3) вообще известна в могильнике Бирке только в женских или неопределенных погребениях (Arwidsson 1986: 112, Tab. 12: 1).

[115] Такие шипы хорошо известны в Бирке — тип 3 по Г. Арвидсон (Arwidsson 1986: 111—12, Abb. 12: 2),

[116] Может быть, именно их лучше было бы именовать трехлучевыми.

[117] Дополнительно к ссылкам М.И. Петрова укажу, в качестве примеров, на находки из Лунда (Cinthio 1976: 386, fig. 338; см. также иллюстрированную базу данных учебной экспозиции музея Kulturen в Лунде: www//http/kulturen.com).

[118] Небольшой приведенный А.Н. Кирпичниковым перечень находок можно дополнить экземплярами из Изборска и Пскова (Седов 2007: 353, 354, рис. 352: 14, там же библиография).

[119] Н.А. Макаров, к сожалению, не ссылается на тип Б, но приводит в качестве примеров топоры именно этого типа, указывая на две новые (не вошедшие в свод А.Н. Кирпичникова) древнерусские находки.

предметов, украшений и культовых символов, которые появились как инновации на волне мощного обновления материальной культуры восточных славян в XI в.» (Макаров 1992: 52).

Публикуя три миниатюрные топорика из Гродка на Западном Буге в Восточной Польше, В. Панасевич и М. Волошин (Panasiewicz, Wołoszyn 2002) дали обзор новых исследований, касающихся проблем, связанных с миниатюрными бронзовыми топориками, существенно пополнили список находок из Прибалтики, Центральной Европы и Скандинавии. В интерпретационной части они присоединились к основным выводам Н. А. Макарова.

В целом реконструированная Н. А. Макаровым общая картина выглядит вполне убедительно: миниатюрные бронзовые топорики — древнерусская инновация, элемент, с одной стороны, детской, точнее — мальчиковой, субкультуры, а, с другой стороны, элемент дружинной субкультуры. На это заключение не влияют ни новые и неучтенные старые древнерусские находки, ни появившиеся позже публикации находок, преимущественно с территории Польши (Panasiewicz, Wołoszyn 2002) и Швеции (Edberg 1999; 2008). Хотя количество миниатюрных бронзовых топориков, зафиксированных в Сигтуне, могло бы подорвать стройность картины: 14 экземпляров, согласно последней публикации Р. Едберга (Edberg 2008), на фоне одного экземпляра из Киева (Макаров 1992: 53, №23) или трех из Новгорода (Макаров 1992: 53, 54, №8, 40, 41), да и общее число находок на древнерусской территории (48 экз.) выглядит на фоне одной только Сигтуны более чем скромно. Однако следует учитывать, что сводка Н. А. Макарова может быть существенно пополнена как новыми, так и не учтенными старыми находками (например, из коллекций Музея истории Киева и Национального музея истории Украины, что позволило бы довести киевскую подборку до нескольких десятков) и общее число древнерусских находок может быть увеличено в несколько раз. Так, только в Белоозере их количество выросло (с 1992 по 2004 г.) с одного до семи (Захаров 2004: 172, рис. 60).

Дополнительные материалы, не меняя общей картины, расширяют круг имитируемых в бронзе типов: например, один из новгородских топориков соответствует топорам-чеканам типа I, а один из топориков с Княжьей Горы из раскопок Н. Ф. Беляшевского[120] соответствует типу VI А. Н. Кирпичникова. Вошедший в сводку Н. А. Макарова (Макаров 1992: 43, 53, №23) найденный в Киеве топорик из свинцово-оловянистого сплава (что отличает его от почти всех древнерусских находок), поврежден (Боровский, Сагайдак 1985: 40, 41, рис. 4), поэтому четко определить его типологическое соответствие сложно[121]. Миниатюрный бронзовый топорик из Биляра (Aspelin 1877: 167, №768) имеет опущенное лезвие (форма обуха не ясна, поэтому найти полные типологические аналоги невозможно) и шпорцу в виде крючка, что находит аналоги в первую очередь среди железных топоров нормального размера из Восточной Пруссии, а также в единичных находках с Готланда, из Польши и Эстонии (Paulsen 1956: 59, 62, Abb. 23, 24: a, b, e, f; Кулаков 1990: 32, рис. 18: 1). Показательно, что на воротах XIII в. из Гнезно в сцене убийства пруссами св. Адальберта орудием убийства выступает топор с крючком (La Baume 1942: 35, 37—39, Abb. 5, 12). Еще одно свинцовое изделие вошло в сводку Н. А. Макарова, который, опираясь на публикацию Н. Ф. Беляшевского (Беляшевский 1892: 89, табл. II.30), вслед за В. П. Даркевичем определил его как «миниатюрный амулет в форме топора, насаженного на рукоять, конец которой снабжен отверстием для подвешивания» (Макаров 1992: 48, 55, №55). Однако уверенно атрибутировать предмет по опубликованной Н. Ф. Беляшевским фотографии трудно, скорее, это не топор, а миниатюрная подвеска-ключ; если же это топорик, то сравнительно близкие параллели ему можно найти в Норвегии, Голландии и Ирландии и по типу (топоры типа М по Я. Петерсену — тип VII по А. Н. Кирпичникову), и по форме вещи в целом (Paulsen 1956: 191, Abb. 96: a, b, d), однако западноевропейские свинцовые изделия не имеют отверстия в топорище).

Намеченное Н. А. Макаровым сопоставление с миниатюрными железными топориками заставляет обратиться к проблеме функции последних. В отличие от бронзовых, максимальный размер которых обычно не превосходит 6 см, железные могут быть и крупнее, так что не всегда легко решить, имеем ли мы дело с маленьким боевым топориком или с моделью. К сожалению, железные миниатюрные топорики пока не привлекали специального внимания исследователей. В данном случае речь идет не о маленьких боевых топорах, при том, что разграничение боевых, универсальных и рабочих топоров в известной мере условно, но боевые топоры, в тенденции, легче и меньше рабочих[122] (Кирпичников 1966а: 26—29). Как боевые,

[120] Хранится в Национальном музея истории Украины, инв. №В25/1889.

[121] Н. А. Макаров (Макаров 1992: 43) отмечает, что его форма не соответствует ни типу IV, ни типу V, возможно, впрочем, он наиболее близок к позднему (вошедшему в употребление в южной Руси лишь с XIII в.) типу VA, не связанному своим происхождением со Скандинавией (Кирпичников 1966а: 38). Он, по-видимому, близок миниатюрному топорику из свинцового сплава, найденному в Йорке в грунте, перемещенном при строительных работах XIV в., сам же топорик публикатор относит к эпохе викингов и датирует X в. (Rodgers 1993: 1375, 1481, fig. 671, №5486).

[122] В древнерусском языке зафиксированы три формы: собственно топоръ, топоръкъ и топорьецъ; вторая и третья формы образованы при помощи уменьшительных суффиксов; все три формы встречаются в сходных контекстах. Вплоть до XIV в. они используются только по отношению к оружию, причем в разных летописных списках могут заменять друг друга (Срезневский 1989а: 980—981; Львов 1975: 295—296; Творогов 1984: 146). Такие замены можно рассматривать как косвенное подтверждение относитель-

так и рабочие топоры должны были иметь достаточно мощное, чтобы выдержать удар, топорище. Собственно миниатюрные топоры, помимо малого размера (общая длина до 10 см), выделяются тонким топорищем (в поперечнике около 1 см или менее), то есть не могли использоваться в реальных боевых условиях и не могли производить достаточного впечатления в качестве церемониальных, обычно они тонкие и легкие. Такие железные топорики известны на многих древнерусских памятниках (в частности, в Новгороде только на Неревском раскопе их найдено не менее 7 экземпляров), однако появляются они в Восточной Европе лишь в X в.[123] Из соседних с Древней Русью регионов миниатюрные железные топорики представлены в Скандинавии, где фиксируются уже в вендельское время, известны в эпоху викингов и в средневековье, но в это время они редко попадали в погребения[124].

Находки миниатюрных железных топориков ни в Скандинавии, ни на Руси пока, к сожалению, не стали предметом специального рассмотрения, но в слоях древнерусских поселений они являются хотя и не массовой, но достаточно распространенной находкой (новгородские экземпляры упомянуты выше). Предлагаемое для скандинавских топориков выполнение ими неких символических функций (Roesdahl 1977: 190) фактически является паллиативом отсутствующего рационального объяснения[125]. Наиболее вероятным назначением миниатюрных железных топоров было использование их в качестве игрушек. В осторожной форме, относительно по крайней мере некоторых находок из Латвии, это предположение уже высказывал М. Атгазис (Atgāzis 1964: 123). В.В. Аулих, публикуя материалы городища Зимно, также рассматривал найденный там миниатюрный железный топорик[126] в качестве игрушечного (Auliх 1972: 41, 43, 44, табл. VIII: 35), однако связывал его с основным комплексом городища, в то время как топорик типологически (тип VI по А.Н. Кирпичникову) соответствует древнерусскому времени; материалы этого времени, хотя и немногочисленные, на городище выявлены (Auliх 1972: 8). Игрушечные детские мечи и копья хорошо известны, их делали из дерева, но деревянным топором играть (и, в то же время, учиться пользоваться) невозможно — деревянный топор даже при детском игровом ударе сразу же сломается, иное дело маленький легкий железный (с тонким металлом лезвия и тонким обухом), насаженный на тонкое деревянное топорище, или костяной (немногочисленные костяные топорики известны в Скандинавии, Польше, Прибалтике и на Руси, см.: Paulsen 1956: 51—59; новые находки существенно дополняют список Р. Паульсена). Следует отметить, что появление в Восточной Европе игрушечного оружия фиксируется в контексте скандинавского культурного импульса (начиная с упоминавшихся староладожских находок), после чего такие игрушки становятся составной частью древнерусской культуры.

При рассмотрении бронзовых миниатюрных топориков необходимо принимать во внимание существование в Скандинавии (особенно на Готланде) близкой к древнерусской традиции погребать мальчиков с миниатюрным топориком у ноги, только топорики там янтарные[127] (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 172: 6—11; 2006: 222—223 с библиографией; см. также: Paulsen 1956: 201—204). Миниатюрные янтарные топорики известны с вендельского периода (в кремациях), хотя наиболее массововы (около 25 экземпляров) они, по данным Л. Тунмарк-Нулен (Thunmark-Nylén 2006: 222—223), в ингумациях третьего и четвертого периодов эпохи викингов Готланда (подпериоды VIII-3 и VIII-4 датируются соответственно 990/1005—1090/1110 гг. и 1090/1110 — предположительно 1200 г.), то есть в целом в то же время, когда бытовали миниатюрные бронзовые топорики на Руси.

Не так просто, как представляется на первый взгляд, обстоит дело с реальными железными прототипами двух основных разновидностей древнерусских миниатюрных бронзовых топориков. Наиболее массовая группа в целом восходит к топорам IV типа по А.Н. Кирпичникову, но подавляющее большинство их отличается от железных одной характерной деталью — округлым выступом (обычно на более узкой ножке), расположенным на переломе от нижней грани опущенного лезвия к вырезу, идущему к топорищу. Такой выступ нередко именуют шпорцей. Округлый выступ имеет свои аналоги у ряда железных топоров XI—XII вв., но распространены эти топоры не на Руси, а преимущественно на о. Готланд, где в эпоху викингов хорошо известна группа топоров с фигурным выступом на переломе нижней

но малого размера боевых топоров. В значении рабочего топора использовались формы сэкыра, секыра, сокыра, сокира, хотя они могли иметь значение и оружия (Срезневский 1989: 460, 892).

[123] Так датируются наиболее ранние известные мне на древнерусской территории находки: к упомянутым Н.А. Макаровым экземплярам из Тимеревского могильника (Макаров 1992: 52, рис. 9: 1) и с городища Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 55, 56, рис. 26: 11) можно добавить топорик из среднего уровня отложений горизонта Д (около середины X в., после 932 г.) Земляного городища Старой Ладоги (Рябинин 1985: 33, 38, рис. 6: 9).

[124] Совсем маленькие миниатюрные топорики длиной обычно до 3—4 см, использовавшиеся в качестве подвесок, известны в Европе в позднеримское время и в эпоху переселения народов.

[125] Как и предлагавшаяся ранее В.П. Даркевичем связь древнерусских миниатюрных бронзовых топориков с почитанием Перуна-громовержца (Даркевич 1961).

[126] Еще один миниатюрный топорик-чекан с узким лезвием В.В. Аулих рассматривает среди находок оружия, хотя для оружия он, скорее всего, мал: длина 9,5 см, ширина лезвия 2,1 см, обух — 2,1 × 1,4 см, диаметр отверстия для топорища — 1,4 см; аналогий ему автор публикации не нашел (Auliх 1972: 48, 50, табл. IX: 8). Возможно, топорик связан со слоем раннего железного века.

[127] Подобные топорики в Прибалтике использовались в качестве подвесок.

грани. П. Паулсен отмечает, что топоры этой группы являются готландским типом (Paulsen 1956: 61—63, Fundkarte III).[128] К сожалению, Л. Тунмарк-Нулен, анализируя инвентарь готландских погребений эпохи викингов, рассматривает топоры в соответствии с принятой ею обобщенной типологией. Топоры с фигурными выступами не вычленены у нее из типа 2 готландских топоров (соответствует типу VI по А. Н. Кирпичникову и совокупности типов B, D и E по Я. Петерсену, см.: Thunmark-Nylén 1998: Taf. 254—255; 2006: 311, 313), хотя они достаточно многочисленны (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 55: 12; 67: 5; 75: 15; 83: 14; 86: 5?; 112: 12; 146: 19; 148: 12; 222: 15; 1998: Taf. 255: 3, 8, 11). Выступ чаще всего имеет форму трехлепесткового цветка (бутона, крина), но есть экземпляры и с более простым округлым выступом (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 75: 15; 148: 12; 1998: Taf. 255: 11). В целом распространение на Готланде топоров типа 2 Л. Тунмарк-Нулен относит к третьему-четвертому периодам эпохи викингов (VIII, 3—4), с преобладанием четвертого. Таким образом, в бронзовых топориках соединяются черты древнерусского типа IV и одного из вариантов готландского типа 2, при этом нередко миниатюрные топорики имеют на лезвии отверстие, что не свойственно железным топорам Скандинавии. В железе мне известны лишь несколько параллелей: топор из кургана близ д. Дудайка Минского р-на[129] (Археалогія 1993: 243, 244), два топора из латгальских могильников в Латвии — Andžēni (Katalog 1930: 130, Taf. 48: 6) и Лиепкалнес Костер[130] (Atgāzis 1964: 121, 122, 7: att. 6), топор из ливского курганного могильника Тэлени (Tõnisson 1974: II: 1), топор из Кноппельдорф на территории прихода Гамланд в Восточной Пруссии (La Baume 1942: 39, Abb. 13).

У некоторых бронзовых топориков, соответствующих по форме топорам типа VI по А. Н. Кирпичникову, выступ-шпорца сравнительно небольшой, что находит себе относительно близкие параллели среди части железных топоров (см. напр.: Кирпичников 1966: табл. XIII: 6, 7, 8, 10; XXI: 1; XXII: 6). У упоминавшегося бронзового топорика из Биляра выступ-шпорца имеет вид крючка, что не находит себе аналогий среди железных топоров нормального размера на Руси или в Среднем Поволжье, но известно на серии топоров преимущественно из Восточной Пруссии. Территориально самая «близкая» находка происходит из Эстонии — на нее, опираясь на Р. Паулсена, указывают в качестве параллели В. Панасевич и М. Волошин (Panasiewicz, Wołoszyn 2002: 258, 260, ryc. 6: c, e).

Бронзовым топорикам в форме широколезвийных секир Н. А. Макаров указывает в качестве железных прототипов редкие на Руси топоры, относящиеся к типу Б по А. Н. Кирпичникову (хотя и не называет сам тип). Таких топоров известно на Руси всего 4, причем все находки связаны с одним регионом: Посады в нижнем течении р. Медведицы — левого притока Волги на востоке Тверской обл., Оленино в окрестностях Мышкина на западе Ярославской обл., Киснема[131] и Никольское III в Белозерье. Следует отметить, что в двух из четырех перечисленных могильников (Оленино и Никольское III) найдены не только железные топоры, но и сопоставляемые с ними бронзовые топорики. Обух топора из Лаптау в Восточной Пруссии, на который ссылается Н. А. Макаров (Макаров 1992: 46, рис. 5.2), не имеет намеченных на его рисунке вырезов (характерных для качественно отлитых образцов бронзовых топориков), на самом деле, на втулке частично утраченный орнамент (La Baume 1941: 25, 26, Abb. 3: a, b), который был существенно искажен при перерисовывании из монографии Р. Паульсена (Paulsen 1956: 169, Abb. 87). Можно назвать еще один топор этого же типа из латгальского могильника Ликснас Янушани в Латвии (Atgāzis 1964: 120, 122, 7: att. 6; Radiņš 110, 113, 82: att. 1; Радиньш 2001: 98, 111, рис. 19: 1). В целом же подобные симметричные широколезвийные секиры в Восточной Пруссии редки, а в Скандинавии, насколько мне известно, вообще не представлены, однако сама форма (но без щековиц) известна в раннесредневековой и средневековой Западной Европе как по изображениям (например, на ковре из Байе такие топоры изображены 4 раза (Wilson 1985: pl. 17, 35, 36) и исключительно в качестве орудий труда), так и по археологическим находкам (см. напр.: Leany 2003: 26, fig. 11: A, C, D), причем это не боевые а специализированные плотницкие топоры. Топоры типа Б — возможный прототип, хотя имеются и существенные отличия. Первое отличие бронзовых топориков, вообще не имеющее параллелей в железе — наличие пары крючков–шпорец по бокам от лезвия[132]. Второе отличие — у железных топоров типа Б углы между лезвием и верхней и нижней гранями близки к прямым, в то время как у рассматриваемых бронзовых топориков они всегда острые (ме-

[128] Единичные экземпляры происходят из материковой Швеции, Финляндии, Эстонии (библиографию см.: Thunmark-Nylén 2006: 313, Anm. 71), несколько больше их в Восточной Пруссии (Paulsen 1956: 62, Abb. 24: b). По-видимому, к этой же группе относится топор из раскопанного К. Д. Трофимовым кургана 29 в могильнике близ д. Залахтовье (Хвощинская 2004: 256, табл. CXXX; Кирпичников 1966а: 122—123, №400, табл. XXIII).

[129] В одном из раскопанных в 1979 г. курганов, содержавшем ориентированное головой на запад погребение.

[130] Выступ имеет форму трехлепесткового бутона.

[131] Л. А. Голубевой опубликован рисунок топора (Голубева 1961: 205, рис. 1: 2), выполненный без расчистки его от окислов, к тому же обух частично закрывают остатки ткани, поэтому без работы непосредственно с находкой трудно с уверенностью сказать, был ли обух топора вырезным или нет.

[132] Одиночные крючки-шпорцы изредка встречаются на топорах иных типов из Восточной Пруссии, Готланда, Польши, Эстонии (La Baume 1942: 37, Abb. 12; Paulsen 1956: 59, 62, Abb. 23, 24: a, b, e, f; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 260: 8; 2006: 312; Кулаков 1990: 32, рис. 18: 1), о них шла речь в связи с топориком из Биляра.

нее 45°). То есть по форме лезвия в целом, если исключить шпорцы, бронзовые топорики ближе всего к широколезвийным топорам-секирам типа VII по А. Н. Кирпичникову[133], соответствующим типу M по Я. Петерсену. С топорами типа VII их сближает и еще одна особенность, свойственная многим бронзовым топорикам: идущее параллельно кромке лезвия утолщение, имитирующее утолщение лезвия железных топоров, связанное с типичной для типа VII технологией — V-образной наваркой стального края лезвия на железную основу. При этом, однако, форма обуха бронзовых топориков не соответствует (за исключением некачественных отливок, у которых форма обуха не проработана в деталях) древнерусскому типу VII. Наиболее близкие параллели мне удалось найти лишь в западной Прибалтике на землях пруссов и куршей (Engel, La Baume 1937: 191, 192, Abb. 44: p; Кулаков 1990: 122, 160, табл. XXVIII: 6; LXVI: 1; Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas 2002: 26, pav. 16: 1). Это топоры, форма лезвий которых соответствует северо- и западноевропейским топорам типа M, по Я. Петерсену (тип VII, по А. Н. Кирпичникову), а форма обуха вырезная, традиционная для Восточное Европы и Прибалтики. Скорее всего, это местная модификация типа M, но бытовала она на достаточно большом удалении от древнерусских границ.

При исследовании генезиса древнерусских миниатюрных бронзовых топориков принципиально важны вопросы хронологии. Оба их основных типа получают распространение в XI в., однако, как справедливо отмечает Н. А. Макаров (Макаров 1992: 48), подавляющее большинство из них узкой датировке не поддается[134]. Пока можно уверенно говорить лишь о том, что миниатюрные бронзовые топорики уже бытовали на Руси к середине XI в. и были распространены по крайней мере на протяжении XII столетия (а возможно, и несколько дольше).

Если обратиться к хронологии железных претендентов на прототипы, следует отметить, что древнерусский тип IV и готландский тип 2 (соотносимые с бронзовыми топориками с оттянутым вниз лезвием), несомненно существовали в XI в. Происходящие по большей части из Прибалтики немногочисленные железные топоры, наиболее близкие по форме к бронзовым, к сожалению, уверенной датировке пока не поддаются (их широкая дата — XI—XII вв.). Точно так же не поддаются пока точной датировке и немногочисленные железные топоры с широким лезвием и вырезным обухом (ближайшие аналоги миниатюрным бронзовым топорикам с симметричным лезвием), происходящие из прусско-куршского региона: общая их дата весьма условная и широкая — XI—XIII вв. Скорее всего, эта разновидность — местная гибридная форма, соединяющая лезвие нового, заимствованного из Северной Европы, типа с традиционной формой обуха. Более далекие от бронзовых топориков, тоже немногочисленные, хотя и найденные преимущественно на древнерусской территории железные топоры типа Б, также, к сожалению, не имеют надежной и узкой даты начала бытования, оставаясь в широких рамках XI—XII вв. Следует также отметить, что появление скандинавского типа M (по Я. Петерсену) относят обычно ко времени около 1000 г., на Руси же соответствующие им топоры типа VII по А. Н. Кирпичникову получают распространение лишь со второй половины XII в. (хотя единичные импортные изделия могли попадать с запада и раньше, и существенно позже). Таким образом, если не было влияния западноприбалтийского варианта, местная восточноевропейская контаминация в бронзе вырезного обуха и общей формы широколезвийного топора имели шанс возникнуть в первой половине XI в. лишь на основе импортных скандинавских или западноевропейских топоров типа M.

Еще сильнее усложняет ситуацию география находок. Н. А. Макаров отмечает концентрацию миниатюрных бронзовых топориков в Среднем Поднепровье, Приильменье, и Волго-Окском междуречье, однако опубликованная им карта и сводка находок, в первую очередь, выделяют Среднее Поднепровье. Следует также учитывать, что фактическое число находок там существенно больше. С другой стороны, Приильменье, на фоне больших коллекций ювелирных изделий из Новгорода,

[133] Опубликованные А. Н. Кирпичниковым изображения образцов топоров этого типа (Кирпичников 1966а: 30, рис. 6, табл. XV: 1—5; XVI: 10; XXII: 1) имеют несколько иные пропорции (общая длина превосходит ширину лезвия), но, например, среди всех топоров типа VII (без разделения на боевые и рабочие, различие которых для этого типа весьма условно), найденных на Ижорском плато, у трети ширина лезвия больше длины топора, такие же пропорции имеют и примерно половина однотипных топоров Готланда (топоры типа 4 по Л. Тунмарк-Нулен, см.: Thunmark-Nylén 1995: Abb. 12: 2; 22: 12; 30: 4; 77: 6; 121: 8; 143: 11; 206: 4; 208: 3; 210: 8; 260: 5; 282: 6; 433: 8; 1998: Taf. 257—259, 304; 2006: 311). На ковре из Байе имеется 17 изображений топоров типа M (Wilson 1985: pl. 10, 28, 31, 46, 52, 62, 64, 65, 70, 72), все в качестве оружия, из них у 10 ширина лезвия больше длины топора (Wilson 1985: pl. 10, 28, 31, 46, 64, 65, 70, 72), а еще у трех примерно равна (Wilson 1985: pl. 62, 65, 70).

[134] Наиболее ранняя датированная находка — новгородский широколезвийный топорик (Неревский раскоп 25-21-664; см.: Седова 1981: 26, 27, рис. 7: 9), который происходит из слоев 25 яруса, дендрохронологически датируемых 1006—1025 гг. Однако, при оперировании датами единичных новгородских находок следует принимать во внимание специфику новгородской вещевой хронологии. Во-первых, привязка подавляющего большинства новгородских находок к соответствующим ярусам уличных мостовых достаточно условна и может приниматься лишь с учетом возможной погрешности в один ярус (то есть датировка временем функционирования 25 яруса является лишь наиболее вероятной датой, в то время как более или менее надежная дата шире — 24—26 яруса, то есть, условно 989—1055 гг.). Во-вторых, часть дат единичных находок в силу наличия не зафиксированных (хотя и редких) древних перекопов, возможных сбоев в полевой документации и пр. ошибочна; достаточно надежны лишь даты бытования серийных однотипных изделий (подробнее см.: Лесман 1990: 31—32 и др.).

Рюрикова городища, Старой Русы, оказывается сравнительно бедным бронзовыми миниатюрными топориками[135]. Топорики не известны в Пскове, их сравнительно мало на территории Белоруссии (несмотря на широкие раскопки как древнерусских городов, так и курганных могильников). Несколько больше найдено на западе, то есть — уже на самом древнерусском пограничье (два в Дрогичине и три в Гродке над Бугом) и далее уже на территории средневековой Польши (13 экз.), где они рассматриваются в качестве древнерусских изделий. Еще одно крупное скопление бронзовых топориков древнерусских типов — Сигтуна. Находки на территории Латвии являются древнерусскими импортами или местными подражаниями. Все это резко расходится с географией преимущественного распространения потенциальных прототипов (см. выше). Таким образом, вопрос о месте (местах) формирования традиции древнерусских миниатюрных бронзовых топориков остается открытым[136]. Важно, что более ранние и синхронные параллели, а также прототипы указывают на определенную связь не только с древнерусской культурой, но и с культурами Скандинавии XI в. и некоторыми районами Прибалтики. Не случайно в Сигтуне найдены 14 экземпляров миниатюрных топориков, из которых 12 соответствуют типичным древнерусским, а два (Edberg 2008: 153, 154, fig. 80, 81) — редкая на Руси разновидность: обухи без вырезов, плоские сзади, в отличие от большинства древнерусских железных топоров и подавляющего большинства древнерусских бронзовых топориков, у которых обух закруглен. В какой-то мере они близки топорику из Княжей Горы и Йорка (Rodgers 1993: 1375, 1481, fig. 671, №5486).

Возвращаясь к миниатюрному топорику с о. Вайгач, следует отметить, что наиболее схожий с ним свинцовый топорик найден в Гродке над Бугом (Panasiewicz, Wołoszyn 2002: 249, 259, 260, 271, 272, ryc. 2c), а в Скандинавии известны близкие, хотя и не идентичные топорики из бронзы и свинца[137]. Редкая разновидность бронзового топорика из Биляра, как уже указывалось, имеет ближайшие железные аналоги на Балтике, а у бронзового миниатюрного новгородского топорика-чекана железные аналоги (тип I по А.Н. Кирпичникову) происходят преимущественно из южных и восточных регионов древней Руси (Кирпичников 1966а: 33, 35, 41, 42). То есть, в целом, следует констатировать, что формы бронзовых миниатюрных топориков находят соответствия среди железных топоров, но, как правило, в достаточно удаленных регионах.

Хронология и география распространения заставляют вернуться к сопоставлению, намеченному П. Паулсеном еще в 1939 г. в первом издании его монографии «Axt und Kreuz» и повторенному во втором издании 1956 г., — топор в средневековой североевропейской христианской традиции был характерным атрибутом святого Олава, обычно это топор типа M по Я. Петерсену. Следует учитывать, что почитание норвежского конунга Олава Харальдсона в качестве святого началось уже в первый же год после его гибели (в 1030 г.). Часть жизни Олав провел на Руси (по одной из легендарных версий даже спасся от убийства и вновь уехал на Восток). Норвежская средневековая житийная литература, в том числе созданная уже в XII в., локализует на территории Руси (в Гардах, в первую очередь в Хольмгарде/Новгороде) часть чудес святого конунга Олава, произошедших с теми, кто почитал этого святого (Джаксон 1994: 129, 132, 133, 189—192). В Новгороде (на Готском дворе) находилась церковь св. Олафа. Если верен вывод о появлении миниатюрных бронзовых топориков к середине XI в., то это синхронно этапу формирования культа св. Олава.

Было бы неверно напрямую сопоставлять миниатюрные бронзовые топорики с распространенными в средневековом католическом мире значками паломников — первые из них только в XII в. входят в обиход, а массовым их изготовление и ношение становится только с XIII—XIV вв. Обычно значки паломников отливали из свинца, олова или свинцово-оловянистых сплавов (исключение — раковины св. Якова), к ним наиболее близки и по материалу, и хронологически свинцовые топорики, соответствующие типу VII по А.Н. Кирпичникову — типу M по Я. Петерсену. Бронзовые топорики двух массовых типов — более раннее явление, но, весьма вероятно, в период своего возникновения или, по крайней мере, распространения они ассоциировались с недавно канонизированным святым Олавом, что способствовало их популярности как в Скандинавии, так и на Руси.

---

[135] Может быть, немногочисленность находок в Новгороде предопределялась реконструируемой Н.А. Макаровым связью миниатюрных топориков с дружинной средой, в Новгороде же роль княжеской дружины (особенно после 1136 г.) была минимальной.

[136] Представляется перспективным, в частности, анализ географии распространения нетипичных форм. По предварительным наблюдениям, основная их часть найдена в районе Киева и в Новгороде, где, по-видимому, фиксируются зоны повышенного типологического разнообразия. Возможно, именно в таких местах мог происходить процесс возникновения новых типов, но здесь ли локализуются очаги возникновения самой традиции изготовления и использования миниатюрных бронзовых топориков, сказать пока трудно.

[137] Наряду с приведенными Р. Паульсеном топориком из Норвегии, который он датирует поздней эпохой викингов (т.е. кон. X в. — 1060-ми гг.), и топориком из Лунда (Paulsen 1956: 191, 192, Abb. 96: e, f), укажу еще на несколько найденных позже в Лунде свинцовых топориков, декорированных литым рельефным орнаментом из розеток (хр. Museum Kulturen, Lund KMnr. 78415: 82, 447949a, см.: http:// www.kulruen.com/Utställningnr 803, 814), аналогичные топорики происходят из Уппсалы (Jörpeland, Lindeblad, Lindh 2000: 31—32, fig. 29, с библиографией), Лодозе, которые шведские исследователи интерпретируют в качестве паломнических значков св. Олафа. Эти находки несколько более поздние (XIII—XIV вв.), чем основная масса древнерусских, но следует учитывать, что аналогичные им восточноевропейские экземпляры надежной даты не имеют.

Олав Харальдсон не стал православным святым. Но, во-первых, речь идет, по крайней мере отчасти, о периоде до схизмы (до 1054 г.). Во-вторых, даже после схизмы раскол не сразу проник в массы, не случайно, в Ильином вопрошании (приписывается новгородскому епископу Илье, рукоположенному в 1165 и умершему в 1186 г.) оговаривается: «А оже се носили к варяжскому попу дети на м[о]л[и]тву, 6 нед[е]ль, опитемье. Рече, занеже аки двоверци». В-третьих, на Руси Олав не только провел часть своей жизни, но и оставил сына Магнуса, будущего конунга Магнуса Доброго, так что память о пребывании Олава должна была быть в дружинной среде и при княжеских дворах еще совсем свежа. В-четвертых, в дружинной среде было немало людей скандинавского происхождения. Часть из них, прожив некоторое время на Руси, возвращалась на родину, то есть они приносили не только скандинавские черты культуры на Русь, но и древнерусские в Скандинавию, что обеспечивало тесное переплетение культурных норм и религиозных практик. Так, в частности, распространилась в Скандинавии не характерная для средневекового католичества традиция ношения на шее рядовыми мирянами подвесок-крестиков (Лесман 1995а).

В общих чертах может быть реконструирована следующая картина. В X в. из Скандинавии на Русь проникают детские игрушечные топоры, расширяющие спектр детского игрушечного оружия (появившегося под скандинавским влиянием еще в VIII в.). В первой половине XI в. (к середине столетия) на их базе формируются ставшие впоследствии устойчивыми типы миниатюрных бронзовых топориков на деревянных топорищах, причем прототипами оказываются экзотические для Древней Руси разновидности, в частности, важную роль в качестве источника образцов играет Восточная Пруссия. Эти топорики распространяются преимущественно в дружинной среде, став, по-видимому, не только игрушками, но и знаками детей, подготавливаемых к карьере дружинника. На Готланде формируется аналогичная традиция использования миниатюрных янтарных топориков. Появление и распространение бронзовых топориков на Руси, их проникновение в Скандинавию, появление там аналогичных местных изделий, а также популярность янтарных топориков на Готланде связаны с изменениями в материальной культуре, протекавшими в контексте складывающегося культа св. Олава. Более поздние свинцовые топорики, скорее всего, уже могут быть отнесены к кругу значков паломников.

На примере миниатюрных бронзовых топориков мы сталкиваемся с ситуацией, когда появление и распространение инноваций не может быть описано простой моделью влияния или заимствования. Речь, скорее, должна идти о культурном взаимодействии, когда скандинавские импульсы порождают инновации в смешанной восточноевропейско-скандинавской среде, включающей не только Русь, но и Прибалтику. Новые явления становятся достаточно массовыми и сравнительно быстро проникают в регионы, активно участвующие во взаимодействии: древнерусские бронзовые топорики попадают в Скандинавию, Прибалтику, Польшу, по-видимому, несколько позже в Среднее Поволжье; готландские янтарные (то есть изготовленные из материала, привезенного из земель пруссов или куршей) топорики попадают на территорию Латвии и Литвы. В Скандинавии не только потребляют привезенную с востока продукцию, но и изготавливают свои варианты, которые, возможно, попадают на Русь. Это тот культурный круговорот, в котором влияния и импульсы были так переплетены, что поиск однозначного источника становится аналогичен поиску ответа на вопрос: «Что было раньше — курица или яйцо?».

3.6. Варяжское наследие в мужской субкультуре Древней Руси

Находки скандинавского по происхождению оружия и смежных с оружием орудий труда (универсальных и рабочих топоров, охотничьих копий), известные на территории древней Руси с VIII в., становятся серийными с X в. С X в. фиксируются гибридные формы: ранние экземпляры топоров типа V (по А.Н. Кирпичникову) и восточноевропейский вариант ланцетовидных наконечников стрел с длинным и толстым черешком. Часть скандинавских по происхождению или по более раннему времени бытования типов (то есть типов, появившихся в Скандинавии под каролингским влиянием, но усвоенных скандинавской культурой, включая и скандинавское производство) распространяются на Руси, осваивается их производство, и эти типы становятся древнерусскими. Этот процесс происходил как на этапе формирования древнерусской культуры в X—XI вв. (с преобладающим весом второй половины X в.), так и в процессе ее развития в XII столетии.

Наиболее существенен скандинавский вклад в формирование арсенала топоров, среди которых типы, в той или иной степени связанные со скандинавской традицией, заняли доминирующее положение. Слабее он для копий и еще ниже для наконечников стрел. По-видимому, это определялось в первую очередь технологическим фактором — новые топоры (в первую очередь боевые и универсальные), в отличие от архаичных узколезвийных (которые продолжали развиваться, в первую очередь, в качестве узкоспециализированных рабочих, а также в рамках немногочисленной группы боевых, среди которых имеются и богато декорированные парадные экземпляры) предъявляли более высокие требования к качеству стали и железа, а также к технологии сварки, а именно здесь высокий уровень скандинавского ремесла был несомненен.

В распространении скандинавских импульсов прослеживаются региональные различия. Топоры, восходящие непосредственно к скандинавским прототипам, наиболее массовы на Северо-Западе

и Севере, а гибридные формы распространяются по всей древнерусской территории. Копья, восходящие к скандинавским, представлены в памятниках собственно древнерусского времени (с XI в.), в первую очередь, в северо-западных и западных землях. Значительная часть из них (особенно много среди хронологически тяготеющих к XI в.) найдена в еще более узкой полосе вдоль западной и северо-западной границы, а также, возможно, в какой-то мере и вдоль восточной, причем, в отличие от топоров, они связаны в первую очередь с памятниками яркими, но для древнерусской культуры маргинальными. При этом аналогичные копья (скандинавские и восходящие к скандинавским) были распространены и в Прибалтике, в том числе в пограничных с Русью районах[138]. Применительно к копьям, по-видимому, непосредственно скандинавское влияние дополнялось влиянием, опосредованным прибалтийским (балто- и финноязычным) населением, из состава которого вербовались служилые группы, обеспечивавшие охрану границ (возможно, именно они фигурируют в письменных источниках под именами колбягов и кульфингов).

Скандинавское влияние фиксируется в формировании арсенала наконечников стрел, на ряде памятников X в. доля ланцетовидных форм достаточно велика, но для XI—XII вв. таких памятников указать не удается. Применительно к мечам, скандинавы выступают по большей части посредниками в распространении рейнских изделий. По-видимому, скандинавы принесли на Русь практику изготовления игрушечно-тренировочного оружия. Скандинавское влияние на остальной набор средств вооружения четкой оценке не поддается. В целом можно констатировать, что проникновение скандинавского влияния на формирование древнерусского арсенала продолжалось дольше, чем на женский убор (еще в XII в. не только сохранялись и развивались более ранние явления, но и усваивались новые), оно охватывало в наибольшей степени северо-западную и северную часть территории, а также, возможно в опосредованном виде, западные земли. Однако, возникшие в качестве гибридных, собственно русские явления (такие, как топоры типа V или миниатюрные бронзовые топорики) распространяются по всей древнерусской территории.

Скандинавский компонент в древнерусском мужском уборе, в отличие от женского, трудноуловим. Скандинавский вклад в типологический состав элементов древнерусского ременного набора (пряжки, разделительные кольца, накладки, наконечники ремней) не фиксируется. Скандинавские детали поясов и целые пояса известны как в X—XI вв. (находки пряжек пока не систематизированы, большинство разновидностей ременных накладок вошли в сводку В.В. Мурашовой (Мурашова 2000), так и в XI—XIII вв. («носатые» пряжки, детали поясов готландского типа в стиле Урнас[139]), но они немногочисленны и остаются лишь импортами, не давая (в отличие от Прибалтики и Финляндии) местных дериватов. Скандинавскими по истокам могут быть некоторые типы фибул, а также сама традиция скреплять ими плащ, но пока трудно отличить скандинавский импульс от восточноприбалтийского (от Литвы на юге до Финляндии на севере).

4. Погребальный обряд

Древнерусский погребальный обряд, сформировавшийся после принятия христианства, отличается от обряда большинства христианских (да и мусульманских) регионов чрезвычайным разнообразием сосуществующих традиций. В их сохранении важную роль сыграла гибкость византийских церковных норм, опирающихся на традиции (нередко разнородные), а не на однозначные писаные правила (более характерные для римской церкви). Уверенно можно говорить как о нехристианских лишь применительно к погребениям с жертвоприношениями (особенно человеческими) и к кремациям, да и то — с некоторыми оговорками[140]. Однако произошедшая в конце X—XI вв. ломка религиозных представлений (в которую входила и религиозная реформа Владимира, и окончательное утверждение христианства, растянувшееся на периферии до XII в.) привела к коренным изменениям погребального обряда. Но массовое распространение преимущественно индивидуальных ингумаций не означает повсеместного распространения грунтовых безинвентарных погребений на освященной земле церковного кладбища. Вплоть до XIII в., а в некоторых регионах и позже (до XVI—XVII вв.) погребения продолжали совершать вне связи с церквями (хотя в позднее время не исключено наличие часовен, которые, однако, не свидетельствуют уверенно об обряде освящения кладбищенской земли). Долго (до XII—XIII вв., а иногда и до XV в.), над погребенными возводят курганы. Яркими свидетельствами совместимости курганного обряда с христианством могут служить курганные некрополи средневекового Суздаля (Седова 1997) или Переяславля Русского (Лесман 2008а). Возникнув в XI в., доживает в некоторых местах до XV—XVI вв. традиция хоронить в пределах мощных каменных оградок, иногда, особенно в XI—XIV вв., под невысокой (на высоту камней) земляной насыпью (жальничные погребения Новгородской земли, каменные могильники Верхнего Понеманья). Вплоть до XIII в., а ино-

[138] Для сравнения отмечу, что, например, топоры типа M по Я. Петерсену,— типа VII по А.Н. Кирпичникову, на территории Латвии и Литвы представлены почти исключительно вдали от древнерусских границ: на прибрежных заселенных куршами землях, изредка проникая вглубь от побережья лишь по течению Даугавы (Kazakevičius 1996).

[139] Опубликованный мною список древнерусских находок деталей ременной гарнитуры готландских типов в стиле Урнас (Лесман 2004) можно дополнить еще одной находкой из Галича (Пастернак 1998: 234, мал. 70: 25).

[140] Подробнее см.: (Лесман 1995; Мусин 1997).

гда и до XIV—XV вв. (те же Новгородская земля и Понеманье), сохраняется традиция хоронить покойника с сопровождающим инвентарем (особенно долго — женщин с их украшениями). Региональные различия в длительности сохранения архаичных традиций погребальной обрядности и основные территориально-хронологические рубежи — тема специального анализа, однако сама архаичность подобных ритуалов для культуры христианского общества очевидна (в сравнении не только с иными христианскими, но и с мусульманскими регионами, имевшими сопоставимую по продолжительности непрерывную монотеистическую традицию). Ссылка на специфику народного христианства верна, но не проясняет ситуацию, а лишь типологически ее атрибутирует.

Некоторые черты древнерусской погребальной обрядности можно объяснить сохранением старых языческих традиций — например, традиции возводить курганы над погребенными. Это верно, но при более детальном анализе оказывается, что связь была далеко не прямолинейной. Так, применительно к западным районам Новгородской земли выяснилось, что между длинными курганами и сопками, с одной стороны, и древнерусскими курганами и жальниками, с другой, лежит хронологическая лакуна — первая половина XI в. (Лесман 1984; 1989), которую заполнили не курганы, а совершенно особый тип памятников — поверхностные могильники с кремациями (Михайлова, Кузьмин 1994; Кузьмин, Михайлова 1997),[141] появление которых с очевидностью лишено непосредственной связи с христианизацией. Не вписывается в линейную эволюцию процесс развития погребального обряда и на противоположном краю Древней Руси — в Верхнем Подонье и Днепровском Левобережье, где курганы в ряде районов, возможно, приходят на смену грунтовым ингумациям (Григорьев 2000).

Формы христианского погребального обряда на Руси разнообразны: костницы, грунтовые захоронения в небольших по площади могилах как при церквях и в самих храмах, так и вне топографической связи с церковью (последние случаи гипотетичны, так как остатки церкви могли не сохраниться), скудельни с групповыми захоронениями, курганные и жальничные (каменные) могильники, чаще всего лишенные топографической связи с церковью. Курганы различаются по размерам и конструкции, в частности, нередко фиксируется наличие в них каменных конструкций (часто такие курганы сосредоточены в особых могильниках, но в некоторых регионах, например, на Ижорском плато, они составляют подавляющее большинство). Погребения совершались в гробах и без, могли помещаться в специально построенные (из дерева, земли, дерна, камня) сравнительно просторные помещения — камеры (последние чаще всего размещались под насыпями курганов, но могли находиться и в теле насыпи, и вне связи с курганами), но иногда и в небольших (соответствующих размерам гроба или тела) ямах, которые вырывали как в грунте перед сооружением кургана, так и в уже готовой (иногда более ранней) насыпи, могли располагаться под насыпью кургана на поверхности грунта или на подсыпках и т. д. Труп мог укладываться лежа или, реже, усаживаться. Преобладает типичная для христианской традиции ориентировка лицом на восток (то есть головой на запад), но встречаются и все остальные варианты. Различен состав инвентаря: от наборов оружия, орудий труда, утвари, пищи, остатков одежды, различных приношений, а иногда и целых костяков животных, до безынвентарных погребений (в археологическом смысле, т. к. нет данных для определения наличия одежды или савана). В подавляющем большинстве все перечисленные параметры обряда (а перечисление не охватывает всего разнообразия) получают распространение в период между концом X и концом XI в. Некоторые из этих особенностей есть основания с той или иной долей уверенности возводить к скандинавским (в первую очередь шведским) традициям погребальной обрядности.

Камерные погребения получают распространение в Восточной Европе в X в. (преимущественно со второй половины столетия) и известны в Ладоге, Гнездово, Тимерево, Шестовицах, Чернигове, Пскове и некоторых других памятниках. Скандинавская по своим истокам (применительно к древней Руси) традиция камерных погребений в самой Скандинавии характерна для X в., а в более позднее время представляет собой несомненный анахронизм. Однако, в Восточной Европе камерные погребения, хотя и не очень многочисленные, широко распространяются почти по всей древнерусской территории лишь в конце X — первой половине XII вв. Находятся они обычно в крупных могильниках или в могильниках, входящих в крупные скопления. Такие погребения иногда выделяются богатством инвентаря, подчас включающего скандинавские (или восходящие к скандинавским прототипам) находки, но это далеко не правило. Камерные погребения, датирующиеся концом XI—XII вв., особым богатством инвентаря не выделяются. Особенно широкое распространение получает традиция камерных погребений в Среднем Поднепровье (Моця 1990); в качестве материалов из новых раскопок можно указать на камерные погребения, исследованные в 1997—2002 гг. на одном из крупнейших курганных могильников Восточной Европы (около 2,5 тыс. насыпей), расположенном близ хутора Зеленый Гай на верхнем Псле (Приймак, Осадчий 2005: 170—173). В последнее десятилетие проблему развития традиции камерных погребений на Руси исследуют Е. А. Шинаков (Шинаков 1995; 1998) и В. Ю. Соболев (Соболев 1997; 1997а). Следует отметить, что за рамки камерных погребений не выходят, например, ингумации в перекрытых деревом ямах такого яркого мо-

[141] В какой-то мере эту лакуну могут заполнить, хотя и далеко не везде, поздние длинные курганы (Соболев 2000 и др.) и сопки.

гильника на древнерусско-эстонском пограничье, как Залахтовье (Хвощинская 2004). Возникнув в Скандинавии, скорее всего под христианским влиянием (Лебедев 1985), традиция камерных погребений, если она не сочеталась с жертвенными захоронениями людей (чаще всего женщин), не только не вступала в несовместимое противоречие с христианством, но, будучи обрядом, распространенным в среде уже крестившейся социальной верхушки, оказала существенное стимулирующее влияние на распространение традиции подкурганных ямных ингумаций.

Захоронения в сидячем положении появляются в древнерусских некрополях с X в., и первоначально исключительно в камерах (Гнездово, Тимерево, Шестовицы, Киев). Такое положение покойника при погребении не имеет местных корней в Восточной Европе («хазарские» погребения, исследованные Л. Н. Гумилевым, недостоверны) и восходит к скандинавской традиции. Однако регулярно хоронить покойников сидя в древнерусских могильниках начинают лишь в XI в. в восточных районах Новгородской земли, в XII в. эта традиция распространяется на северо-запад, став одной из характерных для Ижорского плато и сохраняясь там вплоть до XV в. (Лесман 1981; Лесман, Олейников 1996). Как и в ситуации с камерами, сидячее положение покойника достоверно (хотя и не массово) представлено в скандинавских могильниках X в., но уже для XI в. оно было анахронизмом.

Жальничные погребения распространяются преимущественно на территории Новгородской (с включением Псковской) земли начиная со второй половины XI в., несколько позже близкий погребальный обряд фиксируется в Верхнем Понеманье и западнее, в Мазовии и Подляшье. К XIV в. в сельских могильниках Северо-Запада он почти полностью вытесняет курганную традицию. Поиски местных корней жальничной традиции не дали положительных результатов, что вполне оправданно констатировал в серии своих статей В. В. Седов[142]. Однако предложенная им гипотеза западнославянского происхождения не выдерживает проверки фактическим материалом. В Польше в самом деле есть погребения, в какой-то мере сопоставимые с древнерусскими жальниками и датирующиеся XI в., некоторые даже его первой половиной. Но все они происходят из одного могильника и на момент своего возникновения представляют собой инородное явление. Речь идет об известном могильнике Лутомерско близ Лодзи, расположенном в 70—100 км к югу от основного ареала каменных могильников (Rauhut 1971). Именно его В. В. Седов рассматривает наиболее подробно, но параллели этим погребениям польские исследователи вполне оправданно видят в Скандинавии и Южной Руси, связывая с окружением бежавшего в Польшу Святополка (Nadolski, Abramovicz, Poklewski 1959: 40—41, 150—152). Остальные каменные могильники Польши нет оснований датировать временем ранее первой половины XII в. Однако ранние аналоги жальничному обряду имеются не только к югу, но и к северу от Балтийского моря, причем там, в Швеции (преимущественно в Упланде, Седерманланде и Гестрикланде), они, датируясь XI[143]—XII вв. (возможно, охватывая и какую-то часть XIII в.), развивают непрерывную с вендельского времени традицию захоронений в родовых могильниках, но захоронений, в отличие от предшествующего времени, уже христианских (Gräslund 1991; Gräslund 2001; Broberg 1991 и др.). На протяжении XI—XII вв. (в разных местах по-разному) места погребения переносятся на «церковные дворы» — кладбища при приходских церквях, где умерших хоронят в простых грунтовых могилах. Иногда приходские церкви строятся близ более ранних могильников, и тогда их кладбища непосредственно продолжают более ранние некрополи. Шведские «жальники» ни по внешнему виду, ни по погребальному обряду не выходят за рамки того, что понимается под этим термином применительно к Новгородской земле. Весьма вероятно, что именно они послужили прототипами для жальничных (каменных) могил на Руси, а возможно, и в Польше. Показательны некоторые особенности самых ранних надежно датированных жальничных погребений: находки прорезных подвесок «гнездовского» типа (Сергеева 1986), связь с камерными погребениями[144]. Но парадокс заключается в том, что наиболее широкое распространение на Руси этот обряд получил в XIII—XIV вв., когда в самой Швеции он был уже изжит.

Целый ряд особенностей погребального обряда распространяется под скандинавским влиянием и достаточно устойчиво бытует на Руси[145], но с явным хронологическим сдвигом относительно самой Скандинавии. Выходцы из Скандинавии или культурно связанные с ними (ориентированные на них как на один из образцов) индивидуумы составляли в X—XI вв. заметную часть новых хозяев жизни (при этом абсолютная их численность была, скорее всего, весьма невелика), чей высокий соци-

[142] «Жальничные ... погребальные сооружения появляются в северо-западных районах Древней Руси, где они не имеют каких-либо местных корней» (Седов 2000: 14; 2000а).

[143] С самого начала столетия, если не с конца X в.

[144] Жальничная часть могильника Удрай II в Верхнем Полужье (раскопки 1983—85 гг. под руководством Н. И. Платоновой, пользуюсь случаем выразить ей благодарность за предоставленную информацию) является непосредственным продолжением каменной насыпи, содержавшей камерные погребения. Из достоверно ранних находок в жальничных погребениях отмечу односторонний наборный гребень.

[145] Не исключено, что к скандинавским прототипам в той или иной мере восходит и столь распространенная на Северо-Западе традиция сооружения курганов с каменными оградками, но это предположение требует специальной разработки.

альный статус обуславливал подражание со стороны низов. Судя по влиянию, оказанному на погребальный обряд, они обосновывались не только в городах, но и в сельской местности (обычно в локальных центрах) на длительное время (так что многие здесь и умирали). Эти люди не только являлись частью новой структуры власти на местах, но и стали образцами христианской культуры для местного сельского еще только христианизируемого населения. Однако их собственные представления о нормах погребального обряда были весьма далеки от церковных, отражая скорее процесс народного восприятия христианской обрядности в Скандинавии (причем основной «поставщик офицерских кадров» — Центральная Швеция отставала от Руси по темпам христианизации)[146]. Наиболее мощным скандинавское влияние на древнерусский погребальный обряд было на Северо-Западе и в Среднем Поднепровье, но в последнем случае оно оказалось менее долговечным, исчерпав себя к XII в., в то время как на севере принесенные скандинавами традиции продолжали жить еще несколько веков. Длительное сохранение скандинавских по происхождению черт погребального обряда (как и иных его вариантов, не отвечающих византийской церковной традиции) было обусловлено, с одной стороны, гибкостью самого византийского извода христианства, а с другой, нехваткой достаточно хорошо образованных и воспитанных в греческой церковной традиции священников, что особенно сильно сказывалось на севере. В самих скандинавских странах, оказавшихся под омофором римской церкви, унификация погребального обряда происходила намного быстрее и была завершена в Дании и Норвегии в XI в., в Швеции в XII в., но к этому времени представители социальной верхушки на Русь из Скандинавии уже не рекрутировались.

Приведенный обзор скандинавских по происхождению элементов древнерусской культуры, разумеется, далеко не полон. Вне поля зрения осталась обработка кости, распространение костяных гребней (и самой традиции причесываться гребнем как специальным инструментом), распространение некоторых мотивов и композиций декора, в частности, ряда вариантов плетенки, зооморфного декора, наборной техники в работе с деревом, в частности фахверковых конструкций в домостроительстве (известных на Руси, но нигде не имевших большого распространения) и т. д. Эти и многие другие вопросы требуют специального рассмотрения. Однако уже проанализированный материал позволяет наметить основные географические зоны, в которых процессы имели свою существенную специфику, и проследить динамику вхождения скандинавских компонентов в древнерусскую культуру на фоне процесса культурогенеза, протекавшего в период сложения Древнерусского государства.

Литература

Алексеев Л. В. 1966. *Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв.* Москва: Наука.

Алексеев Л. В. 1995. Древний Мстиславль в свете археологии. *СА* (2), 118—182.

Артамонова О. А., Плетнева С. А. 1998. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели). *МАИЭТ* IV, 539—624.

Артемьев А. Р. 1982. Копья из раскопок в Изборске. *КСИА* 171, 7—20.

Артемьев А. Р. 1991. Фенно-скандинавские предметы вооружения в Пскове и Изборске. В: Артемьев А. Р. (ред.). *Земля Псковская, древняя и современная.* Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков: ПГОИАХМЗ, 71—72.

Артемьев А. Р. 1991а. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле. В: Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990.* Москва: ИА АН СССР, 183—197.

Археалогія 1993: *Археалогія і нумізматыка Беларусі.* 1993. Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.

Атлас 1915: *Атлас Гочевских древностей.* 1915. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. Москва.

Ауліх В. В. 1972. *Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині.* Київ: Наукова думка.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М. 2003—2004. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова). *Stratum plus* (5), 515—577.

Беляшевский Н. Ф. 1892. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. *Киевская старина.* Год 11. Т. XXXVI. Январь. Киев, 61—104.

Белоцерковская И. В. 1975. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли. *Вестник МГУ. Сер. История* (5), 53—65.

Бліфельд Д. І. 1977. *Давньоруські пам'ятки Шестовиці.* Київ: Наукова думка.

Богомольников В. В. 2004. *Радимичи (по материалам курганов X—XII вв.).* Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины.

Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. 1985. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978—1982 гг. В: Толочко П. П. (ред.). *Археологические исследования Киева 1978—1983 гг.* Киев: Наукова думка, 38—60.

Боровський Я. Е., Архипова Е. И. 1993. Дослідження «Миста Ярослава» 1984—1989 рр. В: Толочко П. П. (ред.). *Стародавній Київ: археологічні дослідження 1984—1989 рр.* Київ, 206—218.

[146] Еще около 1090 г. за попытку запрета языческих жертвоприношений был изгнан из Центральной Швеции (Свитьотд) конунг Инги, а власть перешла к Свейну Кровавое Жертвоприношение. Лишь через три года («зимы») Инги, вернувшийся с войском из Вестеръетланда, восстановил свою власть. Свейн был убит, а Инги «снова ввел тогда в закон христианство» (Ковалевский 1977: 98—99).

Бранденбург Н.Е. 1895. Курганы Южного Приладожья. *МАР* 18. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1—91.

Булычев Н.И. 1899. *Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра*. Москва: Товарищество тип. А.И. Мамонтова.

Булычев Н.И. 1913. *Раскопки по среднему течению р. Угры*. В: Успенский А.И. (ред.). Записки Московского археологического института XXXI. Москва: Московский археологический ин-т.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.

Вознесенська Г.О., Паньков С.В. 2004. Технікотехнологічні особливості видобування і обробки заліза у давньоруському Києві. *Археологія* (3).

Волковицкий А.И., Григорьева Н.В., Селин А.А. 2008. Новые средневековые находки в Южном Приладожье. В: Сорокин П.Е. (ред.). *Древности Ижорской земли. Археологическое наследие Санкт-Петербурга* 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; СЗИН, 147—156.

Воронин Н.Н. 1954. *Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.)*. МИА 41. Москва: АН СССР.

Голубева Л.А. 1961. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. *СА* (1), 201—215.

Голубева Л.А. 1973. *Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв*. Москва: Наука.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. 1991. *Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.)*. Петрозаводск: Петрозаводский ун-т.

Голубович В., Голубович Е. 1945. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. *КСИИМК* XI, 126—137.

Григорьев А.В. 2000. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. *Труды Тульской археологической экспедиции* 2. Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле».

Гуревич Ф.Д. 1962. *Древности Белорусского Понеманья*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Гурин М.Ф. 1987. *Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв*. Минск: Наука и техника.

Гущин А.С. 1936. *Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв*. Ленинград: Гос. соц.-эконом. издат.

Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Старой Ладожского городища и вопросы датировки. *АСГЭ* 17, 101—118.

Давидан О.И. 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге. *АСГЭ* 21, 59—67.

Даркевич В.П. 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. *СА* (4), 91—102.

Дернович С.Д. 2006. *Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси*. Минск: Белорусская наука.

Джаксон Т.Н. 1994. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.)*. Москва: Ладомир.

Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. *Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. Советско-венгерский сборник*. Москва: Наука, 69—106.

Дубов И.В. 1982. *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки)*. Ленинград: Ленинградский ун-т.

Дучыц Л.У. 1991. *Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIII ст. (Гісторыка-археалягічны нарыс)*. Мінск.

Дучыц Л.У. 1994. Курганны могільнік каля в. Селішча Ушацкага раёна. *ГАЗ* (3). Мінск, 122—131.

Ениосова Н.В. 2007. Золото викингов на территории Древней Руси. В: Носов Е.Н. и др. (отв. ред.). *У истоков русской государственности*. Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г. Великий Новгород; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 307—315.

Енуков В.В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам)*. Москва: Курский педагогический институт.

Загорульский Э.М. 1982. *Возникновение Минска*. Минск: Белорусский ун-т.

Захаров С.Д. 2004. *Древнерусский город Белоозеро*. Москва: Индрик.

Заяц Ю.А. 1985. Зброя блізкага бою, рыштунак конніка і верчавога каня з раскопак Заслаўя. *Помнікі культуры: Новыя адкрыцці*. Мінск: Навука і тэхніка, 183—190.

Заяц Ю.А. 1995. *Заславль в эпоху феодализма*. Минск: Наука и техника.

Зоценко В.М. 2004. Скандинавські артефакти південнозахідної Русі. В: Моця О.П. (ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст*. Київ: Корвін-Пресс, 87—105.

Івакин Г., Козюба В. 2003. Нові поховання X—XI ст. Верхнього Києва (з роскопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997—1999 рр.). В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—IX ст*. Матеріали Міжнародного польового археол. семінару. Чернігів: Сіверянська думка, 38—50.

Иов О.В., Рябцевич В.Н. 2002. Клад конца IX в. с Брилевского поля. *Клады: состав, хронология, интерпретация*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 164—175.

Каинов С.Ю. 1999. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова. *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 49—62.

Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие* 1. *Мечи и сабли IX—XIII вв.* САИ Е1—36.

Кирпичников А.Н. 1966а. *Древнерусское оружие* 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36.

Кирпичников А.Н. 1971. *Древнерусское оружие* 3. *Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.* САИ Е1—36.

Кирпичников А.Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.* САИ Е1—36.

Клетнова Е. 1912. *Раскопки по рр. Вязьме и Осьме*. Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 1912. №192.

Ковалевский С.Д. 1977. *Образование классового общества и государства в Швеции*. Москва: Наука.

Колчин Б.А. 1953. *Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период)*. МИА 32. Москва: АН СССР.

Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *Труды Новгородской археологической экспедиции* II. МИА 65, 25—29.

Комаров К.И. 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X—XIII вв. *Сообщения Ростовского музея* VIII. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 137—172.

Комаров К.И. 2003. Курганный могильник у дер. Заморино. *История и культура Ростовской земли*. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 509—515.

Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Корзухина Г.Ф. 1971. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги. *КСИА* 125, 59—64.

Кочкуркина С.И., Линевский А.М. 1985. *Курганы лето-*

писной вести X — начала XIII века. Петрозаводск.

Крыганов А.В. 1990. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников. *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 71—80.

Кудряшов А.В. 2003. Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже. *Археология: история и перспективы*. Первая межрегиональная конференция. Ярославль: ИА РАН; Ярославский музей-заповедник, 148—160.

Кузьмин и др. 2007: Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., Тарасов И.И., Шмелев К.В. 2007. Работы Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в сезоне 2006 г. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля: история и археология* 21. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник.

Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси. *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии* 3. *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: «Фонд археологии», 138—146.

Кулаков В.И. 1990. *Древности пруссов VI—XIII вв.* САИ Г1—9.

Лебедев Г.С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: Ленинградский гос. университет.

Левашева В.П. 1967. Височные кольца. *Тр. ГИМ* 43, 7—54.

Левашева В.П. 1967а. Браслеты. *Тр. ГИМ* 43, 207—247.

Леонтьев А.Е. 1976. Классификация ножей Сарского городища. *СА* (2), 33—44.

Леонтьев А.Е. 1996. *Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси.* Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья 4. Москва: Геоэко.

Лесман Ю.М. 1981. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. *КСИА* 164, 52—58.

Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации). *Археологическое изучение Новгородской земли.* Ленинград: ЛГУ, 118—153.

Лесман Ю.М. 1989. К динамике изживания североевропейских традиций в материальной культуре Северо-Западной Руси XI—XIV вв. (железные ножи). *XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 11. Ч. 1. Москва: Институт истории СССР АН СССР, 157—159.

Лесман Ю.М. 1989а. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. *ННЗИА* 2. Новгород, 82—87.

Лесман Ю.М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). *МАНЗ 1988*. Новгород, 29—98.

Лесман Ю.М. 1995. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменений погребального обряда. *Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга (1839—1903).* 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и культура». Программа «Храм». Сборник материалов 8. Санкт-Петербург, 194—209.

Лесман Ю.М. 1995а. Несколько замечаний о находках крестов-подвесок в Скандинавии. *Ладога и Северная Русь.* Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 45—47.

Лесман Ю.М. 1996. Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы. *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 2-го коллоквиума. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 35—37.

Лесман Ю.М. 1996а. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки). *Arheologia Petropolitana* 1. Санкт-Петербург, 52—65.

Лесман Ю.М. 1999. Миф о русской свастике. *Барьер* 5 (1), 104—110.

Лесман Ю.М. 2003. Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов. *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 12-го коллоквиума. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 70—75.

Лесман Ю.М. 2004. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас. *XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 15. Ч. I. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 233—236.

Лесман Ю.М. 2006. Восточноевропейские реплики скандинавских подвесок с зооморфными изображениями. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. ТД. Санкт-Петербург: Нестор-История, 86—89.

Лесман Ю.М. 2008. Вырицкий курганный могильник. *Археологическое наследие Санкт-Петербурга* 2. *Древности Ижорской земли.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН; СЗИН, 33—73.

Лесман Ю.М. 2008а. Переяславский курганный могильник «За тюрьмой» в раскопках В.М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией могильника. *Наукові записки з української історії* 20. Переяслав-Хмельницкий, 124—147.

Лесман Ю.М., Олейников О.М. 1996. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений. *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 13. Москва; Петрозаводск, 180—183.

Лысенко П.Ф. 1985. *Берестье*. Минск: Наука и техника.

Лысенко П.Ф. 1991. *Дреговичи.* Минск: Наука и техника.

Львов А.С. 1975. *Лексика «Повести временных лет»*. Москва: Наука.

Ляпушкин И.И. 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* I. МИА 62, 85—150.

Ляўданскі А.Н. 1930. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. *Запіскі аддзелу гуманітарных навук БАН*. Кн. 2. *Працы Археолёгічнай камісіі* II. Менск, 165—166.

Ляўданскі А. 1932. Археолёгічныя доследы ў Смаленшчыне. *Працы Сэкцыі археолёгіі, Беларус. АН, інстытут исторыі* III. Менск.

Макаров Н.А. 1990. *Население русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья*. Москва: Наука.

Макаров Н.А. 1992. Древнерусские амулеты-топорики. *РА* (2), 41—56.

Макаров Н.А. 1997. *Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья*. Москва: Скрипторий.

Медведев А.Ф. 1959. *Оружие Новгорода Великого*. МИА 65.

Медведев А.Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* САИ Е1—36.

Минасян Р.С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. *АСГЭ* 21, 68—74.

Михайлова Е.Р., Кузьмин С.Л. 1994. Грунтовый могильник у дер. Которск. *Древний Псков: Исследования средневекового города*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Монгайт А.Л. 1955. *Старая Рязань*. МИА 49.

Моця А.П. 1990. Срубные гробницы Южной Руси. В: *Проблемы археологии Южной Руси.* Киев: Наукова думка, 99—107.

Мугуревич Э.С. 1965. *Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения*. Рига: Зинатне.

Мурашова В.В. 2000. *Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.)*. Москва: Эдиториал УРСС.

Мусин А.Е. 1997. *Христианские древности средневековой Руси IX—XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли).* Автореф. ... канд. дисс. Санкт-Петербург.

Назаренко В.А. 1985. Могильник в урочище Плакун. В: *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 160—175.

Недошивина Н.Г. 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников. *Ярославское Поволжье X—XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников*. Москва: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 55—62.

Недошивина Н.Г. 1967. Перстни. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв*. Тр. ГИМ 43, 253—274.

Недошивина Н.Г. 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника. *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. Москва, 165—181.

Нефедов В.С. 2007. *Археологическая карта России. Тверская область*. Ч. 2. Москва: ИА РАН.

Нечитайло В.В. 2000. *Каталог християнських нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.)*. Київ: Максим.

Новикова Г.Л. 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова. В: Авдусин Д.А. (ред.). *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ.

Новикова Г.Л. 1998. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы. *Историческая археология: Традиции и перспективы*. Москва, 165—174.

Носов Е.Н. 1990. *Новгородское (Рюриково) городище*. Ленинград: Наука.

Нудельман А.А. 1967. *Топография кладов и находок единичных монет.* Археологическая карта Молдавской ССР 8. Кишинев: Штиинца.

Нудельман А.А. 1985. *Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (С древнейших времен до образования феодального Молдавского государства).* Кишинев: Штиинца.

Пастернак Я. 1998. *Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850—1943 рр.* Ювілейне видання присвячене 1100-літтю Галича. Івано-Франківськ: Плай.

ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. Ч. I. Москва; Ленинград: АН СССР.

Пеняк С.І. 1980. *Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.* Київ: Наукова думка.

Петерсен Я. 2005. *Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов*. Санкт-Петербург: Альфарет.

Петров М.И. 2006. Обувные шипы из новгородских раскопок. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 20. Материалы науч. конференции. Новгород, 24—26 янв. 2006 г. Великий Новгород, 171—178.

Пивоварчик С.А. 1994. Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X—XIII вв.). *ГАЗ* 3. Мінск: Інстытут гісторыі АНБ, 10—21.

Плавінскі М.А. 2006. *Клінковая зброя X—XIII на тэрыторыі Беларусі*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.

Платонова Н.И. 2002. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 181—195.

Приймак В.В., Осадчий Е.Н. 2005. Иноэтничные комплексы Зеленогайского курганного могильника. В: Винников А.З. (отв. ред.). *Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 68—76.

Путь 1996: *Путь из варяг в греки и из грек...* 1996. Каталог выставки. Москва: Государственный исторический музей.

Пушкина Т.А. 1997. *Воск* и свечи в древнерусских погребениях. *Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ* 93. Москва: ГИМ, 122—133.

Равдина Т.В. 1988. О датировке городища Алчедар. В: *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 54—71.

Радиньш А. 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10—13 веков. *Archaeologia Lituana* 2. Vilnius, 65—118.

Раппопорт П.А. 1959. Крепостные сооружения Саркела. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* II. МИА 75, 9—39.

Розенфельдт Р.Л. 1967. Григоровские курганы XII—XIII вв. *КСИА* 110, 106—109.

Рыбакоў Б.А. 1932. Радзімічы. *Працы Сэкцыі археолёгіі* III. Менск: Белорусск. Академия Наук, Инст. Истории, 81—151.

Рыбаков Б.А. 1948. *Ремесло древней Руси*. Москва: АН СССР.

Рындина Н.В. 1963. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. *Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции* III. МИА 117, 200—268.

Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 28—76.

Рябинин Е.А. 1986. *Костромское Поволжье в эпоху средневековья*. Ленинград: Наука.

Рябинин Е.А. 1995. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации. *Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности* 2. Санкт-Петербург, 81—102.

Рябинин Е.А. 1999. «Деревянный мир» раннесредневе-

ковой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973—1985 гг.). *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 180—191.

Рябинин Е. А. 2001. *Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971—1991 гг.)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Савін Н. І. 1930. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. *Працы Археолёгічнай камісіі* II. Менск, 219—252.

Сарачева Т. Г. 2003. Древнерусские привески с изображением зверя. *РА* (4), 102—115.

Седов В. В. 1970. *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. Москва: Наука.

Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР 14. Москва: Наука.

Седов В. В. 1994. *Очерки по археологии славян*. Москва: ИА РАН.

Седов В. В. 1995. *Славяне в раннем средневековье*. Москва: НБПО «Фонд археологии».

Седов В. В. 2000. Жальники: ареал и общая характеристика. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы научного семинара 1996—1999. Псков: ПГОИАХМЗ, 186—190.

Седов В. В. 2000а. Жальники. *РА* (1), 7—32.

Седов В. В. 2002. *Изборск — протогород*. Москва: ИА РАН.

Седов В. В. 2007. *Изборск в раннем средневековье*. Москва: Наука.

Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.

Седова М. В. 1997. *Суздаль в X—XV веках*. Москва: Русский мир.

Седова М. В. 2001. Украшения «городского типа» X—XI веков из Суздаля и его округи. *КСИА* 212, 23—32.

Сергеева Л. Е. 1986. Привеска «гнездовского» типа из раскопок жальничного могильника у деревни Новая Печерского района Псковской области. *Земля Псковская, древняя и социалистическая*. Тезисы докладов. Псков: ПГОИАХМЗ, 35—36.

Сложение... 2009: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. 2009. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург, 569—571, 587—588.

Соболев В. Ю. 1997. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли. *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии* II. Памяти В. Д. Белецкого. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Псков: ПГОИАХМЗ, 272—277.

Соболев В. Ю. 1997а. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволок II в контексте становления древнерусского погребального обряда. *Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов 10—14 сентября. Петрозаводск: Институт всеобщей истории РАН, 183—185.

Соболев В. Ю. 2000. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы научн. семинара 1996—1999. Псков: ПГОИАХМЗ, 103—107.

Соловьева Г. Ф. 1971. Славянские курганы близ села Новый Кривск. *КСИА* 125, 65—68.

Сорокин С. С. 1959. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* II. *МИА* 75, 135—199.

Спицын А. А. 1892. *Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках Члена Комиссии А. Спицына и проф. Казанского Университета Смирнова в древ. Мордовской области и первого во Дорогобужском у. Смоленской губ.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94.

Спицын А. А. 1893. *Древности Северо-Западного края*. Т. I. Вып. 2. *Люцинский могильник*. МАР 14. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.

Спицын А. А. 1896. *Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского*. МАР 20. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.

Спицын А. А. 1899. *Расселение древнерусских племен по археологическим данным*. ЖМНП VIII. Санкт-Петербург: Типография «В. С. Балашев и К°».

Спицын А. А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова*. МАР 29. Санкт-Петербург : Типография Главного Управления Уделов.

Спицын А. А. 1904. Раскопки близ дер. Дуденевой Тверского у. *ИАК* 6. Санкт-Петербург, 6—11.

Спицын А. А. 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области. *ИАК* 15. Санкт-Петербург, 1—5.

Спицын А. А. 1905а. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. *ИАК* 15. Санкт-Петербург, 6—70.

Спицын А. А. 1905б. Владимирские курганы. *ИАК* 15. Санкт-Петербург, 84—172.

Срезневский И. И. 1989. *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Репринтное издание. Т. III. Ч. 1. Москва: Книга.

Срезневский И. И. 1989а. *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Репринтное издание. Т. III. Ч. 2. Москва: Книга.

Старая Ладога 2003: *Старая Ладога — древняя столица Руси*. 2003. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Творогов О. В. 1984. *Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словник)*. Киев: Наукова думка.

Терехова и др. 1997: Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. 1997. *Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе*. Москва: Металлургия.

Третьяков П. Н. 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. *СА* IV, 33—51.

Третьяков П. Н. 1947. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. *Археологія* I, 123—140.

Указатель РИМ 1893: *Указатель памятников Российского исторического музея*. 1893. Москва: Типография Мамонтова и К°.

Успенская А. В. 1993. Березовецкий курганный могильник X—XII вв. *Средневековые древности Восточной Европы*. Труды ГИМ 82, 79—135.

Федоров Г. Б. 1953. Городище Екимауцы. *КСИИМК* 50, 104—126.

Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря. *СА* (2), 70—89.

Фехнер М. В., Янина С. А. 1978. Весы с арабской надписью из Тимерева. *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука.

Хвощинская Н. В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье)*. Санкт-Петербург: РАН.

Хомутова Л. С. 1982. Технологическая характеристи-

ка кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа. В: Кочкуркина С. И. (ред.). *Древняя корела*. Ленинград: Наука, 188—208.

Циркин А. В. 1984. Древковое оружие мордвы и его хронология. *СА* (1), 123—133.

Шадыро В. И., Ласкавый Г. В. 1994. Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселений у д. Придники. *ГАЗ* (4). Мінск, 217—224.

Шендрік Н. І. 1958. Наконечники стріл з Княжої Гори. *Праци Київського Державного історичного музею* І. Київ, 158—174.

Шинаков Е. А. 1995. Камерные захоронения Среднего Подесенья. В: *Деснинские древности 1994.* Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья». Брянск: БГКМ, 81—85.

Шинаков Е. А. 1998. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X—XI вв. *Историческая археология. Традиции и перспективы.* К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва: МГУ, 307—322.

Шмидт Е. А. 1957. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье. *Материалы по истории Смоленской области* 2. Смоленск, 184—290.

Шмидт Е. А. 1963. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. *МИСО* 5. Смоленск, 242—244.

Шпилев А. Г. 2008. Курское княжение. В: Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А. *Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в.* Курск: Курский ГПУ, 276—330.

Штыхаў Г. В. 1992. *Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі*. Мінск: Навука і тэхніка.

Штыхов Г. В. 1978. *Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.).* Минск: Наука и техника.

Arbman H. 1937. *Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts*. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule.

Arbman H. 1940. *Die Gräber.* Tafeln. Birka I. Uppsala: Almqvist & Wiksells.

Armbruster B. R. 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frühmittelalterlichen Metallhandwerk. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Das archäologische Fundmaterial VII*. Neumünster.

Arne T. 1911. *Sveriges förbindelser med Ostern under Vikingatigen*. Fornvännen. Slockholm.

Arwidsson G. 1986. Die Eissporen. *Birka* II (2). Stockholm.

Atgāzis M. 1964. Latgaļu 9.-12. gs. Cirvij. *Arheologija un etnogrāfija* VI. Rīga, 105—125.

Aspelin J. R. 1877. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien* II. *L'âge du fer: Antiquités Permiennes.* Helsingfors: Edlund.

Broberg A. 1991. Religionsskrifte och sockenbildning i Norduppland. In: Ferm O. (red.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige*. Uppsala, 49—79.

Callmer J. 1989. Gegossene Schmuckhänger mit nordischer ornamentik. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm: KVHAA, 19—42.

Ciglis J., Radiņš A. 2002. Ludzas odukalna kapulauka katalogs. *Latvijas kultūrvēsturiskais mantojums ārzemju krātuvēs* 1. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures musejs.

Cinthio M. 1976. Skor. In: Mårtensson A. W. (et al). *Uppgrävt förflitet för PKbanken i Lund. En investering i arkeologi.* Archaeologica Lundensia 7. Lund: Kulturhistoriska museet, 307—316.

Creutz K. 2003. *Tension and Tradition: a study of Late Iron Age spearheads around the Baltic Sea.* Theses and Papers in Archaeology N.S. A8. Stockholm: Stockholm Univ.

Davidan O. I. 1992. Kunsthandwerkliche Gegensfunde des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga: die Sammlung des Staatlichen Ermitage in St. Petersburg. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Vol. 20 (1992). Bonn, 5—61.

Duczko W. 1985. *Birka V: The filigree and granulation work of the Viking period, an analysis of the material from Björko*. Stockholm: Almqvist and Wiksell.

Edberg R. 1999. Krigaramuletter från Rus i Sigtunas svarta jord. *Fornvännen.* Stockholm.

Edberg R. 2008. Nya fynd av miniatyryxor. *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.

Eesti 1982: *Eesti esiajalugu*. In: Jaanits L. et al. (eds). Tallinn: Eesti Raamat.

Eilbracht H. 1999. *Filigran- und Granulationskunst im wikingischen Norden: Untersuchungen zum Transfer frühmittelalterlicher Gold- und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa*. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalter. Beiheft 11. Köln: Rheinland-Verlag.

Engel K., La Baume W. 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande*. Königsberg.

Jansson I. 1984. Kleine Rundspangen. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm: KVHAA, 58—74.

Jörpeland L. B., Lindeblad K., Lindh M. 2000. *Vid Furisån-arkeologi i Östra Aros*. Projekt uppdragsarkeologi. Rapport. Stockholm.

Gintautaitė-Butėnienė E., Butėnas E. 2002. Latvių kapinaynas. *Lietuvos archeologija* 22, 9—198.

Graham-Campbell J. 1980. *Viking Artefacts: A Select Catalogue*. London: British Museum Publications.

Gräslund A.-S. 1991. Var begravdes bygdens första kristna? In: Ferm, O. (ed.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige: en samling uppsatser.* Studier till Det medeltida Sverige 5. Stockholm: Riksantikvarieämbetet Uppsala, 37—48.

Gräslund A.-S. 2001. *Ideologi och Mentalitet. Om religionsskiftet i Skandinavien från en arkeologisk horizont.* Opia 29. Uppsala: Institutionen för Arkeologi och Antik historia, Uppsala universitet.

Hård B. 1976. *Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden.* Acta Archaeologica Lundensia: seria in 4, no. 9. Bonn: R. Habelt; Lund: CWK Gleerup.

Holmqvist W. 1963. *Övergångstidens metallkonst*. Antikvariska serien 11. Stockholm; Göteborg; Uppsala.

Katalog 1930: *Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930.* 1930. Riga.

Kazakevičius V. 1996. Topory bojowe typu M. Chronologia i pochodzenie na ziemiach Bałtów. In: Kurnatowska Z. (ed.) *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej* 2. Wrocław, 233–241.

Korkeakoski-Väisänen K. 1981. *Manner-Suomen viikinkija ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamentiikka = Armband från vikinga- och korstågstid på Finlands fastland och deras ornamentik*. Karhunhammas 5. Turku: Turun yliopisto, kulttuurien tutkimuksen laitos, suomalainen ja vertaileva arkeologia.

La Baume W. 1941. Zur Technik der Verzierung ostpreussischen Waffen der Wikingerzeit. *Alt-Preussen* 6 (2), 22—29.

La Baume W. 1942. Bewaffnung und Tracht der Prussen auf den Reliefs der Gnesener Domtür. *Alt-Preussen* 7 (3), 34—43.

Leany K. 2003. *Anglo-Saxon Krafts*. Stround.

Ligi P. 1993. Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.—16. sajand). *Muinasaja teadus* 2. Tallinn, 7—152.

Lindh J., Brendalsmo J. 1982. *Funn fra en utgravning*. Tønsberg: Riksantikvaren. Utgravningskontoret for Tønsberg.

Lyngstrøm H. 1995. Knives from Late Iron Age in Denmark. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic. Papers from the Second Estonian — Swedish Archaeological Symposium Sigtuna, May 1991*. Stockholm: Universitetet i Stockholm, 79—82.

Mägi-Lõugas M. 1995. Eesti vikingiaegsed käevõrud ja nende ornament. *Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus* (3). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 271—325.

Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. 1959. *Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiersku pod Łodzią, Łódź 1959*. Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis nr. 7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Nerman B. 1926. Archäologische Untersuchung bei Izborsk. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1924. Dorpat, 44—74.

Olshausen O. 1920. *Amrum. Bericht über die Hügelgräber auf der Insel nebst einem Anhange über die Dünen*. Prähistorische Zeitschrift. Supplement. Berlin: O. Leuschner.

Ørsnes M. 1969. *Südskandinavische Ornamentik in der jüngeren Germanischen Eisenzeit*. Acta Archeologica 40. København.

Panasiewicz W., Wołoszyn M. 2002. Staroruskie miniaturowe toporiki z Gródka, pow. Hrubieszów. *Archeologia Polski* XLVII (1—2), 245—286.

Petersen J. 1951. *Vikingetidens redskaper*. Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. 2, Historisk-Filosofisk Klasse 4. Oslo: Komm. Dybwad

Paulsen R. 1956. *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*. Bonn.

Radiņš A. 1999. *10.—13. gadsiņšta senkapi latgaļu adzīvotajāun Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politikās vēstures jautājumi*. Rīga: N.I.M.S.

Rauhut L. 1971. Wczesnośrednowieczne cmentarzysko w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu. *Materiały starożytne i wczesnośrednowieczne* I. Warszawa, 602—617.

Rodgers N.S.H. 1993. *Anglian and Other Finds from 46—54 Fishergate*. In: Addyman P. V. (gen. ed.). The Archaeology of York 17 (9). York.

Roesdahl E. 1977. *Fyrkat. En jysk vikingeborg. II. Oldsagerne og Gravpladsen*. Nordiske Fortidsminder B, 04. København: Andelsbogtrykkeriet.

Serning I. 1956. *Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna*. Stockholm: Hugo Geber.

Skovmand R. 1942. *De danske Skattefund fra Vikingetiden og ældste Middelalder indtil omkring 1150*. AaSærtryk af: Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1942. København: Gyldendal i komm.

Staecker J. 1999. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden*. Lund Studies in Medieval Archaeology 23. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.

Stenberger M. 1947. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, 2. Fundbeschreibung und Tafeln*. Lund: Ohlsson.

Stenberger M. 1958. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 1, Text.* Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Tallgren A.M. 1925. *Zur Archäologie Eestis* 2. *Von 500 bis etwa 1250 n. Chr*. Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli toimetused. Dorpat: Mattiesen.

Thunmark-Nylén L. 1995. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 1. *Abbildungen der Grabfunde*. Stockholm: Almqvist och Wiksell.

Thunmark-Nylén L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands* Bd. 2. *Typentafeln*. Stockholm.

Thunmark-Nylén L. 2006. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 3 (1). *Text*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

Tõnisson E. 1974. *Die Gaua-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.)*: *ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte*. Tallinn: Verlag Eesti Raamat.

Wikström A. 2008. Allmän genomgång. In: Wikström A. (ed.). *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.

Wilson D.M. 1985. *The Bayeux Tapestry: the Complete Tapestry in Colour*. New York: A.A. Knopf.

Žulkus V. 1997. Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten. In: Kazakevičius V., Žulkus V. (eds.). *Archaeologia Baltica* 2. Vilnius, 165—189.

Статья поступила в номер 16 марта 2014 г.

Yury Lesman. Candidate of Historical Sciences.

Yury Lesman. Candidat în ştiinţe istorice.

Лесман Юрий Михайлович. Кандидат исторических наук.